

ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА

№ 8

2019

ИНСТИТУТ НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА

Научно-практический журнал

№ 8 . 2019

Издательство Института Непрерывного
Профессионального Образования

МОСКВА
2019

INSTITUT OF CONTINUOUS PROFESSIONAL EDUCATION

RUSSIAN ACADEMY OF NATURAL SCIENCES

PHILOSOPHICAL SCHOOL

Scientific and practical journal

№ 8 • 2019

Publishing house
of Institute of Continuous Professional Education

Moscow
2019

МИССИЯ ЖУРНАЛА «ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА»:

объединение авторов, имеющих темы для содержательного дискурса, оригинальные исследовательские разработки и проблемы для всестороннего обсуждения, а также задел для философского вопрошания и всеобъемлющей рефлексии человеческого и общественного бытия, с целью духовно-нравственного совершенствования человека посредством созидательного творческого труда в сфере сохранения и утверждения ценностей духовной культуры.

MISSION OF THE JOURNAL «PHILOSOPHICAL SCHOOL»:

uniting of authors who have themes for meaningful discourse, original research developments and problems for comprehensive discussion, reserve for philosophical inquiry and for comprehensive reflection of human and social being for the purpose of spiritual and moral perfecting of man through originative creative work in the matter of preserving and affirming the values of spiritual culture.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета:

ПЕКЕЛИС Михаил Абрамович (Михаил Пластов) — доктор философских наук (МВАК), доктор богословия (МВАК), кандидат физико-математических наук, профессор, ректор Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте, член Президиума Российской академии естественных наук, член Союза писателей СССР (Москва, Россия).

Члены редакционного совета:

АНТИПОВ Сергей Сергеевич — кандидат философских наук (МВАК), академик Европейской академии естественных наук, первый проректор Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте, сопредседатель попечительского совета Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте, секретарь Правления Московской областной организации Союза писателей России (Москва, Россия).

ВЕНГЕРОВ Алексей Анатольевич — доктор технических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, лауреат премии Правительства Российской Федерации (Москва, Россия).

ЕРОМАСОВА Александра Анатольевна — доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии Сахалинского государственного университета (Южно-Сахалинск, Россия).

ИВАНИЦКАЯ Лида Владимировна — кандидат технических наук, первый вице-президент и главный учёный секретарь Российской академии естественных наук (Москва, Россия).

КРЕЙС Владимир Владимирович — кандидат исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Академии сухопутных войск Министерства обороны Российской Федерации (Москва, Россия).

ЛАПИН Николай Иванович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН (Москва, Россия).

ЛЕВИН Элизабета — доктор физико-математических наук, темпоролог, член ISST (International Society for the Study of Time), член Союза литераторов Европы, ведущая раздела темпорологии в Институте Интегративных Исследований (IRI) (Хайфа, Израиль).

ЛЕКТОРСКИЙ Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, действительный член Российской академии наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Философия науки и техники», научный руководитель философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия).

ЛИ Андрей Гендинович — доктор медицинских наук, кандидат технических наук, профессор, проректор по научной работе Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте (Москва, Россия).

МАНДШИР Должин — кандидат философских наук, преподаватель Монгольского государственного университета (Улан-Батор, Монголия).

МОИСЕЕВ Александр Николаевич — доктор педагогических наук, профессор, академик-секретарь отделения «Педагогические науки» Российской академии естественных наук (Москва, Россия).

ПЕТРЯКОВ Александр Михайлович — доктор теологии, протоиерей, заведующий кафедрой Берлинского междисциплинарного университета им. Гёте (Москва, Россия).

РОСТОВА Наталья Николаевна — доктор философских наук, старший преподаватель кафедры философской антропологии проблем комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

СКОРОБОГАТОВА Елена Анатольевна — доктор психологических наук, кандидат экономических наук, академик Европейской академии естественных наук, проректор по международной работе Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте (Москва, Россия).

СМИРНОВ Сергей Алевтинович — доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии Сибирского отделения Российской академии наук проектный аналитик,

главный редактор гуманитарного альманаха «Человек.RU»; эксперт ВАК, РНФ, РФФИ (Новосибирск, Россия).

СПИРОВА Эльвира Маратовна — доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Философия и культура», главный редактор журнала «Философская мысль» (Москва, Россия).

ТРУФАНОВ Сергей Николаевич — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии Самарской государственной академии культуры и искусств (Самара, Россия).

ТЯНЬЮЕ Ву — доцент отдела философии, заместитель директора Центра исследования древнего мира и средних веков Пекинского университета (Пекин, Китай).

ФАТЕНКОВ Алексей Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского государственного факультета им Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

ЧЕРНОВ Сергей Васильевич — доктор философских наук (МВАК), кандидат педагогических наук, профессор, ректор Института Непрерывного Профессионального Образования, заведующий кафедрой психологии и педагогической антропологии, научный руководитель Европейского Центра исследования гениальности (Берлин, Германия), главный редактор журнала «Философская школа» (Москва, Россия).

ШАЖИНБАТ Ариунаа — доктор философских наук, профессор, директор Института философии Монгольской академии наук (Улан-Батор, Монголия).

ШАПОВАЛОВ Владимир Иванович — доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, профессор, первый проректор Института Непрерывного Профессионального Образования (Сочи, Россия).

ШЕЙКИН Владимир Александрович — проректор по связям с общественностью Института Непрерывного Профессионального Образования (Москва, Россия).

ЩЕРБИНИН Владимир Викторович — доктор химических наук, доктор философии в области медицины, профессор, заведующий кафедрой «Исследования вопросов творческого долголетия» Берлинского междисциплинарного Университета имени Гёте, академик Европейской Академии Естественных наук (Москва, Россия).

РЕДАКЦИЯ:

Шеф-редактор — **АНТИПОВ Сергей Сергеевич**

Главный редактор — **ЧЕРНОВ Сергей Васильевич**

Председатель редакционного совета — **ПЕКЕЛИС Михаил Абрамович**

Ответственный секретарь — **СПИРОВА Эльвира Маратовна**

Заместитель главного редактора — **ШЕЙКИН Владимир Александрович**

EDITORS COUNCEL

Chairman of the Council of Editors:

PEKELIS Michael (Michael Plastov) — Grand PhD in Philosophical sciences, Grand PhD in Divinity, PhD in Physical-mathematical sciences, Professor, rector of Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität, a member of the Presidium in Russian Academy of Natural Sciences (Moscow, Russia).

Members of the Council of Editors:

ANTIPOV Sergey — PhD in Philosophical sciences, academician of European Academy of Natural Sciences, first vice-rector in Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität, co-chairman of the board of trustees in Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität, secretary of the Board of the Moscow regional branch of the Russian Writers' Union (Moscow, Russia).

WENGEROV Alexey — Grand PhD in Engineering sciences, Professor, academician in Russian Academy of Natural Sciences, Russian Federation Government award winner (Moscow, Russia).

EROMASOVA Alexandra — Grand PhD in Philosophical sciences, PhD in Psychological sciences, associate professor, professor in Department of Psychology of the Sakhalin State University (Yuzhno-Sakhalinsk, Russia).

IVANITSKAYA Lida — PhD in Technical sciences, first vice president and chief scientific secretary in Russian Academy of Natural Sciences (Moscow, Russia).

KREYS Vladimir — PhD in Historical sciences, Professor of department of humanitarian and social-economic sciences in Academy of land forces of the Ministry of Defense of the Russian Federation. (Moscow, Russia).

LAPIN Nikolay — Grand PhD in Philosophical sciences, Professor, corresponding member in Russian Academy of Sciences, head of the Center for the research of Socio-Cultural changes in Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

LEVIN Elizabetha — Grand PhD in Physical and Mathematical Sciences, temporologist, member of the ISST (International Society for the Study of Time), member of the European Union of Writers, leading the section of Temporology at the Institute for Integrative Studies (IRI) (Haifa, Israel).

LECTORSKIY Vladislav — Grand PhD in Philosophical sciences, Professor, full member of the Russian Academy of Sciences, chief researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, chief Editor of the «Philosophy of Science and Technology», scientific director of philosophical faculty in the State Academic University for the Humanities (Moscow, Russia).

LEE Andrey — Grand PhD in Medical sciences, PhD in Engineering sciences, professor, vice-rector for scientific work of Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität. (Moscow, Russia).

MANDSHIR Dolzhin — PhD in Philosophical sciences, teacher in Mongolian state university (Ulaanbaatar, Mongolia).

MOISEEV Alexander — Grand PhD in Pedagogic sciences, Professor, academician-secretary in department “Pedagogical sciences” of Russian Academy of Natural Sciences. (Moscow, Russia).

PETRYAKOV Alexander — Grand PhD in Doctor of Theological sciences, priest. (Moscow, Russia).

ROSTOVA Natalya — Grand PhD in Philosophical sciences, senior lecturer in the Department of philosophical anthropology of the problems of integrated study of man, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

SKOROBOGATOVA Elena — Grand PhD in Psychological sciences, PhD in Economic sciences, academician in European Academy of Natural Sciences, vice-rector for international affairs of Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität (Moscow, Russia).

SMIRNOV Sergey — Grand PhD in Philosophical sciences, associate professor, leading researcher in Institute of Philosophy in Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; project analyst, editor-in-chief of the humanitarian almanac “Human.RU”; Expert of the Higher Attestation Commission, the Russian Science Foundation, the Russian Foundation for Basic Research (Novosibirsk, Russia).

SPIROVA Elvira — Grand PhD in Philosophical sciences, chief researcher, head of department of history of anthropological studies of Institute of Philosophy in Russian Academy of Sciences, Assistant editor-in-chief in journal “Philosophy and Culture”, editor-in-chief in journal “Philosophical thought”. (Moscow, Russia).

TRUFANOV Sergey — PhD in Philosophical sciences, associate professor, associate professor in Department of Philosophy and Political Science in Samara State Academy of Culture and Arts (Samara, Russia).

TYANUYE Wu — associate professor in the Department of Philosophy, deputy director of the Center for the Study of the Ancient World and Middle Ages of Peking University (Beijing, China).

FATENKOV Alexey — Grand PhD in Philosophical sciences, professor of the department of Industrial and Applied Sociology in Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia).

CHERNOV Sergey — Grand PhD in Philosophical sciences, PhD in Pedagogic sciences, Professor, rector of Institute of Continuous Professional Education, head of Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, scientific director of the European Center for Genius Research (Berlin, Germany), editor-in-chief in journal “Philosophical school”. (Moscow, Russia).

SHAZHINBAT Ariunaa — Grand PhD in Philosophical sciences, Professor, Director of the Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia)

SHAPOVALOV Vladimir — Grand PhD in Pedagogic sciences, PhD in Psychological sciences, Professor, first vice-rector of Institute of Continuous Professional Education (Sochi, Russia).

SHEYKIN Vladimir — vice-rector for public relations of Institute of Continuous Professional Education. (Moscow, Russia).

SHCHERBININ Vladimir — Grand PhD in of Chemical Sciences, Professor, head of the Department “Research on the issues of creative longevity” of Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität academician in European Academy of Natural Sciences. (Moscow, Russia).

EDITORS:

Editorial director — **ANTIPOV Sergey Sergeevich**

Editor-in-chief — **CHERNOV Sergey Vasil’evich**

Chairman of the Council of Editors — **PEKELIS Michael Abramovich**

Executive secretary — **SPIROVA Elvira Maratovna**

Assistant editor-in-chief — **SHEYKIN Vladimir Alexanderovich**

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКЦИИ	10
БОГОЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ <i>С. В. Чернов</i> Образ религиозного гения-творца: Св. апостол Павел.....	11
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ <i>Л. Ю. Логанова, И. С. Пагина</i> Ценность неудачи в жизни личности.....	22
ФИЛОСОФИЯ ПОЭЗИИ <i>М. А. Пекелис (Михаил Пластов), С. С. Антипов</i> Размышления о поэзии: Сферопэтика. Часть IV.....	30
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ <i>П. С. Гуревич (1933–2018)</i> Идея антропологизации философского знания.....	48
<i>Е. А. Рахмановская</i> Проблема целостности человека в трактовке Ф. Ницше.....	55
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ <i>И. Д. Джошадзе</i> Идеи раннего Пирса и их значение для развития философии в США.....	63
ПОСТКЛАССИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ <i>В. В. Старовойтов</i> Р. Фейрберн — жизнь и творчество.....	69
ГОРИЗОНТЫ НАУКИ <i>Т. В. Наумова</i> Эмиграция ученых как индикатор состояния современной российской науки.....	82
<i>Р. В. Мосолов</i> К вопросу о перспективных задачах отечественной социологии.....	92
ПОЭТИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА <i>А. Григорьев</i> Исторические фантазии Аркадия Григорьева.....	101
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	104
ABOUT THE AUTHORS	105
КОНЦЕПЦИЯ ЖУРНАЛА «ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА»	106
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ	107
ОТ РЕДАКЦИИ: дополнительно к выпуску № 7, 2019	107

CONTENT

EDITORIAL	10
CONCEPTION OF GODMEN ANTROPOLOGY <i>S. V. Chernov</i> Image of religious genius of creator: St. apostle Paul	11
PHENOMENOLOGICAL SOCIOLOGY <i>L. Yu. Logunova, I. S. Pagina</i> Value of failures in the life of the person	22
PHILOSOPHY OF POETRY <i>M. A. Pekelis (Michael Plastov), S. S. Antipov</i> Reflections on poetry: Spheropoetika. Part IV	30
PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY <i>P. S. Gurevich (1933–2018)</i> The idea of anthropologization of philosophical knowledge	48
<i>E. A. Rakhmanovskaya</i> The problem of human integrity in the treatment by F. Nietzsche	55
HISTORY OF PHILOSOPHY <i>I. D. Johadze</i> The ideas of early Pirs and their value for the development of philosophy in the USA	63
POST-CLASSICAL PSYCHOANALYSIS <i>V. V. Starovoitov</i> R. Fairbairn — life and creative work	69
HORIZONS OF SCIENCE <i>T. V. Naumova</i> Emigration of scientists as an indicator of the state of modern russian science	82
<i>R. V. Mosolov</i> To the question about perspective tasks of national sociology	92
POETIC PAGE <i>A. Grigoriev</i> Historical fantasy of Arkady Grigoriev	101
ABOUT THE AUTHORS (RUSSIAN)	104
ABOUT THE AUTHORS (ENGLISH)	105
CONCEPT OF THE JOURNAL «PHILOSOPHICAL SCHOOL»	106
INFORMATION FOR AUTHORS	107

СЛОВО РЕДАКЦИИ

Уважаемые коллеги, друзья!

Редакция журнала «Философская школа» планирует в 2019 году подготовку и издание тематического выпуска журнала по теме: «**Проблема гениальности**» и приглашает к сотрудничеству постоянных и новых авторов, философов, учёных, педагогов, религиозных и культурных деятелей, писателей, поэтов, критиков, публицистов, художников, имеющих собственную точку зрения, оригинальные исследовательские разработки, вопросы для всестороннего обсуждения и задел для философской рефлексии загадочного и редчайшего в истории человеческого рода явления гениальности.

Примерная тематика исследовательских подходов и обсуждаемых вопросов.

1. Теории гениальности.
2. Гениальность в историко-философской ретроспективе.
3. Гениальность в системе философско-антропологического, культурно исторического и психолого-феноменологического знания.
4. Онтологические, гносеологические, аксиологические, этические, эстетические аспекты гениальности.
5. Трансцендентные аспекты гениальности.
6. Критерии гениальности.
7. Способности, талант, гениальность.
8. Персонология и характерология гениальности.
9. Парадоксы гениальности.
10. Оригинальные подходы к исследованию гениальности.
11. Бытие гениальности в современную эпоху культурного излома.
12. Проблема гениальности в психолого-педагогическом контексте.

К публикации принимаются полноформатные статьи, тезисы докладов или др. научных разработок, очерки, эссе (объёмом 0,5–1,0 п. л.) и краткие (объёмом не менее 0,1 п. л.) заметки, а также персонологические исследования творческой деятельности и творческого наследия гениальных людей разных времён и народов. Сроки издания тематического выпуска определяются по мере поступления материалов для этого номера, но не позднее 1 ноября 2019 года. В случае поступления большого количества материалов о гениальности, превышающего стандартный объём одного номера, Редакция оставляет за собой право выпуска нескольких тематических номеров на эту тему.

Статьи и другие материалы по этой тематике направляются на электронную почту главного редактора журнала Сергея Васильевича Чернова: sv.chernov@institutnpo.ru.

Редакция

БОГОЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

С. В. Чернов

ОБРАЗ РЕЛИГИОЗНОГО ГЕНИЯ-ТВОРЦА: СВ. АПОСТОЛ ПАВЕЛ

Аннотация. Настоящая статья продолжает программу авторских исследований, основывающихся на развиваемой автором концепции богочеловеческой антропологии (термин Н. А. Бердяева), где предметом исследования является не природно-социальный психологический человек, а человек духовный онтологический (см.: «Философская школа» № 3, 2018, с. 8–41). Впервые в научно-философской литературе св. ап. Павел рассматривается не только как апостол Иисуса Христа, миссионер и проповедник, а, прежде всего, как религиозный гений-творец. В статье представлена оригинальная авторская версия откровения, испытанного и принятого Павлом, обосновывается положение о том, что в самой судьбе иудея Савла, в его становлении уже как апостола Христа, перед нами ясно разворачивается эманация божественного провидения, которое и делает пророка пророком, святого святым, а гения гением. Основываясь преимущественно на анализе текстов Нового Завета, автор представляет апологию творчества и любви, развёртываемую в учении св. ап. Павла, которое в основаниях своих опирается на универсальные идеи благого, возвышенного и прекрасного. Развиваемая в этом и других трудах автора концепция богочеловеческой антропологии несёт в себе назначение охранения христианской истины созидающего творчества, правды-справедливости и безусловной любви.

Ключевые слова: концепция богочеловеческой антропологии, св. ап. Павел, религиозный гений-творец, откровение, Новый Завет, учение апостола Павла, безусловная любовь, творчество, универсализм, христианская истина созидающего творчества.

S. V. Chernov

IMAGE OF RELIGIOUS GENIUS of CREATOR: ST. APOSTLE PAUL

Summary. This article continues the author's research program based on conceptual approaches developed by the author of the concept of Godmen anthropology (N. A. Berdyaev's term), where the subject of research is not a natural-social psychological person, but a spiritual ontological person (see: "Philosophical School" No. 3, 2018, p.). For the first time in the scientific and philosophical literature of St. apostle Paul is regarded not only as an apostle of Jesus Christ, a missionary and a preacher, but, above all, as a religious genius-creator. The article presents the original author's version of the revelation, tested and accepted by Paul. It substantiates the proposition that in the fate of the Jew Saul, in his formation as an apostle of Christ, we clearly see an emanation of divine providence, which makes the prophet to be a prophet, a saint to be a saint, and a genius to be a genius. Based primarily on the analysis of the texts of the New Testament, the author presents an apology of creativity and love, developed in the teaching of St. apostle Paul, which in its foundations is based on the universal ideas of the good, the sublime and the beautiful. The concept of theanthropic anthropology, developed in this and other works of the author, carries the purpose of preserving the Christian truth of creativity, truth-justice, and unconditional love.

Key words: conception of Godman anthropology, St. apostle Paul, a religious genius-creator, revelation, the New Testament, the teaching of the Apostle Paul, unconditional love, creativity, universalism, the Christian truth of creativity.

Что посеет человек, то и пожнёт: сеющий
в плоть свою от плоти пожнёт тление, а сеющий
в дух от духа пожнёт жизнь вечную.

Св. апостол Павел (Гал.6: 4–8)

Пророк, святой, гений помогают человеку вспомнить своё пребывание в вечности, дабы человек смог понять *смысл предначертанного ему пути*, дабы человек смог преобразоваться в *новую личность*, — перешагнуть ступень от *природно-социального человека до человека духовного*¹. Апостол Павел проповедовал эфесянам: «...вы слышали о Нём и в Нём научились, — так как истина во Иисусе, — отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях, а обновиться духом ума вашего и облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины» (Еф. 4: 21–24). Сам апостол как никто другой очень хорошо знал и понимал, что это значит — *облечься в нового человека, соответствующего образу и подобию Божию*.

Очень хорошо знал об этом Савл, — в прошлом участвовавший в гонениях и избиениях христиан, — а ныне — Павел — апостол Иисуса Христа, не убоившийся взойти на свою Голгофу, и показавший всем остальным пример, достойный имени Призвавшего, Освятившего и Пославшего его. И Павел в полной мере исполнил *завет Христа*, оставленный своим ученикам-апостолам: «...идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам...» (Мф. 28, 19–20). И пошёл Павел крестить все народы и учить их всему тому, что поведал Христос в назначенном Павлу откровении. Недаром поэтому много позже назван был Павел *апостолом язычников*, т.е. апостолом, открывшим двери Веры Христовой не только иудеям, но и всему роду человеческому.

Нам очень близко такое понимание личности ап. Павла, которое даёт еврейский учёный Геца Вермеш (Geza Vermes, 2001): Павел был «подлинным основателем христианства... поэтическим и мистическим гением, способным создать многогранный, впечатляющий и захватывающий богословский шедевр. Без сомнения, Павел был самым одарённым и творческим среди авторов Нового Завета... он также был блестяще одарённым организатором, без чьего вклада христианство

¹ Представление о *природно-социальном человеке и духовном человеке* было раскрыто нами ранее в статье «*Божественное и человеческое*» (Философская школа. № 3, 2018. – С.8-41).

не существовало бы или было бы чем-то совершенно иным» [15, р.60, 71].

Апостол Павел интересуется нас не только как святой апостол (в своей жизни, учении и деяниях), но также как *личность, обладающая творческой гениальностью*, т.е. как человек, который, по словам Н.А.Бердяева, «по духовному своему типу был... религиозным гением творцом» [2, с. 42]. Павел интересуется нас как Божий избранник, который по *открывшемуся ему откровению*, полностью и без остатка посвятил себя *служению Богу — величайшей цели из всех, которую только и может принять на себя человек...*

Откровение

Когда-то очень давно один мало кому известный молодой человек шёл из Иерусалима в Дамаск с важнейшим, как он полагал, поручением. Человек этот был мал ростом, кривоног, некрасив лицом и, несмотря на свою молодость, был уже достаточно плешив. Время было жаркое, солнце светило нещадно, путь был долгим, и случилось несчастье. Вдруг, молодой человек страшно закричал, вознёс обе руки к небу и в тот же миг как подкошенный рухнул на землю. Три дня и три ночи он не приходил в себя и те, кто был с ним рядом, не думали уже увидеть его живым. Однако он поднялся, поднялся так же неожиданно, как и упал. Но когда он поднялся, бывшие с ним, не узнали его. Маленький иудей Савл действительно «умер», — *перестал быть*, но вместо него «родился», — *стал быть* апостол Павел, получивший свое *миссионерское, проповедческое, учительское назначение* в открывшемся ему *Слове-Истине Иисуса Христа*.

И для ап. Павла, бывшего ранее Савлом, преследовавшим христиан во имя «закона», стало вдруг совершенно ясно, и открылась ему истина, что «закон пришёл для того, чтобы умножилось преступление», а сам он, ныне Павел, призван служить *божественной благодати, истине и любви*.

И с этого момента, опираясь на собственный опыт откровения, Павел по праву несёт Благоую весть, которую он как проповедник призван донести до всего мира: «Итак, если вы воскресли со Христом, то ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога; о горнем помышляйте, а не о земном. Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге. Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе» (Кол. 3: 1–4). В своих *«Посланиях»* Павел

неоднократно будет писать об этом событии, которое полностью изменило его жизнь: Христос «явился и мне» (1 Кор. 15: 8); «...Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своею, благоволил открыть мне Сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам...» (Гал. 1: 15–16); «Павел Апостол, избранный не человеками и не через человека, но Иисусом Христом и Богом Отцом» (Гал. 1: 1) и др.¹

Евсевий Памфил (ок. 260–340), составитель первой «Церковной истории» христианства, следуя текстам Нового Завета и опираясь на Священное Предание, пишет о призвании Павла в апостолы следующее: «...Павел, сосуд избранный, объявлен апостолом — не людьми и не с помощью людей, а по откровению Самого Иисуса Христа и Бога Отца, воскресившего Его из мёртвых. Он удостоился этого звания благодаря видению и голосу с неба, сопровождавшему откровение» [4, с. 54].

Таким образом, Савл-Павел, бывший гонитель христиан, в итоге откровения получает призвание-поручение от Самого Иисуса Христа, и становится первым апостолом, который *понёс Благу ю весть* не только иудейскому народу, но и всему языческому миру и тем самым принял на себя роль и наложил на себя ответственность во многом *определившие последующую мировую христианскую историю*.

Анализ текстов «Нового завета» позволяет полагать:

1) Павел вполне мог быть ровесником Иисуса Христа;

2) Павел *был призван* к служению непосредственно самим Иисусом Христом посредством откровения;

3) в откровении Павлу *открылось* многое из того, что было непонятно и потому во многом чуждо всем другим апостолам;

4) все свои проповеди Павел строил исключительно на основе первого и последующих своих откровений, которые, по словам самого апостола, сопровождали его *мессианскую, учительскую и проповедческую* деятельность;

5) вся последующая жизнь Павла после откровения напоминает *странническую* земную жизнь Иисуса Христа. Также как и Иисус, Павел путешествует с места на место, только география странствий Павла шире, чем известная из Евангелий география странствий Христа.

Понятно, что историческая хронология жизни и служения ап. Павла может быть представлена

лишь с той или иной степенью вероятности. Эдуард Лозе (1996), один из крупнейших современных библистов, предлагает следующий вариант хронологии служения апостола Павла: «Смерть Иисуса — 30 г.; обращение Павла — 32 г.; первое посещение Иерусалима — 35 г.; Апостольский собор — 48 г.; основание общины в Коринфе 50/51 гг.; пребывание в Эфесе — 53–55 гг.; деятельность в Коринфе и составление «Послания к Римлянам» — 58 гг.; прибытие в Иерусалим — 56 г.; заключение в Кесарии — 56–58 гг.; судебный процесс в Риме — 58–60 гг.; смерть Павла в Риме — начало 60-х гг.» [5, с. 50].

Джон Макрей (2003), педагог и богослов, археолог и путешественник, более сорока лет занимавшийся изучением жизни и учения апостола Павла, основываясь на многочисленных исследованиях предшественников и на своих собственных изысканиях, предлагает следующую версию «обращения» и «призвания» иудея Савла в апостолы Иисуса Христа, и соответствующего «поручения», данного Павлу Самим Христом, которую мы здесь и приводим с небольшими сокращениями: «Павел направлялся из Иерусалима в Дамаск с письмами от первосвященника, дающими ему право арестовывать иудейских христиан и заключать их под стражу за принятие этого нового богохульного учения. То, что Павел отправился столь далеко с данной миссией, поясняет слова, сказанные о себе, что он был неумеренным ревнителем отеческих преданий (Гал. 1: 14). Но прежде чем Павел достиг пункта назначения, он был ослеплен явлением Христа, и его жизнь изменилась. Воскресший Господь Иисус Христос говорил с ним по-еврейски (или по-арамейски) и призвал стать одним из его апостолов. Таким образом, Павел получил поручение идти к язычникам и проповедовать им христианскую веру (Деян. 26: 16–18; ср. 9: 15). Ему было сказано идти в Дамаск для получения дальнейших инструкций (Деян. 22: 10; 9: 6), которые и дал ему еврейский верующий по имени Анания. Павел описал его как мужа, благочестивого по закону, одобряемого всеми Иудеями, живущими в Дамаске (Деян. 22: 12). После трёх дней слепоты и поста, Павел был крещён Ананией для омытия его грехов и вновь обрёл зрение (Деян. 9: 18; 22: 16)» [6, с. 50].

Далее Макрей обращает внимание ещё на один исключительно важный фактор, характеризующий природу *божественного откровения, которое доступно только тому, кому оно собственно обращено, но недоступно для тех, которые могут присутствовать при этом, но не способны*

¹ См. также: 1 Кор. 9: 1; Флп. 3: 7.

услышать зов Божий: «Повествование об обращении Павла в Деян. 26: 16 подтверждает тот факт, что поручение было ему дано во время этого явления Христа <...> Согласно одному рассказу (Деян. 9: 7), спутники Павла слышали голос, но согласно другому (Деян. 22: 9) — они не слышали голоса. Греческий текст указывает на то, что спутники только *слышали* (родительный падеж) звук, но не *понимали* (винительный падеж) того, что слышали. Павел понимал (Деян. 9: 4) голос (винительный падеж), говоривший по-еврейски. Параллелью ситуации может служить рассказ в Ин. 12: 27–29, где Иисус понял голос, обращенный к нему, тогда как стоящая рядом толпа слышала только звук и думала, что это гром» [6, с. 57–58].

Можно полагать, что в своей жизни каждый человек бывает причастен божественному откровению, направленному именно этому человеку и никому другому больше, но далеко не каждый человек способен не только *принять* на себя *назначение* своё, но хотя бы только лишь понять, обращенный к нему глас Божий. В случае с иудеем Савлом всё обстояло иначе: «В рассказе о своём обращении в Послании к Галатам Павел говорил, что Бог избрал его от утробы матери», и, таким образом, это в соответствии с писаниями Августина и Кальвина означало «что Павел считал это своим предопределением, и поэтому он не мог отвергнуть призвание Божие» [6, с. 59].

Точно также это происходит и в жизни других гениальных людей, но в уникальной и оригинальной для каждого из них форме, а гениальный человек, как Божий избранник, уже не может отказаться или игнорировать назначение свое. «Провидение — это изумительная вещь. <...> Савл из Тарса был всего лишь человеком, которого Бог искал в данный момент истории, в полноте времени» [6, с. 48], а пережитое Павлом откровение сделало его ревностным учеником Иисуса из Назарета, и было по сути своей «*призванием*, подобно тому, что переживали израильские пророки» [6, с. 51]. — «Законом я умер для закона, — говорит ап. Павел, — чтобы жить для Бога. Я содраспался Христу, и уже не я живу, но живёт во мне Христос» (Гал. 2: 19–20).

В *Деяниях Апостолов* сказано, что Павел был взят на службу Господу как «избранное орудие» (Деян. 9: 15). Опираясь на тексты Нового Завета, Эдуард Лозе убедительно показывает, что Павел «был не просто добавлен в существующую уже цепь предания, чтобы дополнить её ещё одним

звеном, но вознёсшийся Господь, то есть Сам Бог, дал ему поручение проповедовать Благоую весть» [5, с. 59]. Причём, известие о том, что бывший преследователь христиан стал проповедником Христа стремительно и повсеместно распространилась: «Тот, кто раньше преследовал нас, проповедует теперь веру, которую он прежде хотел истребить» (Гал. 1: 21) и это само по себе усиливало интерес не только к личности Павла, бывшего гонителя христиан, а ныне проповедующего веру, но к самой Павловой проповеди, прославлявшей Бога (Гал. 1: 24).

Апостол Павел навсегда остался самоотверженным учеником Иисуса Христа и одновременно стал самым самоотверженным христианским учителем, ведь истинным учителем может называться лишь тот, кто навсегда, на всю жизнь остается пытливым и восторженным учеником. Апостол встал на трудный и тяжёлый путь, но никогда уже более не сходил с этого пути, на котором ему суждено было многое пережить, многое претерпеть: «От иудеев пять раз получил я по сорок ударов без одного, — рассказывает сам Павел, — три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение...; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне...; в труде и в изнурениях, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготы» (2 Кор 11: 24–27).

Итак, в судьбе иудея Савла в его становлении уже как апостола Павла мы видим *предопределение*, которое и делает *пророка пророком, святого святым, а гения гением*. Кому дано увидеть — тот увидит, кому дано понять — тот поймет, кому дано прозреть — тот прозреет, но все остальные при этом останутся до поры «слепыми». Но те, кто прозрел, увидел и понял, поспешат поделиться этим с другими, не прозревшими ещё, и они просто не могут поступить иначе. Их творческий дар откровения, многократно усиленный осознанным ими назначением, подобен пробужденному вулкану, который обязательно прорвет своими силами гору, он подобен слабому ростку, но который обязательно пробьёт своей силой любые каменные преграды. И это есть настоящий закон жизни, ведь истина не может оставаться скрытой. Лишь только серость может оставаться скрытой или скрываться от других, а пророки, святые и гении всегда рано или поздно открываются всему миру.

Апология творчества и любви в учении ап. Павла

Д. С. Мережковский в своем исследовании жизни и служения Павла, ссылаясь на Деяния Апостолов, пишет: «Дело своё начал Павел, тотчас после обращения, только что услышал на вопрос свой: "Что мне делать?" — ответ Иисуса: "Встань и стань на ноги твои... Ибо ты — *избранный (предопределенный)* сосуд Мой... Я пошлю тебя далеко к язычникам... открыть им глаза, чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу" (Деян. 22: 21; 26: 18). Здесь, уже в самом начале пути, предсказан, "*предопределен*", конец Павла, — вся его жизнь, "от второго рождения" до смерти, — всё, что он сделает. Кажется, такого дела, сверх сил человеческих, никогда никакой человек не брал на себя. Большая сила нужна была для него, чем для всех побед Александров и Цезарей: те мимолетны, как сон, а это дело, Павлово, совершенное в двадцать лет, стоит, вот уже двадцать веков, и простоит, вероятно, до конца мира, потому что это — дело Духа, чье легчайшее веяние крепче всех твердынь. "Я победил мир", — мог бы сказать и Павел, как Пославший его (Ин. 16: 33)» [7, с. 31].

В чём же заключалась сила этого болезненного плотью и физически слабого Павла, которая превысила между тем иную силу, препятствующую Учению Христа? «Чем победил Павел?». — задает вопрос Мережковский и тут же на него отвечает: «...главная "движущая сила" его — та же, что у самого Иисуса, — любовь не только общая, ко всем людям вместе, но и к каждому в отдельности. <...> Большею любовью никто никогда не любил людей, кроме Иисуса. Вот Павлова победа, победившая мир. "Если я имею *дар* пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что *могу* и горы переставлять, а любви не имею, — то я ничто" (1 Кор. 13: 2). <...> Только такая любовь и могла победить мир; только на неё отвечают люди равной любовью» [7, с. 3–35].

Апостол Павел, в отличие от многих, очень хорошо знает, *что такое есть любовь*, любовь, выше которой нет ничего на свете, «любовь, которая есть совокупность совершенства» (Кол. 3: 14), любовь, без которой даже вера слаба, а познание бессильно, любовь, без которой все иные дела человеческие не имеют никакого смысла, а дарования — никакого значения: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое

познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имея любви, — то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор. 13: 1–8).

В этих словах, составляющих самую суть учения Апостола, Павел, основываясь на *Нагорной проповеди Христа*, представляет *любовь* как *универсальную идею*, которая входит в универсальную триаду идей (*любовь, истина, красота*), определяющих смысл человеческого бытия¹. Носителем безусловной любви, так как её представляет Павел, является *новый человек, человек как личность, духовный человек*. Ни *первобытный человек*, ни *природно-социальный человек* не могут быть носителями подобной любви, тогда как способность к абсолютной и безусловной любви можно определять как *главный признак человека духовного*.

Итак, *представление Павла о любви составляет центральный, ключевой, фундаментальный аспект*, — это та идея, вокруг которой *выстраивается и смысл, и значение, и содержание учения ап. Павла в целом*. Высший подвиг христианский — в любви ко всему живому, — в любви к ближнему своему, — в умении быть милосердным ко всем без суда и разбора, быть способным к всепрощению, невзирая ни на какие обстоятельства и причины, что по сути своей и заключает в себе любовь к Самому Богу.

Иисус Христос не боролся со злом. Борьба всегда предполагает насилие. Напротив, Он не только проповедовал Истину (изначально исключаящую зло) в словах Своих, но и утверждал её делами и жизнью Своей, каждым действием и шагом Своим, мученическим подвигом и воскресением Своим. Тело Христа — это тело всех людей земных, кровь Христа — это наша с вами кровь. Истязая тело ближнего и дальнего своего, надругаясь над своим телом, мы продолжаем надругаться над телом Самого Христа; проливая кровь невинных жертв, мы проливаем кровь Самого Бога. Не в борьбе с «неверными» заключается смысл христианства, как считалось во времена крестовых походов. Подвиг христианства — в милосердии

¹ Подр. см.: табл. 1 в нашей статье «*Божественное и человеческое*» [13, с.12].

и всепрощении: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. <...> Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» (Мф. 5: 44–45, 48).

Не бороться со злом *учил* Иисус Христос, ведь любая борьба обязательно порождает новое зло, а *учил он спасать людей от зла*, не делая ничего иного кроме добра, но «добра» не «по закону», а добра по духу, добра по благодати, добра по любви. Но беда человека и человечества в том и состоит, что приносить зло бывает много проще, чем творить добро: «Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был через Него. <...> Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге содеяны» (Ин. 3: 17, 19–21).

Христианский подвиг в том и состоит, чтобы, *познав истину*, не только переживать её в самом себе и тем самым *жить и наслаждаться* ею, но и *нести* её дальше, тем самым, *утверждая её* в человеческом духе. И поручил Иисус апостолам своим: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, *так* и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что Вы мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13: 34–35). Такое же поручение со Словом Христа получил в откровении и апостол Павел.

Чему же ещё учил Павел, что же он ещё проповедовал?

Большое место в учении Павла занимают вопросы *нравственности и ответственности* христианина в повседневной жизни: «...в апостольских наставлениях говорится от имени милосердия Божьего, которое указывает направление жизни верующих: они должны приносить свои тела, т.е. себя самих со всем, что они есть и что они делают, как живую, святую и благоприятную Богу жертву. Тем самым вся жизнь описывается как богослужение. <...> Речь идёт уже не о Храме и священном месте, но о всей полноте и широте человеческой жизни, которая включает в себе все проявления телесной природы человека. Уже не существует священной территории, которая была бы выделена по своему значению как место посвящений

и жертвоприношений. Напротив, весь мир — это место, где надлежит совершать богослужение через повседневные дела» [5, с. 249].

Говоря другими словами, человек нравственный и ответственный не безобразничает и не плюет не только на территории Храма, для него чист и священен и весь мир, и все люди, которые его окружают; нравственный человек не тот, который проявляет общественно-приемлемое поведение лишь будучи на глазах своего родителя, учителя, воспитателя, полицейского, священника, начальника, или референтной для него группы людей, а тот, кто остаётся на высоте истинной человечности и нравственности всегда и при любых обстоятельствах, будь он в полном одиночестве, или среди любых других людей.

С точки зрения архим. Киприана: «Для ап. Павла, как библейски ориентированного писателя, сущность личной жизни человека гораздо больше в нравственной ответственности человека, чем в самосознании; больше в воле, чем в интеллекте». «В земных условиях, — пишет свящ. Ил. Гумилевский, — “дух” не есть личный, независимый центр жизни, а лишь известное состояние человеческой жизни» [10, с. 110]. В «Послании Колоссянам» Павел говорит о нравственном облике истинного христианина, который должен отказаться от «ветхого человека», подавив в себе такие пороки как «блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание» (Кол. 3: 5), а также «гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших» (Кол. 3: 8).

Задача христианина — духовное преображение в облики *нового человека*, «который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но всё и во всём Христос» (Кол. 3: 10–11). Мысль о равенстве христиан в своей вере, равенстве перед Богом и перед самими собой содержится и в *Послании Апостола к Галатам*: «Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3: 27–28).

Обсуждая, важнейшую антропологическую тему будущих судеб человека и человеческого рода апостол Павел видит здесь только одну перспективу — тесное единение человека с Богом. На основании собственного духовного опыта божественного откровения, Павел учит о том, что люди — это храм Божий для обитания Духа Божия: «Разве не знаете, — восклицает апостол, — что

вы храм Божий и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм — вы» (1 Кор. 3: 16–17). «Апостол настолько непосредственно переживает эту возможность обитания Духа Божия в себе и обладает сам таким автентичным мистическим познанием (“восхищение в рай”, “третье небо” и т. д.), что все касающееся внутреннего духовного приобщения Богу повествуется им по собственному переживанию. Его единение со Христом есть плод непосредственного мистического опыта. Если сопоставить такие, например, признания Апостола, как “и уже не я живу, но живёт во мне Христос” (Гал. 2: 20), “любовь Христова объемлет нас” (2 Кор. 5: 14), “всё могу в укрепляющем меня Иисусе Христе” (Фил. 4: 13), “мы немощны в Нём, но будем живы со Христом силою Божиею в вас” (2 Кор. 13: 4), — то, очевидно, что как бы сама личность Христа вошла в Апостола и пользуется им, как своим орудием, и у ап. Павла всегда налицо эта вера в имманентность Христа в нём» [цит. по 9].

Но Дух Божий, по мысли Павла, живёт лишь в человеке, который сделался духовным, а «для мудрых “мудростью мира сего”, — говорит Павел, — всё скрыто за облаками» [14, с. 259] и лишь благодаря Духу люди достигают адекватного знания и «ясно видят всё до последнего звена». Ведь «душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием, и не может разуметь, потому что о сём *надобно* судить духовно» (1 Кор. 2: 14). Но Павел знает, что духовность человека находится в становлении и он, апостол Павел, волею Христа, всеми силами своими способствует духовному преображению людей, призывая их к вере христовой, утверждающей *смысл человеческого бытия в безусловной любви и созидаемом творчестве*.

С точки зрения Альберта Швейцера (1930) в учении Апостола Павла разворачиваются друг подле друга три различных учения об искуплении: эсхатологическое, юридическое и мистическое [там же], причём, мистика Павла имеет «абсолютное своеобразие», которое, по словам Швейцера, выражается в следующем: «У Павла нет мистики единения с Богом, есть лишь мистика единения со Христом, благодаря которой человек и вступает в общение с Богом. Основная мысль мистики ап. Павла звучит так: я есмь во Христе, в нём я переживаю себя как существо, свободное от этого чувственного, грешного и преходящего мира и уже принадлежащее миру преображённому; в Нём я обретаю уверенность в воскресении; в Нём я есть дитя Божие. <...>

Последняя особенность мистики ап. Павла заключается в том, что он не только мистик. Обычно тот, кто достиг последнего знания и переживания непреходящего в преходящем, уже не снисходит до примитивных воззрений обыденного мышления и обычной религиозности. Он становится целиком и полностью мистиком. Обладая своим особым, идущим изнутри и направленным на внутреннее, видением, он стоит над всяким внешним познанием. Даже если он и терпит наивные высказывания о временном и вечном как некие традиционные образы, он всегда стремится высветить эти экзотерические представления пронзительным светом своей мистики и показать их скудную относительность.

У ап. Павла мистика... сохраняет за немистическими представлениями об искуплении все их права и, вполне естественно уживается с ними. Также и для ап. Павла несомненно, что есть некоторое “премудрое” понимание искупления, идущее дальше представлений обычной веры. <...> Ему важно, чтобы было осознано все значение и масштаб совершившегося на кресте искупления и всё богатство “дарованного нам от Бога” (1 Кор. 2: 12). Мистическое познание не отрицает веру, но завершает её» [14, с. 258–259].

Настоящее *непреходящее значение* мистики апостола Павла мы видим в следующем.

Первое. «Апостол Павел на все времена обеспечил права мысли в христианстве. Над верой, опирающейся на традицию, он возвышает протекающее их Духа Христова познание» [там же, с. 474]. Именно во *Христе*, говорит ап. Павел в *Первом Послании Коринфянам*, «вы обогатились всем, всяким словом и всяким познанием, — ибо свидетельство Христово утвердилось в вас, — так что вы не имеете недостатка ни в каком даровании, ожидая явления Господа нашего Иисуса Христа» (1 Кор. 1: 5–7). Таким образом, именно «Апостол Павел — первый среди христиан святой заступник мышления» [там же, с. 475], считающий, что *вера в Иисуса Христа не противоречит свободной мысли*.

Второе. Мистика ап. Павла, основанная, во-первых, на *принципе «единения с Христом»* и, во-вторых, на *принципе любви*, даёт в своём синтезе начало новой и предельно оригинальной *христианской этики благодати и любви*. Той любви, о которой говорил сам Апостол: «Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё

покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит» (1 Кор. 13: 4–7). Именно посредством единения с Христом и через осознание истины безусловной любви достигает человек *совершенства и благодати*.

Добавим к этому, что *христианская этика благодати* нашла своё продолжение и развитие через десять столетий после Павла в русском православии — в противопоставлении «закона и благодати», гениально выраженном в «Слове о Законе и Благодати», которое его автор митрополит Иларион начинает следующими словами: «О Законе, Моисеем данном, и о Благодати и истине в Иисусе Христе явившихся; о том, как Закон отошёл, а Благодать и истина всю землю исполнили, и вера на все языки простёрлась, и на наш народ русский» [8, с. 37]. Надо здесь сказать, что *христианская этика благодати навечно нашла место в самосознании и ментальности русского народа*. Того народа, главными духовными исканиями которого всегда были *правда-истина и правда-справедливость*.

Третье. Ап. Павел был первым мыслителем-первооткрывателем, открывшим закон неразрывной связи божественной благодати с созидательным творчеством человека, закон, определяющий божественный смысл и значение созидательно-творческих изысканий, деяний и трудов любого человека, — потому как *творческий дар человека нисходит к нему Духом Божиим*. Эта мысль подтверждается следующими словами самого Павла: «Не хочу оставить вас, братия, в неведении и о дарах духовных. <...> Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий всё во всех. Но каждому даётся проявление Духа на пользу. Одному даётся Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцеления, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков. Всё же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как ему угодно (1 Кор. 12: 1, 4–11) <...> И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, *иным дал силы чудодейственные*, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки» (1 Кор. 12: 28).

Приведённые здесь слова Павла, раскрывающие неизбывную тайну *духовного дара Бога человеку*, позволяют сделать следующие выводы:

– во-первых, Павел поддерживает множественность, разносторонность и естественный порядок человеческих дарований;

– во-вторых, *созидательное творчество*, по Павлу, всегда *религиозно оправдано*¹, поскольку источником его является Святой Дух;

– в-третьих, *12-й стих 1-го послания к Коринфянам* прямо указывает на *единый духовный источник провиденциальности, нравственности и творческой личности человека* и, соответственно, *единый источник духовной жизни пророка, духовной жизни святого, духовной жизни гения*.

Однако без любви, предупреждает Павел, ни один из даров не только не идёт человеку на пользу, но и не имеет никакого онтологического смысла, поскольку, одарённость без благодати и любви, без одухотворённости Святым Духом — «ничто» есть: «Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто» (1 Кор. 13: 2). Поэтому «достигайте любви, ревнуйте о дарах духовных...» (1 Кор. 14: 1) — проповедует Павел. Ведь даже вера без любви вырождается в гордыню тщеславия.

Особый смысл имеет учение ап. Павла об *искуплении и воскресении*, представленное в 15 главе *Первого послания коринфянам*. С точки зрения Е.Н. Трубецкого это учение выражается «логикой всемирного смысла», т.е. идеей *всеединства* — всеобщего воскресения. У апостола «вся цель мирового процесса выражается... словами: “да будет Бог всё во всё” (1 Кор. 15: 28)» [11, с. 211].

То, чему учил Апостол, проповедуя искупление и воскресение Христа, было для многих непонятно, а для иных — попросту дико. С точки зрения иудеев, Павел проповедовал *скандал*, а с точки зрения эллинов — *абсолютную глупость*. Иудеи требуют знамений, а греки ищут мудрости, «...а мы проповедуем Христа распятого, — говорит ап. Павел, — для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость» (1 Кор. 1: 23–24).

Действительно, слово о кресте должно было казаться иудеям вызовом, абсолютно противоречащим Закону, так что они с негодованием отвергли его. А греки должны были увидеть в этой проповеди бессмысленное противоречие всякой мудрости. Но Божья Премудрость выгладит иначе, чем

¹ Линию *религиозного оправдания творчества*, через девятнадцать столетий после ап. Павла, продолжил Н.А. Бердяев в своём труде «Смысл творчества» (1916), а также и в других своих трудах.

её представляют себе люди. И Его сила проявляется не в знамениях, подтверждающих для людей то, что им уже известно. Поэтому и проповедует апостол Павел распятого и воскресшего Христа как Божью силу и Божью премудрость: «Потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков» (1 Кор. 1: 25). Или, говоря иначе, *то, что людям кажется немудростью Бога, на деле оказывается гораздо мудрее людей, а кажущаяся немощь Божья гораздо сильнее любовью человеческой силы.*

Поэтому Павел «неприкрыто говорит о жестокости действительности, к которой направлено слово о кресте. Только силой, действующей в Духе Божьем, стремился Павел свидетельствовать об истине Евангелия, чтобы вера основывалась не на выдуманной людьми мудрости, но исключительно на Иисусе Христе» [5, с. 113].

Значение учения ап. Павла во всей последующей христианской истории очень ярко раскрывает Д. С. Мережковский: «Страшно далёк был Павел от Двенадцати, но чем дальше от них, тем ближе к нам. Им подобного не будет уже никогда никого; Павлу подобен будет весь мир» [7, с. 12].

Французский философ Ален Бадью в своём очерке «Апостол Павел. Обоснование универсализма» представляет ап. Павла как неконформистскую и универсальную личность: «Универсальное не есть отрицание частного. Универсальное представляет собой преодоление дистанции по отношению к всегда сохраняющемуся частному. Всякое частное, всякое партикулярное есть приспособление, конформизм. <...> Как великолепно сказал об этом Павел: “И не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего” (Рим. 12: 2). <...> Павел говорит нам: в любой век возможна мысль, не сообразующаяся с веком. Именно она является субъектом, который держится универсального, а не конформизма. Универсально лишь то, что является имманентным исключением» [1]. Таким образом, *учение ап. Павла имеет универсальный характер.* Именно поэтому оно может быть предельно ясно и понятно каждому человеку века нынешнего, согласно-му принять это учение, так же как оно было понятно людям предшествующих веков, равно как оно будет принято и понято всеми теми, кто будет после нас.

Однако, для того, чтобы христианство продолжало оставаться «живой истиной для сменяющихся друг друга поколений», необходимо, по мысли А. Швейцера, чтобы в среде этих поколений появлялись «мыслители, которые, действуя в духе

Иисуса, позволят современникам осознать веру в него в категориях мировоззрения своего времени» [14, с. 474]. В XVII веке нашёлся такой мыслитель, который и задался целью помочь современникам осознать насущную необходимость истины христианской веры в категориях, соответствующих не только мировоззрению своих современников, но и далёких потомков, продолжающих и по ныне изучать выдающийся и оригинальный труд французского мыслителя Блеза Паскаля — «Апологию христианской религии», более известного под названием «Мысли Паскаля» (1658–1662)¹.

Возрождение полемики между религиозной традицией и религиозно-философской мыслью, особенно в нашу секуляризованную эпоху², есть залог охранения христианской истины и христианской правдивости. Развиваемая в наших трудах концепция *богочеловеческой антропологии*, где предметом исследования является не *природно-социальный человек* (как во всех современных гуманитарных и общественных науках), а *духовный онтологический человек*, как раз и несёт в себе *назначение охранения христианской истины безусловной любви, созидающего творчества и правды-справедливости.*

Эпитафия

Согласно исследованиям Д. Маккея, Павел «умер во время правления Нерона в 67 или 68 г. по Р. Х.», а последние дни своей земной жизни он «провёл в Маммертинской тюрьме возле римского форума и затем был обезглавлен, как говорит предание, в Аква Сальви (Aqua Salviae, современный Тре Фонтане) возле пятого километра на дороге в Остию». Римская матрона Луциния похоронила Павла в своём винограднике, а ныне на этом месте высится *церковь Святого Павла вне Стен* — самая большая церковь в Риме после *Собора Святого Петра* [6, с. 297–298].

¹ В настоящее время автор готовит к изданию монографию «Богочеловеческая антропология: Образ личности гения», которая включает в себя раздел, посвящённый исследованию духовной творческой жизни Б. Паскаля, включая содержательный анализ его «Мыслей».

² Современная секуляризованная эпоха — это эпоха абсолютного торжества глобалистско-буржуазно-обывательской идеологии, направленной на разжигание низко-примитивных устремлений человека к власти, на удовлетворение преимущественно корыстных мотивов и на формирование потребительской психологии массового человека; это эпоха экологических, техногенных и иных катастроф, нещадно выжигающих нашу планету; это эпоха вырождения духовной культуры, уничтожающая на своём пути ростки провиденциальности, святости и гениальности и искажающая до неузнаваемости божественный образ человека.

Утверждая пред-вечно-провиденциальное значение проповеди ап. Павла, Климент Римский в конце первого века писал: «Павел, по причине рвения, получил награду за терпение: он был в узах семь раз, был изгоняем, побиваем камнями. Будучи проповедником на Востоке и Западе, он приобрёл благородную известность за свою веру, так как научил весь мир правде, и, дойдя до границы Запада, он мученически засвидетельствовал истину перед правителями. Так он ушёл из мира, и был взят в место святое, сделавшись величайшим образцом терпения» (1 Клим. 5: 5–7).

Апостол Павел первый (после двенадцати апостолов) был *призван* волею Христа к самоотверженному христианскому подвигу *проповедника, миссионера, учителя*, призванного привнести в мир учение Христа — *правду-истину, правду-любовь, правду-справедливость*. И если Иисус Христос вручил ключи от Рая самому твёрдому из всех апостолов — Петру (Петр — «камень»), то Павлу, самому гениальному из них, Он вручил настоящие ключи от наших душ.

Список литературы

1. *Бадью Ален*. Апостол Павел. Обоснование универсализма / Перев. с франц. О. Головой. — М.-СПб.: Московский философский фонд. Университетская книга, 1999.
2. *Бердяев Н.А.* Спасение и творчество. Два понимания христианства // «Путь», 1926. № 2. — С. 26–46.
3. *Бердяев Н.А.* Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Николай Бердяев. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. — 668 с.
4. *Евсевий Памфил*. Церковная история. — СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2007. — 471 с.
5. *Лозе Эдуард*. Павел. Биография. Пер. с нем. — М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2010. — 354 с.
6. *Макрей Джон*. Жизнь и учение апостола Павла. Пер. С англ. — Черкассы: Коллоквиум, 2009. — 534 с.
7. *Мережковский Д.С.* Лица святых от Иисуса к нам. — М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2000. — 496 с.
8. *Митрополит Иларион*. Слово о Законе и Благодати. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — 176 с.
9. Писания архим. *Киприана*.
10. *Свящ. Ил. Гумилевский*. Учение ап. Павла о душевном и духовном человеке. — Сергиев Посад, 1913.
11. *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни. — М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2005. — 480 с.
12. *Чернов С.В.* Бог, человек и структура // Психология и психотехника. № 5 (20), 2010. — С.44–52.
13. *Чернов С.В.* Божественное и человеческое // Философская школа. № 3, 2018. — С.8–41. DOI: 10.24411/2541-7673-2018-00001
14. *Швейцер А.* Мистика Апостола Павла // Швейцер А. Благоговение перед жизнью. — М., 1992. — С. 259.
15. *Geza Vermes*. The Changing Faces of Jesus. — Middlesex, Eng.: Penguin, 2001.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Л. Ю. Логунова, И. С. Пагина

ЦЕННОСТЬ НЕУДАЧИ В ЖИЗНИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Неудача — форма жизни. Стремление осмыслить ее с позиции аномалии приводит лишь к дихотомии «счастье-горе». Возведение невротического ощущения счастья в культ современностью и погоня за ним, заставляют человека чувствовать себя неудачником при малейшем несоответствии «успешному» образу, которое создало общество. Вместе с тем, неудача сама является частью успеха, если видеть в ней ценность опыта. Актуальность исследования неудачи в жизни человека заключается в парадоксальном невнимании науки к неуспешной стороне жизни. Наша работа посвящена восполнению теоретического пробела в осмыслении неудачи как ценности, приносящей человеку опыт, возможность открыть в себе новые ресурсы, жизненные силы. Жизнь представляет собой синусоиду из взлетов и падений, ситуации колышутся в циклы событийности. В зависимости от выбора жизненного сценария человек выбирает путь обострения неудачной событийности, не признавая неудачу, чувствуя вину за свой неуспех. Альтернативный вариант — продуктивное переживание опыта неудачи. В первом случае человек транслирует социальному окружению чувства страха, неуверенности, обиды, гнева. Сильные негативные чувства закрепляют неудачу в событийном рисунке жизни, возвращая человека к неприятным событиям в течение жизни. Принятие неудачи в качестве ценного опыта, благодарность за возможность понять свой потенциал, любовь «пережигает» чувства страха, превращая неудачу в будущий успех.

Ключевые слова: социология счастья, успех, переживание неудачи, гибридный методологический комплекс, событийный подход, гуманистически-смысловой анализ, социальный смысл неудачи, жизненный опыт, социальная роль неудачника.

L. Yu. Logunova, I. S. Pagina

VALUE OF FAILURES IN THE LIFE OF THE PERSON

Summary. Failure is a form of life. The desire to comprehend it from the point of view of the anomaly leads only to the “happiness-grief” dichotomy. The erection of the neurotic sensation of happiness in the cult of modernity and the pursuit of it, make a person feel like a loser with the slightest discrepancy to the “successful” image that society has created. However, failure itself is part of success, if you see the value of experience in it. The relevance of the study of failure in a person’s life lies in the paradoxical inattention of science to the unsuccessful side of life. Our work is dedicated to filling the theoretical gap in understanding failure as a value, bringing a person experience, the opportunity to discover new resources, vitality. However, failure itself is part of success, if you see the value of experience in it. Life is a sinusoid of ups and downs, situations ring into cycles of events. Depending on the choice of a life scenario, a person chooses the path of exacerbation of an unsuccessful event, not recognizing the failure, feeling guilty for his failure. The alternative is a productive experience of failure experience. In the first case, a person transmits to the social environment feelings of fear, insecurity, resentment, anger. Strong negative feelings reinforce failure in the event-based pattern of life, returning the person to unpleasant events throughout his life. Accepting failure as a valuable experience, gratitude for the opportunity to understand one’s potential, love “burns through” feelings of fear, turning failure into future success.

Key words: sociology of happiness, success, the experience of failure, a hybrid methodological complex, event approach, humanistic-semantic analysis, social meaning of failure, life experience, social role of a loser.

Современный мир требует от человека быть лучше, сильнее и успешнее. Достижение успеха в жизни объявляется гарантом благополучия. Благополучие, наполненность жизни чувствами — естественные состояния бытия человека. Однако изучение успеха принимает формы презентации предприимчивыми людьми собственных рецептов достижения успеха, связанными с обещаниями научить достижению удачи за определенную плату. При этом сам успех не определяется в границах научного осмысления процесса обретения жизненного опыта. Он представляется в популярных смыслах свершившегося факта получения финансовой прибыли, обретения спонсора и по совместительству богатого мужа, престижной недвижимости, предметов роскоши.

Человек не может быть всегда успешным. Но создается впечатление, что современному человеку вменяется в обязанность быть успешным, создавать иллюзию счастья. Специалисты по успеху объясняют, как обрести благополучие, ставя в пример известных личностей, достигших богатства в качестве «правильных» жизненных ориентиров. Социальные сети пестрят картинками успешной жизни, тысячи аккаунтов открывают «тайну успеха». Обилие научно-популярных интерпретаций и рецептов обретения успеха свидетельствует о дефиците счастья в жизни современного общества. В эпоху модерна успех становится главной смыслообразующей ценностью для человека [4].

Фелицитарные идеи имеют долгую историю, но и сегодня тема счастья, благополучия, успеха, переживание неудачи практически не исследованы. По мнению В.Э. Франкла, современная «философия душевной гигиены придает большое значение тому, что человек обязан быть счастливым, что несчастья — это признак неумения жить. Такая система ценностей приводит к тому, что гнет несчастья, которого нельзя избежать, усиливается чувством ложной вины за свое несчастье» [13, с. 45]. Общество лукавит, уделяя много внимания успеху в жизни человека, но трактуя его поверхностно. В современных гуманитарных исследованиях работы по изучению неудач в жизни людей — редкость. Исследователи психоаналитического направления заложили основу изучению чувств неудачника (А. Адлер, З. Фрейд, К. Хорни, А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Роджерс). Дихотомию конструкта «успех-неудача» изучали К. Левин, М. Юкнат,

Ф. Хоппе. Интересна позиция мотивационной школы (Г. Мюррей, Дж. Аткинсон, Д. МакКлелланд, Р. Уайт, Х. Хекхаузен): успех должен рассматриваться в комплексе с базовой потребностью человека избегания неудачи (неуспеха). Для человека с сильной мотивацией достижения характерно стремление к успеху, люди с низкой мотивацией стремятся избежать неуспеха (Дж. Аткинсон, Д. МакКлелланд) [8]. Категория «неуспех» осмыслена М. Селигманом в теории «выученной беспомощности» [12]. Сама неудача как этап жизни практически не исследуется. Но в фокус научной рефлексии попадают проблемы безработицы и связанного с этим состоянием неблагополучия человека (А. В. Селезнева, М. В. Бучатская) [2] или проводятся прикладные исследования учебной неуспеваемости. (Ю. Э. Макаревская, А. А. Амбарцумян, Е. С. Засыпкина, Л. Е. Адамова).

Неудача как барьер в процессах самоактуализации и самореализации рассматривалась А. Маслоу, К. Роджерсом, А. Бандурой. «Личностный рост», «самоактуализация», «потребность в совершенстве» — это, по мнению А. Маслоу, универсальные тенденции развития человека. Но человеку свойственны и регрессивные, тенденции (страх, самоуничтожение). «Человек способен лишь на краткое переживание счастья, после которого со всей неизбежностью обречен на недовольство» [9, с. 26].

Оценка степени успешности действий человека связана с решением задачи, поставленной перед личностью. Если он достигает намеченной цели, то действие расценивается как успех, если исполнение не достигает цели, — как неудача. Один и тот же результат может быть успешным и неуспешным в зависимости от уровня притязаний настоящего момента и от точки зрения на результат. Такая позиция сближает социально-психологические исследования с социологией рационального выбора. Целерациональный тип поведения означает, что отклонение действий человека от цели расцениваются как неудачный выбор (М. Вебер) [3].

Феноменологическая социология оперирует категориями «опыт», «смысловые структуры», «чувства» (А. Шюц, В. Франкл, А. Маслоу, К. Роджерс), провозглашая, что личность, переживает неудачи и становится полноценной, «исполненной». Ценность неудачи заключается в богатстве приобретаемого вместе с ней опыта.

Опираясь на методологический потенциал феноменологии, методик качественного анализа, используя опыт работы с гибридными методологическими комплексами, мы исследовали истории неудач разных людей, размещенные на сайтах и в блогах. Анализ этих нарративов опирался на событийный подход, метод понимания (В. Дильтей, М. Вебер), рефлексивный метод, анализ виртуального дискурса. Для группировки историй применялся метод типизации (У. Томас, Ф. Знанецкий). Междисциплинарный подход обеспечил сцепку социологических и социально-психологических методов. Работа с геносоциограммами помогла определить специфику жизненных сценариев, предрасположенность людей выбирать и «отрабатывать» сценарии получения опыта счастья и опыта неудач. Специфика темы исследования потребовала комплекса «ненавязчивых» методов, выбранных с целью избегания прямого контакта с респондентами, испытывающими, как правило, сложности с вербализацией жизненных неудач.

Неуспешный человек — ориентир и форпост общества потребления. Его можно заставить покупать ненужные дорогие вещи, демонстрировать престижные покупки в качестве подтверждения его успешности. Агентами общества потребления неудача рассматривается как трагедия. На самом деле, трагично само противоречие: желанию быть счастливым противопоставлены выгоды агентов общества потребления, ориентированного на неуспешную фрустрированную сравнениями себя и других личность. Неудачника вынуждают делать покупки, участвовать во всевозможных формах потребления (от гвоздя до человека), чтобы имитировать обладание удачей. В реальности имитация заключается лишь в демонстрации обладания символом удачи. Собственно, вся современная социальная оргструктура основана на фундаменте ощущения человеком неудовлетворенности или неблагополучия. Индустрия производства и рекламные стратегии задают смыслы постоянной неудовлетворенности в статусном атрибуте (товаре), работают на постоянное обновление купленных вещей.

Неудача — это страх, основанный на чувстве постоянной тревоги, неудовлетворенности собой, которая складывается из невротической гордости, невротических требований, деспотизма и ненависти к самому себе [14]. Такой страх — питательная среда для современного рынка с его навязчивым маркетингом. Торговля построена на манипуляциях с людьми, находящимися в невротических состояниях. Общество потребления держит человека в страхе («чтобы никто не подумал,

что я отстал от жизни», «...что у меня не хватит на это средств»). Испуганными людьми легче управлять. Лишь счастливая уверенная в себе личность, не стремящаяся к постоянной демонстрации модных товаров, не гонится за трендовыми услугами, не нуждается в льготах, патерналистской заботе государственных структур, системы социального обеспечения.

Переживания делают человека уязвимым. Неудача есть совокупность чувств, коммуникаций, переживаний, порожденных неким событием, получающим в этих переживаниях протяженность. Переживания неудачи — это состояния человека, основанные на страхе утраты (достоинства, материальной потери). Они типизируются по критерию длительности:

— *Неудовлетворенность жизнью, отношениями* — мнимая неудача, которой человек придал масштабный характер («жизнь не удалась»).

— *Переживание неприятности* ограничено во времени, но действует в дальнейшем как «недолеченная травма», к которой человек возвращается вновь и вновь, кольцуя циклы жизни («жизненные сценарии» [6]). Эта травма есть отсчет событийности. С нее начинается каждый новый цикл сценария жизни («снова на грабли наступил»).

Не существует людей, не испытывавших неудач. Неудача — это норма, неприятный отрезок в синусоиде жизненного пути, циклов жизненной событийности (рис. 1). Событийная цепочка в смыслах «удача» складывается из события, связанного с успешной деятельностью, которое определяется смыслом «успех». Человек испытывает чувства радости. В традициях старших поколений закреплено правило произносить благодарственные молитвы, благодарить окружающих за помощь. Эти чувства закрепляют энергию удачи, приносят удовлетворение от результатов деятельности в разных сферах. Аспектом таких результатов становится продуктивная коммуникация, основанная на выстраивании хороших отношений с социальным окружением (построение выгодных социальных связей, накопление «символического капитала»). Признание удачных результатов делают поведение человека благоприятным для дальнейшего продолжения накопления опыта удачи. Но синусоида событийного рисунка жизни, как правило, не позволяет человеку после удачного события построить следующее событие с таким же успешным результатом или превзойти его. Энергия успеха не может долго держать человека «на плаву». Эта теплая волна сменяется более холодной энергией событий, которые в обществе принято называть «неудачами».

Рис. 1. Циклы жизненной событийности

Называя «вторую волну» неудачей, человек лишь присваивает ей удобный для себя смысл. Он чувствует, что после успешного подъема нужен отдых. Но желание испытывать эйфорию от успеха продолжается. Это противоречие и рождает определение некоторой остановки в продвижении к успеху в смыслах неприятностей. На самом деле это просто иное видение события, которое в реальности не есть неудача или успех. Реальность всегда нейтральна. Смысловые и эмоциональные акценты ей придает человек. При этом то, что один считает неудачей, другой определяет в качестве успешных обстоятельств для построения будущих колец событийности жизни («Если невеста уходит к другому, то неизвестно, кому повезло»).

Точка неудачи — это событие, смысл которого определяется как «кризис». Переживание такого события связано с негативными чувствами (боль, утрата, разочарование, гнев). Эти чувства несут более мощную энергетику. Событийность в жизни человека «записывает» все чувства и энергии с ними сопряженные, на условную магнитную пленку, заставляя воспроизводить эти чувства в похожих ситуациях. Более сильные негативные энергии записываются с большей «громкостью», они буквально навязываются человеку. Мягкие энергии чувств благодарности и любви деликатны. Люди со временем даже забывают поблагодарить судьбу, Бога, окружающих за удачу, приписывая достижения успеха исключительно собственным усилиям. Незакрепленное чувствами благодарности событийное кольцо сужается, периоды взлетов становятся все менее заметными. Человек делает вывод: «Судьба не сложилась». Однако неудачи в судьбе — это лишь выученные негативные переживания, не дополненные чувствами радости, благодарности любви за опыт, который предлагает жизнь.

Переживая негативные эмоции, связанные с событиями, осмысленными как «неудача», человек

старается вернуть себе контроль за ситуацией, по-возможности управлять ей. Но ситуацию контролировать невозможно. Негативные чувства связаны не с событием, но с агрессией, сопряженной с утратой контроля. Теперь ситуация контролирует человека. И чем больше человек «берет за горло» мир, желая вернуть себе уверенность, тем сильнее закрепляет кольцо неудачной событийности. Мир контролировать невозможно. Возможность управления миром — это социальная иллюзия тех, кто владеет символами успеха, но трудно сказать, насколько он действительно успешен? Миру можно дать чувства благодарности за все уроки жизни даже в самых неблагоприятных ситуациях. И это не просто благое пожелание. Такая благодарность — это социальная практика переживания успешных коммуникаций в тяжелые времена.

Как правило, человек во время неудачи замыкается, не идет на контакт, просит «оставить его в покое». Он испытывает чувство стыда за свою неудачу. Однако такие чувства — это проявления «невротической гордости» (К. Хорни). Стыдиться можно за потерю ответственности за свою жизнь, но не за законы жизни в которых успех сменяется своей альтернативой. К тому же все эти смыслы тоже не жизнь предложила: их придумали агенты жизни и общества — люди. Поэтому чувства стыда за неудачу — это иллюзия, выгодная любым организациям, получающим дотации за исправления кризисов в жизни человека. Человек сам создал эту ситуацию. Он — Творец. А за творчество стыдно быть не может. Чувства неловкости можно испытать не за оценку ситуации, а за осуждение своего творчества в смыслах неудачи.

В реальности человек демонстрирует непродуктивную коммуникацию: он изолирует себя от мира, либо ищет жертву, которая с готовностью предоставит свою «жилетку» для его жалоб на жизнь. Поделиться горем с близкими — это достоинство. Но вот постоянно навязывать близким людям свои проблемы и делать их ответственными за собственное плачевное состояние — это преступление. Человек начинает постоянно жаловаться на жизнь, на здоровье, становится завсегдатаем клиник и больниц, демонстрирует полную неспособность распоряжаться своей жизнью, собой, отказывается от социального творчества построения победы на обломках неудачи. Взрослый адекватный человек ведет себя как ребенок или больной деменцией. Общество, и социальное окружение, уставшее от таких коммуникаций, присваивает вечно страдающей личности статус неудачника («лузера»). Далее неудачи (события, осмысленные

в категориях неуспеха) притягиваются к человеку, выстраиваясь в рисунок судьбы, которую наследуют его потомки. Безответственность к своей жизни передается потомкам в качестве программы социального наследования, обязательной к исполнению. У следующих поколений ситуации удачи становятся более редкими. Целые родственные кланы могут гибнуть из-за безответственности предка.

Удачу надо культивировать. За удачу нужно благодарить. Культ удачи рождается из мудрости быть благодарным за неудачу.

Признаваться в своем провале в традициях европейской культуры не принято. Ставшие достоянием общности неудачи, заставляют человека чувствовать вину, неуверенность в себе [1]. Это ложное чувство имеет эффект «самореализующихся пророчеств» (Р. Мертон). Неблагоприятные события жизни могут разрушить иллюзии благополучия, и человек попадает в ситуацию «тотального отчаяния» [5].

Пользуясь театральной метафорой И. Гофмана, определим, что успех находится в зоне демонстрации — на «авансцене». Неудачу переживают, как правило, за кулисами. Это суть позиции социальных иллюзий, человеку трудно осознать, что на самом деле с ним происходит, его захлестывают чувства, поток событийности. Для определения смысла происходящего необходима отстраненность, рефлексия. В реальности неудача может стать не только унижающим, но и облагораживающим фактором. Находя смысл в преодолении своей неудачи, личность развивается и становится сильнее. «Не было бы счастья, да несчастье помогло», — гласит народная поговорка. Не испытав неудач, человек может не узнать, каков его жизненный потенциал, насколько он индивидуален и ценен для общества.

На поведение человека влияют факторы, связанные с семейно-родовой памятью, социальные силы и прошлый опыт. Неудача — это опыт жизни, который становится опорой при выборе модели поведения переживания жизненных кризисов. Опыт не может быть позитивным или негативным. Опыт трансформируется в жизненные сценарии переживания неудачи.

Сценарий избегания опыта неудачи. Характерная черта всех вариантов такого сценария — отрицание неудачи. Человек избегает рефлексии, заменяя ее иллюзией успеха. Он боится признать свою неудачу, быть в ней заподозренным, старается чем-то компенсировать (ретушировать) свой неуспех. Например, «заедает» проблему. В неудачных личных отношениях он старается компенсировать

уход партнера новыми любовными победами, утрату смысла — количеством денег, неприятности в делах — сохранением «хорошей мины при плохой игре». Вариант — проявление симптомов фатализма. Не желая нести ответственности за свои решения, человек обучается верить, что «судьбу изменить нельзя», все предопределено. Отказываясь делать политический выбор, он прячется за отговорками, что за «маленького человека» все уже решили «большие» люди. Общество потребления с радостью принимает таких в свои члены, предлагая им для построения иллюзий товары и продукты для демонстрации мнимого успеха. «Убегание» от необходимости решения проблемы вызывает внутренний дискомфорт, проявляется в дальнейшем в форме соматических заболеваний. Отказываясь переживать опыт неудачи, человек снова и снова возвращается к необходимости его повторения. Такой деструктивный сценарий, имеет тенденцию к образованию событийного кольца с повторяющимся событийным рисунком неудач по главным темам жизни: отношения, деньги, здоровье, дети.

Еще один вариант избегания неудачи — стратегия доминирования с навязчивой демонстрацией успеха («посмотри на мою машину, и ты поймешь, кто я»). Но хотя «доминирующие» и желают представить ситуацию подконтрольной им, управлять ситуацией невозможно. У ситуации собственная логика развития и законы протекания, независимые от сознания человека. В реальности сами «доминирующие» зависят от ситуации (в той же степени, как и любой человек, зависит от объективной реальности) и вынуждены к ней адаптироваться с помощью стратегии доминирования [10, с. 27–28]. Это, пожалуй, самая сложная стратегия. Человек сам запрещает себе проявлять слабость. Он всегда должен быть величественным в своей «успешности». Расслабляется он тоже в доминантном стиле на курортах эконом-класса в Турции или Египте, или «в сауне» со всеми деструктивными атрибутами этой игры формы игры в доминантность.

В первом случае избегание неудачи лишает человека вариантов выбора: событийный рисунок его жизни сводится к решению 3–4 повторяющихся проблем в формате действий «белка в колесе». В следующем поколении круг вариантов событий может сузиться, совершаться в более жесткой форме. Второй вариант лишает человека ресурсов, жизненной энергии, которая тратится на поддержание имиджа успешного человека: на следующем поколении «природа отдыхает», оно болезненно, репродуктивно неудачливо, социально деструктивно. Это трудно назвать удачей. Эти сценарии

явно просматривались при исследовании семейных историй с помощью метода геносоциограмм. (Исследование семейно-родовой памяти сибиряков, Кемеровская обл., 2001–2006 гг., 800 семейных историй: геносоциограммы, биографические интервью, восстановление семейных историй [7]). Семейные сценарии имеют тенденцию к повторению в $\frac{3}{4}$ случаев во втором-третьем поколении с нарастающим драматизмом.

Сценарий непродуктивного опыта переживания неудачи подразумевает «зацикливание» на неприятном событии. Ресурсы личности мобилизуются на то, чтобы скрыть чувства обиды, страха, неудовлетворенности. Эмоции закрепляются на ткани жизни энергетическим пятном, действуют модально, склоняя жизненные ситуации к повторению. Результатом проявления эмоции становится социальное и личностное разрушение: болезнь, разрыв социальных связей, суицид. Как и в случаях со сценарием избегания неудачи неувоенный жизненный урок притягивает повторение неприятностей не только у «автора» ситуации, но и у его потомков, закрепляясь в жизненных сценариях повторяющимися событиями. У человека появляется страх перед будущим, который блокирует инициативу, не дает принимать решения, увидеть жизненную перспективу.

Иногда человек извлекает выгоду из ситуации неудачи, навязывая ее обсуждение окружающим (например, постоянно жалуясь на болезнь, на «безответственных» родных и близких без желания получить совет или изменить ситуацию). Неудачи становятся инструментом управления окружающими. «Маленький человек» начинает оправдывать низкие позиции социальных достижений: так легче вызывать ложные чувства жалости у окружающих без изменений своих установок.

Сценарий продуктивного (конструктивного) опыта переживания неудачи. Свершившая неудача — это этап очередного жизненного цикла. Научиться осмысливать полученный опыт можно. Осмысление опыта — это продвижение к позитивным переменам. Организационным структурам общества выгодно постоянное чувство вины человека за возникшую неудачу. Таким индивидом легче управлять, он послушен, потому что виноват. Но если человек не судит сам себя за управляемые события своей жизни, то его никто не сможет осудить. Отказ от самоосуждения предполагает переключение на другой вид деятельности, превращение чувства обиды и страдания в чувство любви. Переживание неудачи может стать значимее для личности, чем факт достижения успеха.

По мнению К. Роджерса, переживание чувств — процесс, противоположный защите, который помогает человеку быть открытым своему опыту, принимать свою сущность, искать опору в своем «подлинном Я». Речь идет о внутренней свободе проявлять себя. Счастье — это не это конечная точка пути к «молочной реке с кисельными берегами», это даже не путь вперед к успехам. Это путь вглубь себя, к чувствам. И только потом начинаются едва заметные перемены в сторону улучшения в повседневной жизни [11].

Анализируя дискурс на форумах в Интернете, где пользователи делились личными историями переживания неудач, мы проследили особенности обсуждения ситуации неудач (анализ виртуального дискурса, 20 сайтов, 279 историй, март-апрель 2019 г.). Женщины охотнее описывают свои неудачи, чем мужчины (на 252 женские истории приходится всего 27 мужских). Пользователи, переживающие неудачу по «продуктивному сценарию» оформляют аватар реальным фото, указывают возраст, семейное положение, наличие детей, статус. Пережившие формы «непродуктивных сценариев» стараются сохранить анонимность. Они обвиняют мир, окружающих, партнера в своей неудаче, смиряются с ней или нарочито экспрессивно показывают свое безразличие, отрицают любой вид помощи, требуют внимания окружающих жалостливыми сообщениями.

Женщины в своих историях делятся горечью потери близких (187 историй), неудачными любовными историями (62 истории), низкой самооценкой (2 истории), неудачей в трудовой деятельности (1 история). Мужчины рассказывают о потере близких (12 историй), неудачах в трудовой деятельности (10 историй), неуспехе в любви (5 историй).

В историях, описывающих «продуктивный» сценарий переживания неудач, люди делятся опытом. У таких сценариев есть отличительная черта — описание мотива, благодаря которому неудача была преодолена. Пользователи считают, что преодолеть неудачу можно с помощью: знаний (чтение «мудрых» книг, учение у наставников, посещение психологов, духовных практик, изучение опыта людей переживших подобные неудачи), 8 историй; любви (к детям, близким) 8 историй; занятости (погружение в работу, помощь ближним, нуждающимся, жертве во благо других людей) 3 истории; веры (молитвы, исповеди у священнослужителя, посещение святых мест) 3 истории. Историй о победах над неудачами с помощью их принятия, переживания, переключения на другой вид деятельности, освоения других полей возможностей было всего

22 из 279. В нарративах люди высказывали благодарность неудаче за то, что она позволила им изменить свою жизнь к лучшему.

Кризисные ситуации переживают все люди. В Мексике сформировалось движение за публичное признание неудач. Сегодня к нему присоединились люди из 75 стран. Как утверждают его сторонники, неудача — это естественный процесс жизни. Пример их деятельности — активное дружеское сопереживание кризисных ситуаций и неудач. Они считают восприятие своих провалов жизненным уроком, который может сделать человека более сильным и стойким, принимают процесс поражения, отдают ему должное и рассказывают о нем другим людям. На своих презентациях («Вечера факапов») участники выслушивают выступления «неудачников», после которых беседуют в неформальной обстановке. Существует огромный опыт преодолений несчастий, который способен помочь людям, попавшим в аналогичную ситуацию, стать источником их вдохновения. Цель этих мероприятий — помочь людям избавиться от чувства горечи, стыда и вины, связанных с неудачами, дать им возможность поделиться

своими историями в дружелюбной обстановке, проанализировать различные случаи, подсказать, как можно было сделать по-другому. Сторонники публичного признания неудач считают, что восприятие своих провалов, как жизненных уроков, может сделать человека более сильным и стойким [1].

Живя в современном мире человеку, встретившему неудачу, трудно найти поддержку общества, которое нацелено на успех, богатство и демонстрацию достижений. Человек может использовать разные сценарии переживания неудач (отстраненности, непродуктивного и продуктивного опыта переживания неудачи), адаптируясь к кризисной ситуации. Сценарии отстраненности и непродуктивного опыта являются деструктивными и приводят к закреплению неудачного события в рисунке судьбы. Неудачи рождаются и воспроизводятся, питаясь чувством страха, иллюзиями достижения успеха. Продуктивно переживая неудачу, осмысливая и принимая ее с благодарностью, человек приобретает жизненный опыт, который станет опорой при выборе благополучного сценария жизни для себя и своих потомков.

Список литературы

1. *Биррейн Э.* Скажите громко и при всех: я лоханулся! / Э. Биррейн // BBC NEWS. 2017, 16 мая. — [Электронный ресурс] URL: <https://www.bbc.com/russian/vert-cap-39926745> (дата обращения: 05.06.2018).
2. *Бучацкая М.В.* Особенности структуры психологического благополучия учащихся и студентов различных направлений профессиональной подготовки / М.В. Бучацкая, М.В. Капранова // Психологическая наука и образование. — 2015. — Т. 20. № 2 — С. 63–69.
3. *Вебер М.* Избранные произведения / М. Вебер; пер. с нем. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
4. *Голубев С.В.* Проблема «успеха» и «удачи» в социальной философии / С. В. Голубев // Философия и общество. — 2004. — №1. — С. 86–100.
5. *Загорская О.В.* Социальный оптимизм как ресурс развития российской молодежи / О.В. Загорская, Л.С. Николаева // Вестник ЮРГТУ (НПИ). — 2015. — №3. — С. 139–143.
6. *Логунова Л.Ю.* Жизненные сценарии — программы регулирования человеческих ресурсов // Человеческие ресурсы: проблемы инновационного развития и использования: сборник научных трудов. — Вып. 6 / отв. ред. Е. А. Морозова. — Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2017. — С. 148–156.
7. *Логунова Л.Ю.* Семейно-родовая память: социокультурный и региональный контекст / Л.Ю. Логунова. — Кемерово: ООО «Фирма Полиграф», 2007. — 293 с.
8. *Макклеланд Д.* Мотивация человека / Д. Макклеланд. — СПб.: Питер, 2007. — 672 с.
9. *Маслоу А.Г.* Мотивация и личность / А.Г. Маслоу; пер с англ. — СПб.: Питер, 2003. — 352 с.
10. Политическое сознание и поведение: эволюция и мобилизация: коллективная монография; под ред. Шпак Л.Л. — Кемерово: ООО «ИНТ», 2016. — 151 с.
11. *Роджерс К.Р.* Становление личности: Взгляд на психотерапию / К. Р. Роджерс; пер с англ. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. — 416 с.
12. *Селигман М.* Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни / М. Селигман; пер. с англ. — М.: Издательство «София», 2006. — 368 с.
13. *Франкл В.* Человек в поисках смысла: Сборник / В. Франкл; пер. с англ. и нем. Д.А. Леонтьева, М.П. Папуша, Е.В. Эйдмана. — М.: Прогресс, 1990. — 368 с.
14. *Хорни К.* Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию / К. Хорни; пер. с англ. Е.И. Земфир. — СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1997. — 315 с.

ФИЛОСОФИЯ ПОЭЗИИ

М. А. Пекелис (Михаил Пластов), С. С. Антипов

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОЭЗИИ: СФЕРОПОЭТИКА. Часть IV

Аннотация. Данная статья продолжает цикл работ по созданию единой философской модели поэзии как уникального явления, сущности и системы. Вводится понятие сферы поэзии, рассматриваются вопросы и проблемы взаимодействия сферы поэзии с другими сферами, имеющимися как в социуме, так и в природе, причем в «первой природе» и во «второй природе», то есть с геосферой, биосферой, социосферой, техносферой и ноосферой. Предлагаются философские концепции, позволяющие рассматривать «музыку сфер» как продукт взаимодействия сферических структур со сферой поэзии. Центральной философской инновацией исследования представляется введение и исследование сферы поэзии как объекта шестимерного пространства, заключенного в каре из четырех базовых философских сущностей, а именно: «пространство», «время», «информация», «энергия». Авторами предпринимается попытка рассмотреть стихотворение как информационно-энергетическую капсулу, изучить процессы ее капсулирования и раскапсулирования. Рассматривается понятие кванта действия в сфере поэзии и предлагается квазиквантовая теория поэтического поля, раскрывающая природу поэтического потенциала. Подчеркнем, что данная работа является лишь продолжением цикла философских исследований под общим названием «Размышления о поэзии», включающего в себя хронопоэтику, полипоэтику, топологию поэзии, геопоэтику, технопоэтику, биопоэтику и социопоэтику.

Ключевые слова: сфера поэзии, философское моделирование, энергоинформационная поэтическая капсула, квант действия, геосфера, биосфера, техносфера, музыка сфер, нелинейное программирование, искусственный интеллект.

М. А. Pekelis (Michael Plastov), S. S. Antipov

REFLECTIONS ON POETRY: SPHEROPOETIKA. Part IV

Summary. This article continues the cycle of works on the creation of a single philosophical model of poetry as a unique phenomenon, essence and system. There is introduced the notion of the sphere of poetry, questions and problems of interaction between the sphere of poetry and other spheres existing both in society and in nature, and in the “first nature” and “the second nature”, that is, with the geosphere, biosphere, socio-sphere, technosphere and noosphere. There is proposed philosophical concepts that allow us to consider “music of the spheres” as a product of the interaction of spherical structures with the sphere of poetry. The central philosophical innovation of the research is the introduction and study of the sphere of poetry as an object of six-dimensional space, enclosed in four basic philosophical entities, namely: “space”, “time”, “information”, “energy”. The authors attempt to consider the poem as an information and energy capsule, to study the processes of its encapsulation and unencapsulation. The concept of a quantum of action in the field of poetry is considered and a quasiquantum theory of poetic field, revealing the nature of poetic potential, is proposed. We emphasize that this work is only a continuation of the cycle of philosophical research under the general title “Reflections on Poetry”, which includes chronopoetics, polypoetics, topology of poetry, geopoetics, technopoetics, biopoetics and sociopoetics.

Key words: sphere of poetry, philosophical modeling, energy-information poetic capsule, quantum of action, geosphere, biosphere, technosphere, music of spheres, nonlinear programming, artificial intelligence.

Слово «сфера» имеет в русском языке целый ряд значений, то есть с точки зрения философии — это многофункциональное понятие. При рассмотрении сферопэтики как раздела поэтики используются практически все прямые и косвенные значения понятия «сфера». Какие же это значения?

Геометрическое понятие сферы как трехмерной поверхности, равноудаленной от точки, называемой центром, имеется еще в «Началах» Евклида [14]. Социальное понятие сферы как «сферы деятельности» широко распространено и входит в тезаурус многих наук от географии до экономики, от философии до социологии.

Понятие сферы во второй половине XX века вошло в такие составные понятия, как «биосфера», «геосфера», «техносфера», «социосфера» и «ноосфера». Несколько позже мы рассмотрим сущность каждого из этих понятий, но, чтобы осознать, зачем нам это необходимо, позволим себе высказать некоторую философскую концепцию в самом начале наших размышлений о поэзии.

Сущность концепции заключается в том, что сфера поэзии, взаимодействуя с каждой из перечисленных сфер, порождает «музыку сфер» во всем ее специфическом многообразии, изучаемом новейшими ответвлениями полипоэтики: биоэстикой, геоэстикой, техноэстикой, социопэстикой. Что касается ноосферы, то сферопэтика, включающая в себя и биоэстику, и геоэстику, и техноэстику — или, как ее еще называют, «лирику науки», и социопэстику, является, по нашему глубокому убеждению, неотъемлемой частью ноосферы.

Итак, приступим.

Биосфера — это совокупность всего живого на Земле, включая атмосферу, литосферу, гидросферу и тропосферу. То есть, говоря иными словами, биосфера — это активная оболочка Земли, составляющая примерно одну тысячную ее массы, в которой совокупная деятельность живых организмов проявляется как геохимический фактор планетарного масштаба [16].

Геосфера — это одна из концентрических оболочек Земли. Вот их перечисление: атмосфера, гидросфера, земная кора, мантия Земли и ядро Земли.

Техносфера — это сложное, составное, многоуровневое понятие. Существует множество определений техносферы. В большинстве из них подчеркивается, что техносфера — это часть биосферы, преобразованная человеком для защиты от негативных влияний природы [44]. В других определениях делается упор на то, что по мере развития

человечества вся биосфера преобразуется в некую технологизированную экосферу, в которой человечество будет управлять природными процессами [45]. Наконец, в целом ряде работ выделяются подсистемы такой сложной системы, как техносфера. Всё, что связано с наукой, включая научные идеи, изобретения, открытия, научные экспериментальные установки, выделено в одну подсистему, все технические объекты, действующие и недействующие, — в другую. Причем спектр этих технических объектов огромен: от механизмов до технологий, от вооружений до сооружений. Особую подсистему техносферы составляют продукты ее жизнедеятельности, влияющие на экологию, или, как принято говорить, экосферу.

Позволим себе еще раз напомнить, что нас интересуют не сами эти сферы: гео-, био-, техно-, социо-, ноо-, — а то, как они связаны со сферой поэзии. Это взаимодействие, эта связь и есть предмет сферопэтики. Но... вернемся к двум оставшимся понятиям. А именно: социосфере и ноосфере.

Социосфера — это совокупность текущих социальных факторов развития общества в его взаимодействии с освоенной частью природы. Характеристики социосферы отражают экологическую ситуацию на Земле.

Ранее социосферу часто обозначали как антропосферу. В некоторых работах термин «социосфера» используют как синоним термина «ноосфера» [15].

Ноосфера — это термин, понятие, используемое в определенных эволюционных концепциях для описания разума как особого природного феномена. Сам термин «ноосфера» введен в 1928 году французским философом Э. Леруа и развит Пьером Тейяром де Шарденом и В. И. Вернадским.

Понятие ноосферы включает в себя две основные интуиции — диахронической непрерывности развития материи и синхронического единства материального мира. В соответствии с этими интуициями разум возникает в процессе развития материи и становится определяющим фактором ее развития. В таком подходе к пониманию ноосферы, глубоко разработанном академиком Вернадским, главное звено заключается в рефлексии. Человек не просто меняет природу, но осознаёт результаты своей деятельности.

При таком подходе минимальное звено в структуре ноосферы — это личность. В случае сферы поэзии — «дипольная личность», определяемая коммуникационным единством поэта и его читателя или слушателя, объединенных совместным личностным переживанием и размышлением.

Если предположить, что подлинная поэзия есть божественное откровение, то не лишне вспомнить завет Христа: «Где двое собрались во имя мое, там и я среди них». Это означает, что подлинная поэзия, как в значении литературного произведения, так и в значении красоты, обладает, как и церковь Христова, свойством соборности и сама она есть служение Творцу в Его творении Пути и Истины. Но вернемся к понятию ноосферы.

Вернадский рассматривал начало XX века как решающий этап становления ноосферы. Он предполагал, что развитие средств массовой коммуникации делает человечество всё более сплоченным, или, если точнее сказать, изоморфным, унифицированным, склонным к типическому стандартному поведению. В этом случае человечество рассматривается как единый организм с коллективным разумом, коллективной волей и коллективным целеполаганием, а значит, единая мысль единого человечества — это действенная природная сила. Она, мысль, не только предмет эволюции, она сама эволюция, продолженная в иной форме. Вот уж воистину: знание — сила.

Следует отметить, что понимание ноосферы Вернадским и Шарденом отличаются друг от друга, но не так существенно, как это пытаются представить некоторые исследователи [29]. Существует, однако, мнение, что учение о ноосфере Вернадского не более чем околонучный миф, рожденный в эпоху строительства коммунизма с целью его естественнонаучного обоснования. Так, в «Биологическом энциклопедическом словаре» [10] прямо говорится: «...формирование ноосферы органически связано со строительством коммунистического общества».

В настоящий момент существует и метафизический смысл понятия «ноосфера», не совпадающий ни с концепцией Вернадского, ни с концепцией Шардена, ни тем более с концепцией Леруа. Речь идет о «преобразовании» среды с помощью «духовных составляющих мира». В рамках этой концепции развивается направление энерготерапии, так называемой «биоэнергетики». Дополнительное обсуждение экстрасенсорики, экстрасенсов и других адептов «ноосферных технологий» не входит в задачи исследования сферопэтики, поэтому за подробностями можно обратиться к журналу «Тайны мироздания» [32]. Глубокие научные исследования в этом направлении принадлежат профессору, доктору медицинских наук Андрею Гендиновичу Ли [17].

Что касается Тейяра де Шардена [34], то, по нашему, да и не только по нашему, мнению, его

представления о ноосфере носят скорее теологический, чем материалистический характер. И хотя Тейяру де Шардену было запрещено преподавание в Сорбонне, именно потому, что его учение было признано не соответствующим святоотеческим канонам и антихристианским, он всего лишь пытался соединить учение об эволюции с христианскими доктринами.

Следует учесть, что Пьер Тейяр де Шарден был не только крупным теософом, но и выдающимся биологом и палеонтологом. Именно отсюда происходит его стремление связать научный и религиозный подходы в философском объяснении мироздания. Шарден считал, что эволюция — это основное условие, которому должны отныне подчиняться и которому должны удовлетворять все учения, все теории, гипотезы и системы, если они хотят быть разумными и подлинными.

Вот как он говорил об этом: «Свет, озаряющий все факты, кривая, в которой должны сомкнуться все линии, — вот что такое эволюция» [33].

Если сформулировать не столько рациональную, сколько религиозную тенденцию утверждений Тейяра де Шардена, то он видел ноосферу как природный феномен конечного этапа эволюции в слиянии единого духа человечества с Духом Святым, то есть с Творцом, в «жизни будущего века».

Сразу же заметим, что это наш, и в данном случае только наш, вывод и наше понимание стремлений великого теолога и философа.

В нашем случае рассмотрения сферопэтики мы попытаемся сформулировать ноопэтику как раздел сферопэтики, рассматривающий эволюцию сферы поэзии, пути этой эволюции и ее закономерности.

О трансформации формального подхода к проблемам поэтики

В ряде номеров журнала «Философская школа» [25–27, 4], в серии статей «Размышления о поэзии», а также в монографии «Полипоэтика» [24] много места было уделено дрейфу формального направления в поэтике в сторону системного моделирования процессов поэтической коммуникации. В частности, были введены такие базовые для нового подхода понятия, как «поэтон», «поэтическое пространство», «поэтическое поле», «поэтический потенциал». Однако после выхода в свет диграфии «Побег из матрицы» [5] стало понятно, что дело не только и не столько в развитии формального подхода в поэтике благодаря появлению компьютеров и новых мощных численных методов

философского моделирования, сколько в кардинальном изменении понимания роли и содержания точных методов в гуманитарном знании.

Прежде всего это кардинальное изменение коснулось метрики и модальности в отношении рассматриваемых объектов. Рассмотрение объектов в четырехмерной метрике, а если точнее — в рамках пространства-времени, сменилось шестимерной метрикой дипольной концепции из двух составных сущностей, первая — это «**пространство — время**», а вторая — это «**информация — энергия**».

Изменение же модальности выразилось в понимании того, что метрика гуманитарных объектов многослойна. Так, пространство может быть актуальным и виртуальным, географическим, частным, личным, духовным, биологическим, поэтическим и информационным. Оно может быть замкнутым и открытым, а может быть частью хронотопа, то есть пространством литературного произведения, кинофильма. Режиссеры хорошо осознают значение сценического пространства, а архитекторы — жилого и городского. В общем, существует множество пространств в рамках философского моделирования, в отличие от однозначного физического пространства техносферы.

Не менее многослойно и время. Мы уже подробно разбирали различные темпорологические представления в разделе «хронопоэтика» в рамках диграфии «Полипоэтика». Достаточно подробно мы останавливались на представлениях об историческом, психологическом, физическом и виртуальном времени. Концепция, трактующая время как череду событий, позволяет нам осознать, что многослойность времени во многом опирается на подмену понятия концептуальной бесконечности времени понятием об актуальной бесконечности времени. Всех интересующихся более подробной философской интерпретацией этого вопроса мы просим обратить внимание на труды Бориса Петровича Вышеславцева [13].

О разветвленности информационной координаты в сфере поэзии и сфере философии, в философских моделях и моделях, связанных с поэзией как системой, явлением и сущностью, можно было бы написать целый трактат. Уже на уровне текста существует текст, подтекст, контекст и гипертекст. Еще сложнее взаимодействие трансцендентной, мистической, интуитивной информации и практической, логической, очевидной и формальной. А ведь все эти информационные составляющие могут содержаться в одном и том же поэтическом сообщении.

Особенно сильно на изменение понимания сущности поэтической информации повлияло открытие процессов динамического изменения интеллектуально-эмоционального восприятия текста под воздействием образного мышления [38]. Ранее считалось, что сочетание «образное мышление» просто невозможно, потому что образ — это продукт созерцания, а мышление — продукт рассуждения. Но в процессе новейших исследований природы гениальности [43] выяснилось, что именно поэзия является своеобразным информационным катализатором, благодаря которому система базовых образов поэта, взаимодействуя с кругом базовых образов читателя, меняет и направление, и структуру мышления, и даже помогает преодолеть тупики стандартного мышления — или, как принято говорить в сфере психологии творчества, перейти от типического мысленного инсайта к атипическому. По ходу дела позволим себе заметить, что и атипическое поведение, и атипическое мышление свойственно гениям.

К сожалению, с легкой руки Ломброзо и иже с ним возникла редкая неразбериха, когда без всякого повода, без серьезных исследований атипическое мышление и атипическое поведение гениев выдавалось за психопатическое [42].

Если связка «**пространство — время**» кажется абсолютно естественной, особенно в прямом, физическом смысле, ибо время можно интерпретировать как последовательность событий в пространстве, то связка «**информация — энергия**» не обладает столь очевидными корреляционными характеристиками. Но стоит только совершить небольшую стилистическую подмену — и тип такой корреляции становится очевиден. Поставим вместо слова *информация* слово *знание*, а вместо слова *энергия* слово *сила*. И получим знаменитое «**знание — сила**». С точки зрения физики такая подмена безграмотна, потому что *информация* как понятие гораздо шире *знания*, а *энергия* и *сила* вообще разные физические понятия. А вот с точки зрения поэзии определение «**энергичное и сильное стихотворение**» произнести и можно, и уместно.

Все эти изменения метрики и модальности при рассмотрении сферы поэзии в основном и по преимуществу связаны с тем, что мы рассуждаем о сфере поэзии в рамках наступления нарождающейся информационной цивилизации. Цивилизации, при которой информация становится одним из важнейших ресурсов выживания человечества, наряду с природными ресурсами. Но, как металл из руды добывается с помощью специальных технологий, а изделия из металла производятся с помощью

других технологий, так же и невероятно возросший объём «информационной руды» нуждается в особенных технологиях переработки. Мы утверждаем, что одной из самых древних и эффективных таких технологий переработки информации является поэзия.

Вот как об этом говорит доктор философских наук профессор Василий Александрович Фриауф в своей работе «Парадоксы коммуникации»: «Когда современный французский социолог — Жан Бодрийяр — говорит об экстазе коммуникаций в постсовременном обществе — он имеет в виду вполне определенную вещь: информационный взрыв, основанный на симулякрах третьего порядка, то есть — на фетишизме знаков. Инфляция смысла при избыточной информации» [51]. Мы уверены, что поэзия, подлинная поэзия, порождая вместо слова-знака слово-символ, нивелирует и аннигилирует эту инфляцию смыслов.

В рамках философии информационной цивилизации любое стихотворение является «информационной капсулой», а сфера поэзии — колоссальным информационным ресурсом, необходимым для выживания человечества. В каком-то смысле мы становимся свидетелями того, как завершается вселенский цикл времен, ибо «В начале было Слово <...>, и Слово было Бог», а поэзия возвращает слову и речи их божественное предназначение, в духе творческой истины.

Дабы разобраться в том, какие закономерности определяют существование и поведение стиха как информационной капсулы, рассмотрим ее статическую философскую информационно-энергетическую квазиквантовую модель [8, 41, 48, 52].

Философская статическая информационно-энергетическая квазиквантовая модель стиха как информационная капсула, входящая в структуру сферы поэзии

Для начала разберемся с иностранным словом «информация». Оно является производным от двух слов. Первое — это латинское слово *information*, которое означает *разъяснение, представление, понятие о чем-либо*. Второе — это слово *informare*, которое означает *обучать, мыслить, придавать вид или форму*.

В настоящий момент в потоке бесчисленных работ по теории информации, по философии информации наметились две школы. Одну из них принято называть «функционалистами». Другую — «атрибутистами».

Адепты функциональной школы любят цитировать слова основоположника этого направления, отца кибернетики, знаменитого Норберта Винера: «*Информация — это не материя и не энергия, информация — это информация*».

При всей своей тавтологичности это определение содержит очень важную мысль: информация базовое, изначальное, первоосновное свойство окружающего мира. Она не может быть определена через другие базовые понятия — такие, как энергия или материя.

Функционалисты уверены, что информация может быть только в живых объектах и кибернетических автоматах. Атрибутисты, в отличие от функционалистов, считают, что информация есть в любых объектах окружающего мира.

На наш взгляд, разделение это глубоко условное и определяется узкопрофессиональными интересами. Функционалисты, как правило, специалисты по информатике, а атрибутисты — по космогонии.

Для нас же гораздо важнее другое: то, что только поэзия связывает информационные потоки живого и неживого, тайно осознавая, что вся природа, и вся Вселенная, и человек в ней, и вся биота, и все среды обитания есть риза Господня. Недаром великий физик и член американской Национальной академии наук по отделению литературы Джеймс Кларк Максвелл писал: «*Восторг вселяет в божие создание божественное здание мироздания*» [20]. Именно в информационной капсуле стиха, словно в тигле, сплавляются образы, сравнения, аналогии, которые, благодаря фантазии художника, помогают создать новую, художественную реальность, консервировать поток времени, связать пространство стиха с другими пространствами, сохраняющимися в его метрике, но обладающими иными модальностями. Не только в пространстве стиха, не только в его информационной капсуле два значения слова *информация*, а именно значения *содержания* и *формы*, сливаются в одном информационном поэтическом поле.

Дальнейшее рассмотрение этой «атомарной» структуры сферы поэзии будет невозможно, пока мы не разберемся с особыми свойствами информации, пока мы не осознаем ее место в триаде «информация — энергия — материя», пока не поймем квазиквантовый механизм увеличения или уменьшения поэтической энергии, не поймем, в чем она выражается, эта энергия стиха, и не разберемся во всем многообразии ее потенциальных и кинетических, то есть агрегатных, состояний.

Попытки понимания глубинных закономерностей, связанных с триадой понятий **«материя — энергия — информация»**, сегодня оказались в тренде новейших философских исследований, которые опираются на прочный фундамент, заложенный выдающимся русским математиком, членом-корреспондентом АН СССР, Алексеем Андреевичем Ляпуновым.

Вот что писал Ляпунов в своих тезисах к докладу на Международном конгрессе по философии в Варне в 1973 году [19].

«В отношении информации не работают обычные законы сохранения.

В пределах управляющей системы (в нашем случае управляющей системой является поэтическое произведение как неотъемлемая часть сферы поэзии. — М.П., С.А.) возможно лишь перекодирование, размножение и утрата информации. Эти особенности противостоят особенностям массы и энергии, состоящим в том, что те подчиняются закону сохранения и принципу заменяемости. В отличие от массы и энергии информация всегда нуждается в носителе. Причем один и тот же объект для разных субъектов является носителем разной информации. Заметим, что все процессы, связанные с информацией: осмысление, переработка, декодирование, создание, — требуют затрат времени».

Таким образом, становится ясно, что материя и энергия абсолютны, а информация всегда относительна. Но ведь Ляпунов говорил о самых общих свойствах информации, энергии и массы. Что же такое масса и энергия, когда речь идет о сфере поэзии? На наш взгляд, масса в нашем случае — это тоже то, что абсолютно: символы передачи информации, то есть алфавит, иероглифы, но не только. Это слова, устойчивые выражения, то есть словарный и семантический запас языка, но и еще установленные правила орфографии и синтаксиса, нормы правописания и вообще речи. Как и масса, этот запас массы слов и правил остается неизменным и сохраняется даже при гибели информации. Впрочем, когда мы говорим «сохраняется», мы имеем в виду именно статическую модель сферы поэзии, то есть одномоментную, дифференциальную. Если же говорить об интегральных свойствах языка, то очевидно, что любой естественный язык со временем меняется, меняются и правила орфографии и синтаксиса. Сомневающийся пусть поищет в современном русском языке букву «ять».

А что же тогда в этом случае энергия стиха, энергия поэзии? Этот вопрос активно интересуется последнее время как философов, так и поэтов.

Позволим себе процитировать выдержки из статьи профессора Литературного института, лауреата Государственной премии Олеси Александровны Николаевой, статья которой в журнале «Знамя» так и называлась: «Поэзия как энергия» [23].

«Бродский в своей Нобелевской речи утверждает, что поэзия — это явление языка. Вряд ли кто-нибудь станет с этим спорить: поэзия не существует вне слова, так же как и не бывает «поэта в душе» («Знаете, он пишет плохие стихи, но он поэт в душе!»). Да, действительно, явление языка, но не только. Поэзия — это прежде всего форма энергии».

Далее Олеся Николаева приходит и вовсе к парадоксальным, но очень глубоким и философски точным выводам. По сути, она делает литературное открытие.

«Прекрасное стихотворение может быть и вовсе косноязычным. <...>

Да и мысль в гениальном стихотворении может быть НИКАКОЙ. <...>

И всё это вполне даже может быть в поэзии. Но вот каким не может быть прекрасное стихотворение — это энергично пустым. Потому что вдохновение — это энергия.

Многие называют ее, эту энергию, «звук»: в стихах есть «звук». Но это — энергия.

Многие называют ее музыкой: музыка стиха. Но это — энергия».

Дабы несколько сократить прямую цитацию, отметим, что далее профессор Николаева относит к энергии стиха: «Музу», «интонацию», «тесноту стихового ряда». Но особый интерес представляет интерпретация энергии стиха в рамках православной антропологии. Вот что на эту тему пишет Олеся Николаева, один из самых читаемых православных поэтов и писателей России.

«Тем, что поэзия имеет дело с энергиями, с их художественным «распределением» внутри стихотворения, она обретает родство с православным «внутренним деланием», восстанавливающим нарушенный «энергичный образ» человека. И творческое вдохновение, и божественная благодать — те энергии, которые могут быть восприняты художником и подвижником. Источник у них — один, и цель у них тоже одна — преображение».

Заметим, что это утверждение профессора Николаевой перекликается с постулатом профессора Сергея Чернова, согласно которому святость есть форма гениальности, а то и другое лишь разные пути проявления божественного откровения.

Вопросом, что такое энергия стиха, интересовался и такой выдающийся ученый, как профессор

Юрий Михайлович Лотман. Естественно, он его решал с позиций разработанной им новой науки семиотики. Вот что он пишет об энергии стиха в своей знаменитой статье «Структура художественного текста», вышедшей почти полвека тому назад в 1970 году [18].

«Понятие энергии художественной структуры, всегда ощущаемое читателем и часто фигурирующее в критике, не упоминается в теориях литературы. <...> оно родственно «функции» в толковании Ю.Н. Тынянова и чешских ученых — Я. Мукаржовского и его учеников».

Далее Ю.М. Лотман доказывает, что «энергия поэзии» скрыта в организации стиха. В частности, он пишет: *«В организации стиха можно проследить непрерывно действующую тенденцию к столкновению, конфликту, борьбе различных конструктивных принципов. Каждый из этих принципов, который внутри системы, им создаваемой, выступает как организующий, вне ее выполняет функцию дезорганизатора».*

В частности, Лотман указывает на конкретные проявления этой борьбы текста с текстом, которая, по его мнению, и рождает энергию стиха.

А именно: *«...словоразделы оказывают возмущающее действие на ритмическую упорядоченность стиха, синтаксические интонации вступают в конфликты с ритмическими и т.п. Там, где те или иные противопоставленные тенденции совпадают, мы имеем дело не с отсутствием конфликта, а с частным его случаем — нулевым выражением структурной напряженности».*

В качестве примера Ю.М. Лотман приводит знаменитое стихотворение А.А. Ахматовой: *«От других мне хвала — что зола. От тебя и хула — похвала».* Вот как Лотман анализирует энергетическую доминанту этого стиха: *«...поэтическая конструкция создает особый мир семантических сближений, аналогий, противопоставлений и оппозиций, который не совпадает с семантической сеткой естественного языка, вступает с ней в конфликт и борется. <...> Дополняя описание системы картиной противоборствующих ей структур (внутри- или внетекстовых), мы вводим в поле нашего внимания энергетический момент. <...> Для преодоления высокочастотных запретов необходимо то, что Пушкин называет “поэтической смелостью”». Так рождается энергия поэтических инноваций.*

Попробуем как-то упорядочить представления об энергии стиха. Энергия вдохновения, энергия эмоционального сопереживания словам поэта — это те типы энергии, которые условно можно

назвать психологическими. В тот момент, когда они сокрыты в оболочке стиха, они потенциальные. В тот момент, когда они раскрывают свой потенциал, заставляя читателя и слушателя сопереживать поэту, они выявляют свою психокинетику.

Так или иначе, мы можем говорить об энергии резонанса. В том случае, если речь идет об энергии стиха, связанной с его ритмом, с его рифмами, с его фонетикой, вполне допустимо говорить о резонансе ритмического узора стиха с биоритмами и человека, и природы. Тот, кто внимательно прислушивался к ритмам морского прибоя, не может не заметить сходство ритмического рисунка прибоя с ритмом гекзаметра. Так и видишь перед своим мысленным взором слепого Гомера, которому морской прибой помогает выстраивать ритмический рисунок его торжественного и величавого стиха, написанного гекзаметром.

Не можем мы не согласиться с мнением доктора культурологии Сергея Евгеньевича Бирюкова, который считал, что пусковым механизмом высвобождения энергии стиха является нарушение стихотворным текстом стереотипов речи. Интервью с ним на эту и ряд других тем, посвященных феноменам поэзии, так и было названо: «Поэзия — это нарушение ожиданий» [11]. Столкновение семантических значений по Лотману, несомненно, примыкает к этой точке зрения на энергию стиха.

Дальнейшее рассмотрение стиха как информационной капсулы будет невозможно, если мы подробно не остановимся на парадоксах поэтической коммуникации. Распространяя соображения Василия Фриауфа [51] о парадоксах коммуникации, мы можем сказать, что стихотворение тогда и только тогда становится поэзией, то есть информационной поэтической капсулой в нашем понимании, когда оно, это стихотворение, несет Весть, когда оно есть продолжение и порождение Слова-Логоса, Слова-Символа, а не слова-знака, слова-цифры, созданного Анти-Логосом, всегда содержащего прямой или косвенный плагиат, всегда принадлежащего эпигонам от поэзии. Подлинная поэзия всегда есть несказанное в сказанном. Но, спрашивается, как же такое возможно?

Позволим себе снова процитировать Василия Фриауфа: *«Ответ мы вновь находим в размышлениях философов-имяславцев. П.А. Флоренский в своем анализе имени и слова обнаруживает то, мимо чего прошла вся научная лингвистика. Мы вступаем (или пытаемся вступить) в процесс коммуникации. Мы привычно ориентируемся при этом на значение видимых и слышимых знаков. То есть на зону так называемого сознательного*

восприятия и ответной речи. Но сознание, как мы уже выяснили, есть сумеречная зона псевдоречи и псевдокоммуникации. Помимо этой зоны, говорит Флоренский, мы имеем ультрафизическое воздействие фонемы и инфраспихическое воздействие семемы слова и речи. Слово магично и слово мистично. Магичность слова воздействует ниже порога сознательных восприятий, мистичность — выше границ сознания».

Как хорошо известно, одно из значений слова коммуникация — это «объединение». Но в том-то и дело, что Слово-Весть объединяет, а слово-знак, слово-цифра разъединяет. С этим свойством поэтической капсулы связано такое глубоко социальное явление, как вирулентность стиха. Мы еще вернемся к этому вопросу, когда будем рассматривать взаимодействие сферы поэзии с социосферой, то есть в разделе социопэтики. А пока лишь приведем несколько примеров того, как Слово-Весть объединяет людей. Позволим себе привести только первые строки. «Жди меня, и я вернусь», «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой».

Теперь позволим себе изложить те соображения, которые заставили нас определить информационную капсулу стиха как квазиквантовый объект. Прежде всего проведем четкое разделение между дискретностью, квантованием, квазиквантованием и аналогами непрерывного процесса именно в сфере поэзии. Сразу хотелось бы подчеркнуть, что мы крайне далеки от желания механически, формально приложить известные из квантовой физики понятия к лирическому феномену сферы поэзии. Но тогда зачем нам понадобились пусть широко известные, но чисто физические термины?

Затем, что, по нашему глубокому убеждению, разделение на физику и лирику носит весьма умозрительный характер. Далее мы это и докажем, и покажем на примере технопоэтики, или, как она называется с легкой руки доктора медицинских наук, основателя космической медицинской радиометрии, профессора Оскара Яковлевича Боксера, «лирики науки» [12].

В чем философская сущность понятия *квант*? В том, что это некоторая минимальная величина, носящая дискретный характер, которая имеет способность накапливаться и, накапливаясь, приводить к новой, синергичной сущности объекта. Так, для цифровой информации эта величина, этот квант, — это бит, то есть две цифры двоичного исчисления: единица и ноль. Во многих языках программирования эти две цифры обозначают дипольную связку «правда-ложь». Впрочем, это не единственное определение кванта информации.

Так, в философских работах Р.Ф. Абдеева [1], В.П. Попова и И.В. Крайнюченко [49], А.Г. Асеева [6], рассматривающих метрику «информация-энергия» как философский объект, вводится понятие **инфоквант** — некая минимальная частица Слова-Логоса, имманентно сохраняющая генетический код творения Сушного.

При всём уважении к работам и исследованиям профессоров и докторов философских наук Абдеева, Асеева, Крайнюченко и доктора химических наук Попова мы не станем в исследовании квазиквантовой природы информационной капсулы стиха опираться на понятие инфокванта. Нам достаточно заметить, что квазиквантом любого, и в том числе стихотворного, текста, написанного на языке, имеющем алфавит, является буква. Почему мы считаем букву квазиквантовым объектом? Прежде всего потому, что такой квант, как буква, не обладает главным свойством квантования, а именно изотропностью. В любом алфавите букв конечное число, но всё это разные буквы и они объединяются в слова по правилам орфографии. Да, у них, у этих букв, есть такое свойство, как дискретность. Более того, у текста, составленного из букв, не важно, читаем мы его справа налево или слева направо, есть свойство одновременно непрерывности и направленности.

Однако алфавит, придуманный святыми равноапостольными Кириллом и Мефодием, при всей своей дискретности имеет и семантику, свойственную каждой букве. Возьмем первые три буквы старорусского алфавита: «Аз Буки Веди», — и они уже составляют фразу «Я ведаю, знаю буквы». Поскольку в нашу задачу не входит исследование такого уникального явления, как алфавит русского языка, мы предлагаем всем интересующимся этим вопросом обратиться к книге кандидата филологических наук Ольги Фёдоровны Мирошниченко «Тайны русского алфавита» [22].

Квазиквантовая природа модели информационной поэтической капсулы существует не только благодаря дискретности азбуки, но и в силу необходимости рассмотреть энергию распространения стиха в социуме. Уровень этой энергии определяет степень вирулентности стиха, но само накопление ее происходит благодаря наличию такого явления распространения поэтической, а впрочем, и любой другой информации, как **квант действия**. Правильнее было бы сказать **квазиквант действия**.

Что это такое, квазиквант действия? Это любое разовое действие потребителя поэтической информации. Прочтение, размножение, распространение,

обсуждение, суждение, контаминация, цитирование, редактирование, декламация. Суммирование таких квазиквантов действия в отношении информационной поэтической капсулы способствует накоплению энергии воздействия стиха на социум. Заметим, что в интернете давно уже применяются технологии работы со стихом как с информационной капсулой. Так, на сайте «Стихи.ру» ведется статистический учет квантов действия по отношению к тому или иному поэтическому произведению. На основе такой статистики составляются поэтические рейтинги. Впрочем, индустрия создания квазиквантов действия с помощью так называемых «ботов» сводит на нет чистоту данного поэтического эксперимента.

По нашему мнению, поэзия есть свободное дыхание души и духа, озаренное божественной благодатью. И каждый, кто ищет в ней рейтинги и табели о рангах, мучительно прислушивается к ускользающему эху времени в надежде уловить отзвуки собственного культуртрегерского бессмертия.

Наше исследование философской модели стиха было бы неполным, если бы мы не рассмотрели определенные закономерности, присущие сфере поэзии как информационному объекту. Итак, если материя стиха — это знак, слово и свод правил, по которым формируется поэтическая речь, энергия стиха — это его ритм и его интеллектуально-эмоциональная наполненность, то нам представляется, что поэтическая информация в качестве носителя может иметь очень малую порцию материи или энергии. Для того чтобы сконцентрировать в очень малом объеме (например, в стихотворении) информацию, рассеянную в очень большом объеме (например, в природе), каждый кодовый знак, не обусловленный другими знаками, нужно передать в выделенных объемах посредством некоторого материального носителя (например, слова). Это либо некоторая частица, скажем, словосочетание, строка, катрен, либо некоторая порция энергии, как-то: ритм, конкордация семиотов. Каждое слово, словосочетание, каждая строка и каждый катрен должны войти в объем стиха и выйти из него. Однако поскольку скорость восприятия слов, словосочетаний, строк и катренов ограничена, то для того, чтобы оставить некоторый след, то есть осознать, или, по-другому говоря, дешифровать, декодировать поэтическое сообщение, необходимо затратить время.

Ясно, что если общее количество носителей поэтической информации велико (текст, подтекст, гипертекст и так далее), то будет неизбежна высокая концентрация этих прямых и косвенных носителей

поэтической информации в этом данном и ограниченном объеме стиха в течение рассматриваемого промежутка времени. Отсюда с неизбежностью следует общий вывод, касающийся присущих информационной поэтической капсуле свойств: слишком большая, а вернее, высокая концентрация смысла (энергии стиха) невозможна в слишком малом объеме стиха, то есть при малой его массе. Но что значит слишком? Как показывает поэтический опыт, минимально возможный объем массы стиха — одна строка. Таковы некоторые произведения Брюсова, Вишневского, Танка, Хлебникова, Бурлюка. Невозможно поместить высокие, глубокие и просто большие смысловые объемы в малом объеме текста еще и потому, что между словами в стихотворении имеется специфическое взаимодействие, определяемое фонетикой, внутренними рифмами, созвучиями и нормами языка. Попытка сказать всё ни о чем, так же, как попытка сказать ничего обо всем, приводит к разрушению структуры стиха, подмене слова-логоса словом-знаком, нивелирующим и нигилирующим саму суть поэтической коммуникации.

Некоторые замечания относительно взаимоотношений философии и теории моделирования сложных мегасистем, в том числе и такой мегасистемы, как сфера поэзии

Лингвистический анализ

Большинство полиглотов уверяют, что, после того как освоен шестой или седьмой язык, наращивание их числа — буквально дело техники. Более того, с каждым новым выученным языком последующие осваивать всё легче и легче. Правда, и у этого процесса есть свои особенности. Языки, которые языковед называет родственными [49], например, славянские: украинский, русский, белорусский, — напоминают одноуровневые ветки одного дерева. Забрались на одну ветку, а другая рядом, под боком. Перескочить с ветки на ветку не сложно. Куда труднее переход от русского языка к китайскому или урду.

Эти простые, даже банальные рассуждения и почти очевидные закономерности языковедения могут оказаться верными лишь частично, когда речь пойдет об освоении языковых объектов, подобных разговорным, входящим в сферу интересов лингвистики, но все же отличным, а иногда и существенно, от общего языкового тезауруса.

Что же это за языковые объекты? Ну, например, специфические, профессиональные языки тех или иных наук, с их специальными терминами. Некоторые научные утверждения на языке науки представляют собой нормальное вербальное словосочетание, а на бытовом языке носят совершенно иной, комический характер. Так, в органической химии существует реальное соединение «декан пропил серебро», а в теории графов, открытой и разработанной великим Эйлером, теорема: «У связанного графа все ребра прилежащие».

Еще большие трудности и различия возникают при освоении искусственных языков. В данном случае мы не говорим об искусственных разговорных языках, например, эсперанто, а имеем в виду языки программирования. Впрочем, и в этом случае существуют языки родственные, близкие друг к другу и резко отличающиеся от других.

Достаточно просто перейти от Алгола к Фортрану, а от него к Паскалю, но переход к Си++ уже будет сложнее. Так весьма непросто работает принцип аналогии [35].

Итак, то, что каждая научная дисциплина пользуется своим специфическим языком, сленгом, тезаурусом, — это установленный факт. Недаром технический и научный перевод считаются отдельной ветвью знания иностранных языков. При этом научный перевод требует одновременно со знанием иностранного языка и определенный уровень знания самого научного предмета, которому посвящен научный текст, требующий перевода.

При пристальном рассмотрении можно заметить, что даже одни и те же явления и сущности в разных науках называются ими абсолютно по-разному.

Памятуя тот факт, что новые направления науки возникают, как правило, на стыке наук и носят междисциплинарный характер, всмотримся в контуры грядущего, наметившиеся уже сегодня, на стыке трех научных дисциплин: прикладной философии, прикладной математики, а вернее, ее раздела под общепринятым названием численное математическое моделирование, и, наконец, того направления прикладной кибернетики, которое изучает возможности создания искусственного интеллекта.

Все это прекрасно, воскликнет дотошный читатель, но при чем тут «сферопоэтика»? При том, что мы хотим обсудить тенденции, которые способны в корне изменить не только сферу поэтического творчества, которую мы и назвали «сферопоэтикой», но вообще всю гуманистку.

Рассмотрение проблематики на стыке именно этих дисциплин позволит нам просигнализировать

философскому сообществу, что философии, как и многим другим гуманитарным наукам, скоро придется торить свой непростой путь, используя специфический инструментарий и совершенно иной научный язык. Иначе ее, философию вместе с поэзией в совокупности, может ждать судьба, чем-то напоминающая судьбу шахмат.

Позвольте предложить вам небольшое лирическое отступление под названием «Драматическая судьба шахмат».

Драматическая судьба шахмат

В древности игра в шахматы считалась высоким искусством. Шахматная доска воспринималась как миниатюрная модель мироустройства, а сами шахматы были игрой королей и высшей знати.

В конце XIX — начале XX века шахматы стали массовой игрой, спортом, ристалищем интеллектов и полем для шахматных фантазий великих и профессиональных игроков, таких как Ласкер, Алехин, Стейниц, Ботвинник, Фишер, Таль, Петросян, Карпов, Спасский, Смыслов, Бронштейн. И это только суперигроки, шахматные гении. Уверены, что многих мы не упомянули [2].

Более того, на некоторое время шахматы стали полем идеологической борьбы двух миров: капиталистического и социалистического. Вспомним хотя бы накал страстей, связанный с противоборством советских и американских гроссмейстеров.

Предпринятые в последней трети XX века попытки создать шахматные программы для тогдашних электронно-вычислительных машин воспринимались как блажь программистов, кибернетиков и специалистов по теории игр.

Что же мы видим в итоге? Вычислительная машина приняла участие в чемпионате мира и выиграла его. Обычный «айфон» способен быть партнером по шахматам вплоть до гроссмейстерского уровня и легко обыгрывает нас, авторов этого текста и наших друзей, шахматистов.

Интерес к шахматам резко упал, и думается, что он упадет практически до нуля, когда вставленный в ухо компьютер поможет любому желающему обыграть чемпиона мира по шахматам.

А ведь это только жалкий отсвет того, чем грозит всем людям, занимающимся интеллектуальной и научной деятельностью, появление мощного искусственного интеллекта [31]. Остается только надеяться, что у искусственного интеллекта будет некое подобие того, что у людей называется совестью.

Нам могут возразить, что в случае шахмат речь идет о закрытой системе, функционирующей по неизблемым правилам, и, согласно теореме Гёделя о неполноте [36], такая система может быть полностью логически описана, в отличие от открытой системы, благодаря наличию у нее непротиворечивой аксиоматики. Что тут можно возразить? Ничего. Заметим только, что речь идет об игре, содержащей более 846 миллиардов комбинаций, однако это проклятие размерности не смутило кибернетиков.

О некоторых отличиях поэзии и философии от шахмат с точки зрения возможности создания имитационных моделей

В отличие от шахмат, философия и поэзия — открытые, незамкнутые, постоянно расширяющиеся и одновременно сужающиеся, то есть «дышащие», системы, и любая аксиоматика для них неполна, а значит, творчество, порождающее продукт таких систем, не может стать продуктом искусственного интеллекта и не может быть смоделировано. Творчество — возможно, а сам продукт? Более того, а сама система? Может ли быть смоделирована поэзия как система? А философская концепция, даже при некотором огрублении ее положений, может быть смоделирована или нет?

Нам представляется, что может. Может быть смоделировано некоторое ее моментное, то есть статическое состояние. Может быть осуществлена модель перехода от одного известного состояния к другому известному состоянию. А вот динамика развития поэзии и философии как явления, как сущности и как системы может быть смоделирована лишь в некоторых своих проявлениях и аспектах.

Чтобы наглядно продемонстрировать мощную корреляцию грубых и алгоритмически строгих численных, математических моделей с некоторыми известными философскими концепциями, попробуем показать, что дело зачастую только в разности терминологии, или, иначе говоря, речь идет вот о чем.

Корреляция моделей философии и теории игр

Итак, прежде чем мы перейдем к рассмотрению моделирования сферы поэзии, или, иначе говоря, к философским численным и информационным моделям сферопэтики, проделаем один лингвистический и отчасти семантический эксперимент.

Рассмотрим, как некоторые философские концепции могут быть обозначены на языке прикладной математики, теории вероятностей и теории игр.

Начнем со знаменитого философа Карла Маркса [21]. Его теория противостояния труда и капитала, буржуазии и пролетариата есть не что иное, как простейшая стратегическая игра объектов с антагонистическими интересами. Теория таких игр разработана досконально [28]. Кстати, шахматы — одна из таких игр.

Известны все, или почти все, варианты завершения таких игр, от ничьей до полного разгрома одного из противников. Перейдем теперь к другому философу, Питириму Сорокину [37], к его теории конвергенции. Как социолог и культуролог, кроме всего прочего, Питирим Сорокин пытался ответить на вопрос: «Чему капитализм должен поучиться у социализма, а социализм, в свою очередь, поучиться у капитализма?» И снова с точки зрения прикладной математики — ничего нового. Обычная стратегически-тактическая игра с солидарно-антагонистическими интересами. Опять же все сценарии игры считаются с определенной вероятностью.

Наконец, возьмем Сёрена Кьеркегора, провозвестника философии экзистенциализма [46]. Хорошо понимая всю примитивность нашего подхода к этой довольно глубокой философии существования с ее превосходством существования над сущностью, позволим себе сформулировать личностную идею философии существования следующим образом: *«Только ощущение неизбежной смерти приводит к катарсису понимания жизни»*. Что это с точки зрения моделирования систем? В чистом виде — это теория катастроф для систем с положительной обратной связью и преобладанием таких сценариев развития системы, которые учитывают вероятность возникновения точек бифуркации и генерируются с помощью динамических управляющих индексов, определяющих запретные траектории развития системы. Сами же управляющие индексы получаются в результате симплексного анализа конечных вероятностей полумарковских процессов, моделируемых методом Монте-Карло, при условии, что начальные точки этих процессов принадлежат пограничным состояниям системы.

Так и слышим мы крик специалиста по философской антропологии: «Немедленно прекратите нести вашу псевдоматематическую тарбарщину! Как вы можете заменять человека какими-то бездушными моделями систем?!»

Что на это сказать? Увы, специалисты по философской антропологии, да и не только они, но

вообще любые философы, бросившие нам упрек в научной спекуляции и грубом упрощении философских теорий, будут правы.

Правы постольку, поскольку они требуют от нас философского анализа поведения живого человека, а мы предлагаем схему, скелет, модель. Да, модель. Но, господа, это схема наиболее вероятных поступков человека, исповедующего данную философию, это модель его поведения в тех или иных ситуациях, и, наконец, это, образно говоря, скелет, но скелет чей? Человека.

Философское моделирование сферы поэзии — мода или необходимость?

Некоторые замечания о внешнем и внутреннем космосе

Следует отметить, что время сдвигает и корректирует привычные представления о философском моделировании и вообще о взаимоотношении моделирования и философии. Всё чаще философские модели представляются в виде видеорядов, сконструированных специальным образом. Крылатое выражение «*Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать*» буквально воплощается в жизнь.

Так, недавно корпорация Google показала видео, посвященное крайне сложной антропологической и одновременно космогонической проблеме связи космоса Вселенной и космоса Человека. Видеоряд был построен как иллюстрация путешествия вдоль пространственно метрической линейки. Такой своеобразный трактат о философии масштаба.

Вначале шел уход от Земли в ближний, а затем дальний космос, показывались удаленные галактики, демонстрировались компьютерные модели новейших данных астрофизики, полученные за последние десятилетия с помощью космических зондов. Грандиозная картина Вселенной протяженностью в миллионы световых лет.

Затем видеоряд уходил в «ближний космос человеческого тела». Меняя масштаб от сантиметров к ангстремам, используя компьютерную графику, основанную на новейших открытиях в области анатомии и физиологии человека, авторы этого видео демонстрировали устройство сердечно-сосудистой и нервной систем человека, разворачивали картину его ДНК и РНК, пытались проиллюстрировать тайну зарождения новой жизни в чреве матери, показывали механизмы работы внутренних органов человека.

То, что сделали компьютерные аниматоры Google, несомненно, новый этап в создании философского моделирования представлений, присущих

гносеологии и антропологии, космогонии и философии медицины.

Чего греха таить, перед нами предстала глубоко философская, научная картина мира во всей ее полноте и масштабности. Все это видео есть не что иное, как иерархическая, параметрическая философская модель. В чем ее философский смысл? В осознании роли масштабной сетки Ойкумены и тождества двух космосов: космоса Вселенной и космоса Человека.

Философия масштабных констант широко представлена в работах профессора Сергея Ивановича Сухоноса [50]. С некоторых пор философское моделирование также находится на острие философского дискурса. Всем интересующимся подробностями мы советуем ознакомиться с работами доктора философских наук, профессора Иркутского государственного университета Н.И. Бабенко [7], В.А. Штоффа [46]. И хотя работ по философскому моделированию, в том числе и в области поэтики, с каждым годом все больше, поток вопросов, проблем и парадоксов нарастает еще быстрее. Спрашивается, почему?

Прежде всего потому, что забываются кардинальные положения теории моделирования, видимо, не очень хорошо знакомые специалистам в различных областях гуманитарного знания, и, в частности, в философии.

Немаловажную роль играет тот факт, что философия, не будучи наукой, все равно попала под кагот дифференциации знаний: антропологическая модель — это одно, гносеологическая — это другое, модель в области этики — третье, а эстетики — четвертое. Естественно, что моделирование сферы поэтики как философского объекта имеет свою неповторимую специфику.

Не следует забывать и о том, что моделирование сложных философских объектов возможно только в цифровой среде с помощью целого комплекса сложнейших аналитических и имитационных программ. Так, в распоряжении некоторых правительств уже сейчас находятся центры стратегического внешнеполитического реагирования, которые в режиме реального времени отслеживают все информационные потоки и на основе конкретных положений прикладной политической философии дают свои рекомендации. Что это, как не философская модель текущей политики?

Сразу отметим, что создание таких моделей дорого обходится налогоплательщикам, так что до сферы поэзии очередь дойдет не скоро.

Значит ли это, что философскими моделями сферы поэзии не надо заниматься? Мы считаем,

что не значит, но необходимо учесть ряд важных положений и особенностей.

Первое положение состоит в том, что любая модель строится на априорном выделении значимых и незначимых факторов для функционирования системы, а сфера поэзии, и тем более сфера философии, как правило, не содержит ни объективных, ни субъективных критериев для осознания тех или иных факторов значимыми или незначимыми.

Второе положение определяется тем фактом, который в сфере мягкого моделирования наиболее часто упускают из виду. Любое моделирование не является самоцелью, оно не столько ценно само по себе, сколько привлекает своей чисто прикладной возможностью с той или иной точностью достоверно, или, скажем, с некоторой высокой степенью достоверности, изучить поведение сложной системы на модели ее менее сложного аналога при изменении тех или иных внешних и внутренних факторов, предсказать или экстраполировать развитие сложной системы, тенденции ее поведения в ближней или дальней перспективе.

Наконец, третья особенность определяется тем, что философское моделирование и моделирование сферы поэзии пока еще не выделилось ни в самостоятельное научное направление, ни тем более в самостоятельную научную дисциплину. Оно не имеет пока ни собственного понятийного аппарата, ни собственной аксиоматики, ни своего устоявшегося тезауруса.

Возьмем в качестве примера социальную философию. В социальной философии позиционируется четыре философских модели общества в зависимости от решения главного вопроса философии: что первично, материя или идея, дух. Соответственно, модели: идеалистическая (дух первичен), материалистическая (материя первична), натуралистическая (геополитическая и космическая) и плюралистическая, или, как ее еще называют, факторная. Некоторые авторы называют эти модели картинами социального устройства. К нашему глубокому сожалению, описание этих философских моделей и рядом не стояло с точным знанием по вопросам компьютерного, математического моделирования.

Каким? Ну, например, тем, которое использует прикладная математическая социология, применяющая математический аппарат многофакторного планирования эксперимента [3]. А ведь существует еще и многофакторный анализ в рамках нелинейного программирования, применяемый для поиска социальных решений, оптимальных по Парето [30].

Впрочем, что говорить об оптимальных социальных моделях для изучения сферы поэзии или

углубления знания о процессах, происходящих в социуме, касающихся поэзии, поэтического творчества, всего того, что рассматривается социопозитикой, когда профессия поэта даже не включена в классификатор профессий и специальностей Российской Федерации?

Однако требования к полноте теоретического научного философского исследования не позволяют нам пройти мимо такого явления, как авторские философские модели. Кстати, большинство из них пригодно и для рассуждений о сфере поэзии.

Позволим себе начать с философской модели социума, предложенной Мишелем Фуко [47]. Мишель Фуко разбил всю историю человечества на три периода: Ренессанс — XVI век, классический период рационализма — XVI–XVIII века и современность — XIX–XX века. Модели (или периоды) различаются по соотношению «слов» и «вещей» в рамках каждого из них, то есть различие тех или иных эпистем лингвистическое. Таким образом, XVI век определяется своей схемой социальных кодов. Главная код-схема — это «подобие». В рамках археологии знания, предложенной Фуко, это время поисков подобного неподобному, время энциклопедий, устанавливающих и восстанавливающих словесный порядок вещей. Фуко обозначает всю философскую парадигму XVI века как «комментарий».

Применение авторской философской модели Фуко к проблемам исторической социопозитики могло бы, по нашему мнению, привести к необычным и плодотворным результатам. Например, рассмотрение творчества Шекспира (а в том, что Шекспир — одна из вершин поэзии XVI века, мы нисколько не сомневаемся) как комментария к социальной реальности XVI века.

Для XVII века код-схема — «критика». Слово в этот период не есть синоним понятия «правда» и уж тем более не есть аналог понятия «истина». Приходит понимание того, что слово может быть истинно, а может и нет, то есть ложно, или частично ложно. Взять хотя бы поэзию, а вернее, поэтическую драматургию такого прославленного автора XVII века, как Лопе де Вега. Большинство коллизий его произведений как раз состоит в том, что слова героев расходятся с реальным смыслом событий.

Для XIX и XX веков код-схема, по представлению Фуко, — это «идеология».

При этом, как считает Фуко, слова отделились от представлений. Чем не идеальная модель для изучения в рамках социопозитики такого явления, как социалистический реализм?

В завершение обсуждения авторской философской модели Мишеля Фуко заметим, что эта модель предлагает некие философские реперы пограничных состояний и является сугубо качественной, в то время как нас интересуют качественно-количественные и даже имитационные модели, опирающиеся на нейролингвистические алгоритмы, присущие функционированию искусственного интеллекта.

Следующая за моделью Фуко философская модель принадлежит Йохану Хёйзинга [40] и называется «игровой». Хёйзинга твердо считает, что «вся наша жизнь — игра». Игровая коммуникация, лежащая в основе этой модели, имеет особый модус, а сама модель — особый статус философского существования, при котором суммируются реальные и трансцендентальные элементы модели. В настоящее время проявляется тенденция к нивелированию игрового момента в жизни людей, хотя скорее можно говорить о замене натуральной игровой реальности на виртуальную.

По ходу дела заметим, что существует целый ряд сценариев игрового поведения в процессе поэтической коммуникации, причем эти персональные сценарии принадлежат как стихотворцам, так и любителям поэзии. Например, хорошо известны такие игровые типажи, как «непризнанный гений», «пророк», «человек не от мира сего» или «окололитературная дама». Впрочем, все эти типажи скорее существуют в рамках знаменитой антропологической модели Леви-Стросса, но в другом качестве, как коллективное бессознательное.

Хорошо известно, что основой коллективно-бессознательного, по Леви-Строссу, является миф. Где же здесь философская модель и тем более какое отношение эта модель имеет к сферопэтике? А ответ на этот вопрос в том, как Леви-Стросс рассматривает миф. Он рассматривает его как набор устойчивых функциональных событий. Перечень этих событий и есть модель мифа. Леви-Стросс подчеркивал, что структура мифа подчиняется строгим законам и выражается в том, в какой последовательности преподносятся базовые события. Леви-Стросс считал, что функции мифа в современном мире взяла на себя музыка.

Хорошо памятуя о том, что поэт — это глухой музыкант, позволим себе предположить, что поэзия, особенно песенная поэзия, также активно участвует в социальном мифотворчестве. Модель Леви-Стросса, на наш взгляд, когда речь идет о сфере поэзии, должна быть расширена и дополнена. В чем это расширение и дополнение? В том, что мифы, порождаемые поэзией,

распадаются на интровертивные и экстравертивные. Экстравертивные циркулируют в социуме и касаются или самой сферы поэзии, или порождаются вирусными поэтическими экзерсисами внутри социума.

Интровертивные имеют широкое распространение внутри сферы поэзии и порождают мифологические событийные ряды, касательные личности поэта, его предназначения и судьбы.

Мягко и ненавязчиво ложатся в эту схему и весьма оригинальные концепции Леви-Стросса относительно социальной коммуникации. Например, он выделял в особый, отдельный вид коммуникации женскую коммуникацию. Как бы следуя Леви-Строссу, многие литературоведы по сей день рассматривают женскую поэзию отдельно от мужской, что, кстати, очень возмущает многих авторов женского пола, которые даже слово «поэтесса» пытаются всячески дезавуировать.

Чтобы не быть голословными, приведем ряд примеров экстравертивных и интровертивных мифов, порождаемых поэзией. Миф о великом Ленине. От песни «Ленин всегда живой» до воплей Андрея Вознесенского: «Уберите Ленина с денег, так цена его высока». Редкой устойчивостью в социуме обладает миф о том, что поэт — это пророк, что поэт — человек не от мира сего, что поэт — это бессребреник. Поистине «бессмертен» миф о поэте — непризнанном гении. Его не понимают, его не печатают, а после смерти выясняется, что он — светоч литературы.

Напомним, что нашей целью вовсе не является подробное рассмотрение и критика работ по философскому моделированию, каковых великое множество. Нам лишь хотелось донести до многоуважаемого читателя тот несомненный для нас факт, что принятые на сегодняшний день философские модели имеют ряд общих свойств. Какие же это свойства? А вот какие:

- личностный, субъективный характер;
- описательное содержание;
- преобладание аналитической модальности над синтетической;
- полное отсутствие возможности адекватного экспериментального применения модели.

Все эти свойства присущи и новейшей философской цивилизационной модели развития социума, широко применяемой для качественного анализа в антропологии, гносеологии, философии литературы и искусства, в этических и эстетических философских построениях.

На наш взгляд, настала пора попытаться сконструировать имитационные философские модели, использующие аппарат теории случайных функций, нелинейного программирования, планирования социального эксперимента, то есть факторный анализ и теорию моделирования. Хорошо понимая всю сложность этой задачи, сразу оговоримся, что

речь идет только о первых шагах, об экспериментальных попытках, причем в такой узкой сфере, как поэтика. Может быть, наши весьма спорные усилия помогут создать такое новое и уникальное направление, как прикладная гуманистика, причем четко осознающее как свои возможности, так и ограниченность любого, самого точного, моделирования.

Список литературы

1. *Абдеев, Р.Ф.* Философия информационной цивилизации [Текст] / Р.Ф. Абдеев / ред. Б.С. Ивашкина, В.Г. Деткова. — Москва: ВЛАДОС, 1994. — 336 с.
2. *Авербах, Ю.Л.* Путешествие в шахматное королевство [Текст] / Ю.Л. Авербах, М.А. Бейлин. — Москва: Физкультура и спорт, 1972. — 288 с.
3. *Адлер, Ю.П.* Планирование эксперимента при поиске оптимальных условий [Текст] / Ю.П. Адлер, Е.В. Маркова, Ю.В. Грановский. — Москва: Наука, 1976. — 280 с.
4. *Антипов, С.С.* Воображение как катализатор развития науки и искусства [Текст] / С.С. Антипов // Философская школа. — 2019. — № 7. — С. 102–107.
5. *Антипов, С.С.* Побег из матрицы [Текст] / С.С. Антипов, М.А. Пекелис. — Коломна: Серебро Слов, 2018. — 80 с., илл.
6. *Асеев, А.Г.* Заметки об эволюции человека и вселенных: ноокоsmология [Текст] / А.Г. Асеев. — Москва: Издательская группа URSS, 2016. — 160 с.
7. *Бабенко, Н.И.* Моделирование современного философского познания мира [Текст] / Н.И. Бабенко // Известия ИГЭА. — 2003. — № 2 (35). — С. 123–126.
8. *Баевский, В.С.* Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы [Текст] / В.С. Баевский. — Москва: Языки славянской культуры, 2001. — 336 с. — (Studia philologica).
9. *Белецкий, А.А.* Задачи дальнейшего сравнительно-исторического изучения языков [Текст] / А.А. Белецкий // Вопросы языкознания. — 1953. — № 2. — С. 2–27.
10. Биологический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. М.С. Гиляров. — 2-е изд., исп. — Москва: Советская энциклопедия, 1989. — 864 с.
11. *Бирюков, С.Е.* Року Укор. Поэтические начала [Текст] / С.Е. Бирюков. — Москва: Издательский центр РГГУ, 2003. — 510 с.
12. *Боксер, О.Я.* История поэзии о науке [Текст] / О.Я. Боксер. — Шуя: Шуйский государственный педагогический институт, 1997. — 318 с.
13. *Вышеславцев, Б.П.* Сочинения [Текст] / Б.П. Вышеславцев. — Москва: Раритет, 1995. — 461 с. (Библиотека духовного возрождения).
14. *Евклид.* Начала [Текст] / Евклид. — Москва: Либроком, 2013. — 744 с.
15. *Иоселиани, А.Д.* Техносфера, социосфера и экологическое сознание в эпоху глобализации [Текст] / А.Д. Иоселиани // Научный альманах. — 2015. — № 10-4 (12).
16. *Каримов, А.В.* Научное наследие В.И. Вернадского: биосфера, ноосфера, свобода [Текст] / А.В. Каримов, Т.И. Пчельникова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. — 2013.
17. *Ли, А.Г.* Заметки о парапсихологии [Текст] / А.Г. Ли. — Москва: Вече, 2018. — 304 с.
18. *Лотман, Ю.М.* Структура художественного текста [Текст] / Ю.М. Лотман // Об искусстве: сб. науч. тр. — СПб.: Искусство — СПб, 1998. — с. 14–285.
19. *Ляпунов, А.А.* О соотношении понятий материя, энергия и информация [Текст] / А.А. Ляпунов // Проблемы теоретической и прикладной кибернетики: сб. статей. — Москва: Наука, 1980. — с. 320–323.
20. *Максвелл, Дж. К.* Опыты в стихах [Текст] / Дж. К. Максвелл / пер. с англ., сост. и пред. М.А. Пластов; под ред. и с предисл. проф. В.М. Тютюнника. — Тамбов; М.; СПб.; Баку; Вена; Гамбург: изд-во МИНЦ «Нобелистика», 2013. — 134 с.
21. *Маркс, К., Энгельс, Ф.* Избранные произведения [Текст]: в 3-х т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Москва: Политиздат, 1986.
22. *Мирошниченко, О.Ф.* Тайны русского алфавита. Аз Буки ведаю [Текст] / О.Ф. Мирошниченко. — Издательство «Издатель В.И. Епифанов», 2004. — 144 с.
23. *Николаева, О.А.* Поэзия как энергия [Текст] / О.А. Николаева // Знамя. — 2001. — № 2.
24. *Пекелис, М.А.* Полипоэтика [Текст] / М.А. Пекелис, С.С. Антипов. — Коломна: Серебро Слов, 2018. — 344 с.
25. *Пекелис, М.А.* Размышления о поэзии как о явлении, сущности и системе [Текст] / М.А. Пекелис, С.С. Антипов // Философская школа. — 2018. — № 3. — С. 53–109.

26. Пекелис, М.А. Размышления о поэзии: перекрестки и тропинки на карте поэзии. Часть II [Текст] / М.А. Пекелис, С.С. Антипов // Философская школа. — 2018. — № 4. — С. 14–23.
27. Пекелис, М.А. Размышления о поэзии: хронопоэтика. Часть III [Текст] / М.А. Пекелис, С.С. Антипов // Философская школа. — 2018. — № 5. — С. 38–73.
28. Петросян, Л.А. Теория игр [Текст]: учебник для вузов / Л.А. Петросян, Н.А. Зенкевич, Е.В. Шевкопляс / ред. Е. Кондукова. — СПб: БХВ-Петербург, 2012. — 432 с.
29. Плотникова, Л.И. Учение о ноосфере как идеальный проект гармонизации социоприродного взаимодействия [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук (09.00.11) / Плотникова Лариса Ильинична; Забайкальский государственный педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского. — Чита, 2004. — 204 с.
30. Посицельская, Л.Н. Равновесие и оптимальность по Парето в шумных дискретных дуэлях с произвольным количеством действий [Текст] / Л.Н. Посицельская // Фундаментальная и прикладная математика. — 2007. — Т. 13. — Вып. 2. — с. 147–155.
31. Рассел, С. Искусственный интеллект. Современный подход [Текст] / С. Рассел, П. Норвиг / пер. с англ. К.А. Птицын. — Москва: Вильямс, 2016. — 1408 с.
32. Тайны мироздания. Вестник Международной академии энергоинформационных наук (АО МОО «МАЭН»). — 2018. — спец. выпуск.
33. Тейяр де Шарден, П. Гимн Вселенной [Текст] / П. Тейяр де Шарден // Утопия и утопическое мышление: сб. статей. — Москва: Прогресс, 1991, С. 300–316.
34. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека [Текст] / П. Тейяр де Шарден. — Москва: Наука, 1987. — 240 с.
35. Уёмов, А.И. Аналогия в практике научного исследования [Текст] / А.И. Уёмов. — Москва: Наука, 1970. — 264 с.
36. Успенский, В.А. Теорема Гёделя о неполноте [Текст] / В.А. Успенский. — Москва: Наука, 1982. — 111 с.
37. Фадеева, В.Н. Идея конвергенции Питирима Сорокина в аспекте модификации социально-философской парадигмы [Текст] / В.Н. Фадеева // Известия Томского политехнического университета. — 2011. — Т. 318. — № 6. — С. 103–108.
38. Филлипс, Ч. Хочу быть самым умным! 300 задач: логика, креатив, быстрое, нестандартное, тактическое, образное мышление [Текст] / Ч. Филлипс. — Москва: Эксмо. — 2015. — 544 с.
39. Фриауф, В.А. Православная традиция и русская философия имени [Текст] / В.А. Фриауф // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. — 2006. — Том 6. — Выпуск 1/2. — с. 57–61.
40. Хёйзинга, Й. Homo ludens. Человек играющий [Текст] / Й. Хёйзинга / сост., предисл. и перевод с нидерландского Д.В. Сильвестрова, комментарии и указатель имён Д.Э. Харитоновича, Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. — 416 с.
41. Холшевников, В.Е. Стихование и математика [Текст] / В.Е. Холшевников // Содружество наук и тайны творчества: сб. статей. — Москва, 1968, с. 384–396.
42. Чернов, С.В. О противоречиях психопатической теории гениальности [Текст] / С.В. Чернов // Философская школа. — 2019. — № 7. — с. 11–20.
43. Чернов, С.В. Novum organum к вопросу об исследовании гениальности [Текст] / С.В. Чернов // Философская школа. — 2018. — № 5. — с. 15–37.
44. Шаповалова, И.С. Понятие техносферы: аналитический обзор формирования и изучения [Текст] / И.С. Шаповалова, Г.И. Гоженко // Научный результат. Серия: Социология и управление. — 2015. — № 1.
45. Шефель, С.В. Экоософская концептуализация процесса формирования личности как субъекта гармонизации правоотношений в экосфере [Текст] / С.В. Шефель // Lex Russica. — 2017.
46. Штофф, В.А. Моделирование и философия [Текст] / В.А. Штофф. — Москва — Ленинград: Наука, 1966. — 302 с.
47. Foucault, M. Les Mots et les Choses (une archeologie des sciences humaines) [Text] / M. Foucault. — Gallimard, 1966. — 404 p.
48. Schegoleva, L.V. Recognition of Folklore Texts and Author's Poems Using Classification Trees and Neural Networks [Text] / L.V. Schegoleva, A.A. Lebedev, N.D. Moskin // Proceedings of the 22nd Conference of FRUCT Association, Finland, 2018. — P. 418–420.

49. *Попов, В.П.* Информация и энергия [Электронный ресурс] / В.П. Попов, И.В. Крайнюченко. — Академия Тринитаризма. — Электрон. журн. — Москва: Эл. № 77-6567 публ. 18083 от 27.06.2013. — режим доступа: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001d/00162140.htm> (дата обращения: 07.07.2019).
50. *Сухонос, С.И.* Масштабная гармония Вселенной [Электронный ресурс] / С.И. Сухонос. — Академия Тринитаризма. — Москва: Эл № 77-6567, публ.10144 от 09.12.2002. — режим доступа: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0401/d01/04010002.htm> (дата обращения: 07.07.2019).
51. *Фриауф, В.А.* Парадоксы коммуникации [Электронный ресурс] / В.А. Фриауф. — Топос. — Электрон. журн. — режим доступа: <http://new.topos.ru/article/2358> (дата обращения: 07.07.2019).
52. *Rotchild, I.* Model of poem [Электронный ресурс] / I. Rotchild. — Электрон. текстовые дан. — 2000. — Режим доступа: <https://www.esf.edu/ere/endreny/research/ModelPoem.htm> (дата обращения: 07.07.2019).

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

П. С. Гуревич (1933–2018)

ИДЕЯ АНТРОПОЛОГИЗАЦИИ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Аннотация. Эта статья была подготовлена автором для одного из предыдущих выпусков «Философской школы», но по просьбе самого автора была снята с этого выпуска, в пользу публикации в этом выпуске другой своей статьи. Теперь эта статья, сохранившаяся в редакционном портфеле, публикуется в первоначальной редакции самого автора. Статья посвящена эволюции и динамике феномена человека. Автор показывает эволюцию философской антропологии и ее трансформацию, связанную с историческими разломами. В период своего возникновения философская антропология вынашивала идею антропологизации философского знания. Предполагалось, что любая философская рефлексия, — о природе, социуме или познании, — должна исходить из осмысления феномена человека. Однако эта установка претерпела серьезные испытания. Знание о человеке распалось на множество разных версий, не обеспечивающих выработку единого взгляда на человека. Затем возникло разочарование в самом человеке. Апофатическая антропология пришла к выводу об устарелости человека вообще. Еще большие потери философская антропология понесла в результате размежевания классической и неклассической антропологии. В результате предмет этой дисциплины стал зыбким и мерцающим. В таком контексте идея антропологизации философского знания потеряла все ориентиры. В статье показаны продуктивные попытки синергичной антропологии восстановить статус философской антропологии.

Ключевые слова: философская антропология, человек, классическая антропология, неклассическая антропология, антропологизация, гуманитарное знание, сущность человека, апофатический проект, кризис, устарелость человека.

P.S. Gurevich (1933–2018)

THE IDEA OF ANTHROPOLOGIZATION OF PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE

Summary. This article was prepared by the author for one of the previous issues of the Philosophical School, but at the request of the author himself it was removed in favor of another article by Pavel Gurevich. Now this article, preserved in the editorial portfolio, is published in the original edition of the author himself. The article is devoted to the evolution and dynamics of the phenomenon of man. The author shows the evolution of philosophical anthropology and its transformation associated with historical faults. At the time of its inception, philosophical anthropology bore the idea of anthropologizing philosophical knowledge. It was assumed that any philosophical reflection — about nature, society or cognition — should proceed from the understanding of the phenomenon of man. However, this installation has undergone serious tests. The knowledge of a person has broken up into many different versions that do not provide a single view of a person. Then there was disappointment in the man. Apophatic anthropology came to the conclusion about the obsolescence of man in general. The philosophical anthropology suffered even greater losses as a result of the delimitation of classical and non-classical anthropology. As a result, the subject of this discipline became unsteady and flickering. In this context, the idea of anthropologizing philosophical knowledge has lost all reference points. The article shows the productive attempts of synergistic anthropology to restore the status of philosophical anthropology.

Key words: philosophical anthropology, man, classical anthropology, non-classical anthropology, anthropologization, humanitarian knowledge, human essence, apophatic project, crisis, obsolete human.

Зарождение идеи

Еще несколько десятилетий назад тема человека единодушно рассматривалась как безоговорочно ключевая для философии. С этой мысли начинались едва ли не все исследования, посвященные человеку. К примеру, М. Шелер считал, что философская антропология не должна быть лишь областью философского знания, разделом знаний о человеке. Эта тема должна пронизывать все области философской рефлексии. Шелер ставил вопрос об антропологизации философского знания. Иначе говоря, всякое философское размышление, по его мнению, следует начинать с изучения человека. Только разгадав эту тайну, можно осмыслить проблемы природы, социума, познания. Поэтому Шелер стремился создать универсальный проект постижения человека [7].

Уже в 1926 г. в работе «Человек и история» Шелер подчеркивал: Если в наш век существует философская задача, решение которой требует уникальной спешности, то это философская антропология. Под ней я понимаю фундаментальную дисциплину о человеческой природе и ее структуре, о связи человека со сферами природы (неорганической, с миром растений и животных) и с обоснованием всех вещей: о связи человека со сферами, природы (неорганической, с миром растений и животных) и обоснований всех вещей; о его метафизическом происхождении и его физическом, психологическом и духовном начале в мире; о силах и энергиях, которые двигают его и которыми он движет, об основных тенденциях законах, его биологического, психологического, культурного, духовно-исторического и социального развития; о его существенных возможностях и реальностях. В ней содержатся психологические проблемы души и тела.

Программа всеобъемлющая, В ней учтены не только частности, но прежде всего базовые фундаментальные основы. Разумеется, у программы появились многочисленные последователи и энтузиасты. Однако реализация планов сразу натолкнулась на непредвиденные трудности. Ясно продуманный план вызвал кризисные процессы. Прежде всего сложилось множество дисциплин, которые занялись изучением частных вопросов. Они претендовали на объективность в той сфере, которой занимались. Выявилась конкуренция, а вслед за ней родилась и метафора «разбитое зеркало». Науки нередко противостояли друг другу. Конфликты парадигм мешали не только осмыслить единство человека, но ставили под сомнение и его специфику.

«Законная философская антропология, — писал М. Бубер, — должна знать, что есть не только человеческий род, но и разные народы, не только человеческая душа, но и различные типы и характеры людей, не только человеческая жизнь вообще, но и отдельные ее возрастные периоды, и лишь благодаря систематическому рассмотрению уже названных и всех иных различий, благодаря познанию их внутренней динамики и динамической взаимосвязи и благодаря постоянному стремлению открывать единое во многом она сможет увидеть и человека в его целостности» [1, с. 208].

Бубер вместе с тем обратил внимание и на общие кризисные процессы. Он отметил упадок прежних органических форм общественной жизни, такие, как, скажем, семья или цех. А новые ее формы, возникшие в XX столетии, Например, синдикат, то есть союз, призванный к защите экономических прав, не смогли пробудить в человеке чувства доверия или уверенности. Еще один момент современного кризиса проявился в том, что продукты человеческой деятельности получили власть над самим человеком. Это относилось, к слову, к технике, поскольку человек допустил, что его стали контролировать машины, которые он сам изобрел и построил. Выявились демонические силы, над которыми человек оказался безвластным [3]. Но самым поразительным событием философского постижения человека оказалось разочарование в нем самом. Сильнее всего оно обозначилось, пожалуй, в радикальном повороте, осуществленном Ф. Ницше. Он решительно поменял вектор в толковании и интерпретации человека.

Для доницшеанской философии человек не просто вид живого существа, но и определенная социальная реальность. Ницше не признает такой постановки вопроса. Он хочет осмыслить человека чисто генетически, т.е. как зверя, выросшего в животном мире и покинувшего его. Своеобразие антропологической проблемы Ницше усматривает в том, что человек неправильно относится к своим инстинктам. Эта тема затем в европейской философии получит разностороннюю аранжировку. Однако Ницше прервал ту традицию, в которой родилось понимание человека как существа, близкого другому созданию (романтики, Л. Фейербах). Этой проблемой (человек с человеком) Ницше пренебрегал.

Апофатический проект человека

Современный человек, по мнению Ницше, — это всего лишь набросок, некий эмбрион человека будущего, настоящего представителя истинной

человеческой природы. Однако есть ли какие-нибудь гарантии, что этот процесс реализуется неотвратно? Таких гарантий нет. Нынешний человек, человек-животное, как полагал немецкий философ, потерял смысл и цель своего существования. Христианская аскетика была направлена на освобождение человека от бессмысленного страдания. Достигалось этим, по мысли Ницше, лишь отторжение человека от основ бытия и уход в ничто, а по сути — обострение страданий.

Но какого же человека, по мнению Ницше, можно считать настоящим? Того, чья совесть чиста перед его волей к власти. Верны ли социологические и этиологические догадки Ницше по поводу первобытной истории человечества? Современная наука все чаще дает отрицательный ответ на этот вопрос. Это не означает, разумеется, что философская антропология Ницше покоится на неверных посылах и потому не дает толчка к позитивному ее обоснованию. Напротив, его идеи стали стимулом к разработке философских проблем антропологии, способствовали возведению проблематики человеческой жизни в ранг самостоятельного философского предмета.

Тема идеализации человека, столь характерная для классической антропологии, была чужда Ницше. Ему претили дифирамбы в честь достойного сына Адама. По мнению Ницше, человек есть «не определившееся животное». Животные осуществляют свою жизнь согласно заранее предначертанным путям; каждое новое поколение, подобно всем предыдущим, приспособлено к определенной форме существования. Что касается человека, то его ничто не принуждает строить свою жизнь по заданной модели: человек наделен пластичностью и способен бесконечно изменяться. Животные ведут устойчивое существование, так как руководствуются надежными инстинктами; человек же несет в себе элемент неустойчивости и ненадежности. Человек не предназначен для абсолютных, конечных форм жизни; следовательно, его существование неотделимо от случайностей и опасностей. Человек заблуждается, допускает ошибки, его инстинкты немногочисленны, он, так сказать, изначально «болен». Он всецело зависит от собственного свободного выбора» [8, с. 371].

Сама открытость человеческой природы предполагает преобразование человека, совершенствование присущих ему способностей, раскрытие его потенциала. Именно с Ницше стала складываться негативная оценка человека как природного существа. Человек действительно находится в аванюре собственного развития, но, как показали немецкие

философские антропологи, человек обладает открытой природой и обречен на преобразование.

Ницше выдвигает идею трансформации человека потому, что наделяет потомка Адама многими негативными чертами. Прежде всего, он характеризует человека как вырожденца природы, как самого жестокого зверя на Земле. Если это так, то кто должен улучшить «улучшить» человека, кто должен избавить его от кровожадности и жестокости? По Ницше, оказывается, что сам он сам человек, и должен произвести эту трансформацию. Немецкий философ пишет: И Заратустра говорил так к народу: «Я учу вас о сверхчеловеке». Человек есть нечто, что должно превзойти его? Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя и вы хотите быть отливом от этой великой волны и скорее вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека? Что такое обезьяна по сравнению с человеком? Посмешище или мучительный позор? [4, с. 8].

Эта мысль спорна по многим позициям. Во-первых, никакие живые существа на земле не создавали ничего, что можно было бы считать превосхождением самого себя. Ни рыбы, ни тигры, ни дельфины не предложили природе ничего более совершенного, чем они сами. Если Ницше призывает в помощь Дарвина с его учением об эволюции, то развитие совершалось не по воле самих живых существ, не в силу их стремления к лучшему. Во-вторых, как утверждают современные генетики, человек вовсе не произошел от обезьяны. Это утверждение Дарвина устарело, хотя утверждают, что оно ему и не принадлежит. В обезьяны, и у человека были общие предки. В-третьих, если обезьяна как позор и посмешище, то откуда от человека появятся нужные ресурсы, которые помогут преодолеть ему свою ущербность? В этом смысле курьезно спрашивать у человека, т.е. у самой позорной обезьяны, что он сделал для самопреобразования?

Действительно, если оценивать человека лишь как монстра природы, то мысль о том, что он может преобразовать сам себя, нужно принимать с опаской. Будь бы человек сознательным и нравственным созданием природы, такой ницшеанский проект можно было бы обсуждать. Но после того, что щедрой кистью Ницше человек представлен как убогое создание, идея его оказывается и бессмысленной

Ницшеанская инициатива опорочить человека, как ни странно, нашла немало приверженцев. В результате сложился апофатический проект человека. Странники такой апофатики стали

оценивать человека как дезертира жизни, как патогенное существо, рожденное для боли и страданий. Человеческая история в этом контексте рассматривается как процесс вымирания заведомо обреченного на смерть вида. Апофатический образ человека сегодня весьма популярен. Оказывается, все свойства человека являются результатом обманчивого мерцания.

Человек ни в коей мере не является центром мироздания. Он «потерялся», «заблудился», «утратил собственное ядро». И это еще не все. Негативные черты человека можно использовать ему же во благо. Но важно не отвергать их, а принять как непреложную данность. Более того, негативность, по утверждению Ж. Батая, вообще является ядром человеческого существования. Но в этом случае негативные качества человека не исчезнут, а усилят деструктивную природу человека. Хорош ли такой проект?

Итак, Ницше развенчивает представление об идеальном человеке. Именно в радикальной критике всех форм восхваления человека обнаруживается апофатический ход мысли немецкого философа. Он буквально жонглирует изысканным биологизмом и витализмом.

Устарелость человека

Идея антропологизации гуманитарного знания утратила свою безоговорочность. О каком сугубо антропологическом взгляде на мир может идти речь, если человек утратил свою значимость. Устарела сама тема. Ницшевская идея «негативной антропологии» была в конце 20-х гг. прошлого столетия озвучена немецким ученым Гюнтером Андерсом. Его точка зрения была следствием критики концепций философской антропологии, представленной М. Шелером и Г. Плеснером. Немецкие антропологи стремились утвердить некие существенные характеристики человека. За несколько лет до Сартра Андерс оценивает человеческое как «нефиксированное», «неопределённое». В своей книге «Устарелость человека» он резко отзывается о «позитивной антропологии», которая идеализирует человеческую природу. В ней, конечно, можно обнаружить естественные потребности, но они утеснены позднебуржуазной культурой. Т. Адорно в беседе с А. Геленом утверждает, что сказать что-либо о человеке абсолютно невозможно. В «массовом обществе» допустима лишь негативная антропология. Она покидает русло позитивных констатаций. Её внимание привлекают фрагментарные образы человеческого в обществе

тотального отчуждения. Это и табуирует возможные размышления о неких целостных и аутентичных «сущностях».

Относительно целостная философская антропология раскололась. Произошло размежевание между классической и неклассической антропологией. Классическая антропология исходила из того, что

- человек обладает различными качествами, которых лишены другие живые существа. Характеристика любого человеческого свойства раскрывает тайну человека, приумножает знание о нём. Эти черты соединяются в нечто целостное, что можно назвать человеческой природой;

- человек располагает всепроникающим разумом, который является главным его достоянием. Рациональность человека противостоит страстям, эмоциям, волевым обнаружениям человека. Всякая уступка иррациональности затемняет мощь разума и обесценивает величие человека;

- иррациональное всегда предстаёт как ареал бессознательного, оно бесформенно и хаотично и неподвластно логическому мышлению;

- мышление опирается на обнаруженные каноны разума, воплотившиеся в культуре, и философ не вправе отступить от них.

Неклассическая философия произвела переоценку этих принципов:

- человек не обладает готовой природой, его становление не завершено, оно открыто, сам он находится в авантюре постоянного преобразования;

- разум не является монадой, закрытой для других обнаружений человеческой субъективности — эмоций, воли, интуиции. Разум постигается через неразумие, норма — через патологию, вершинные состояния духа причудливо связаны с глубинами психики;

- иррациональное не бесформенно, в нём присутствует своя структурность, проявляется своеобразная логика. Так, правомочно говорить о логике мифа, о логике культуры, об эмоциональной логике (например, в толковании К.-Г. Юнга);

- иррациональное оказывается хаотичным только в ракурсе предустановленной упорядоченности ума. Кроме того, оно подвластно логическому мышлению и постоянно координируется с ним. Человеческая психика целостна и подчиняется жёсткой фрагментации.

Современная философия допускает отход от предустановленных мыслемформ и отказывается от диктата рациональности. Многие исследователи считают, что очищенный, дистиллированный разум оказывается малонадёжным в познании и опасным

в социальной практике. Разум постоянно упрекают не только в гносеологизме, но и в непререкаемости чисто рассудочных императивов. Современные нейронауки доказательно показывают, что не существует «чистого» разума. В нём пробиваются витальные порывы, магма бессознательного, обнаруживается сама человеческая природа, далёкая от идеализации [2].

Еще в середине минувшего столетия французский философ М. Фуко развил дальше ницшеанскую идею «смерти Бога», объявив также и о «смерти человека». Он имел в виду, что известную формулу Ницше — «таков человек» — надлежит пересмотреть. «Этот человек», описанный философской классикой, наделенный безупречным разумом, располагающей стойкой человеческой природой, действительно в наши дни изжит. Его надлежит, как и предлагал Ф. Ницше, преодолеть. Иначе говоря, довести авантюру человеческого существования до предела и таким образом расстаться с остовом философской антропологии — представлением о том, что человек имеет некую сущность.

Речь, разумеется, идет не о том, что человек как биологический вид выродился или близок к вырождению. Скорее о том, что тема человека оказалась призрачной. Человек не сводится к своей биологической природе, как полагал Ф. Ницше. Но его нельзя понять и в русле социальной истории, на что надеялся К. Маркс. Представление о биосоциальной природе человека тоже не ухватывает существо вопроса. Неклассическая философская антропология утверждает, что неопределенность и неуловимость человека в процессе его постижения, парадоксальность его природы и ставит вопрос о том, как эта неопределенность может быть помыслена.

Таким образом, сложилась особая ситуация, которую вслед за М. Хайдеггером назвали **антропологической катастрофой**. Опираясь на такие определения немецкого философа, как «ускользание бытия», «недобытие», «невыносимая легкость бытия», «забвение бытия», исследователи пришли к убеждению, что поиски сущности человека лишены смысла. Наука, разлагая мир на схемы, пытается найти сущность человека в наличном и свети ее к ней.

Попытки преодоления кризиса

Если классическая антропология внедрила в общественное сознание ряд неадекватных допущений, если человек устарел и открывает себя

лишь в отдельных ситуациях, зачастую локальных и случайных, если целостное постижение человека невозможно, не пора ли ставить черную метку на философскую антропологию? Человек устарел. Его сущность оказалась фикцией. Возникает вопрос: то ли это создание, которое мы условно называем человеком?

Новые энтузиасты говорят теперь о так называемой «синергийной антропологии». Она раздвигает горизонты, ставит новые цели. Но пока достаточно декларативно, на основе модальности долженствования. Заметна тенденция «сгладить», «смикшировать» издержки прежних радикальных утверждений. «Уже много было сказано о смерти Бога и смерти человека и уходе идеалов и ценностей. Мы полагаем, что ситуация несколько иная, — пишет С.А. Смирнов, — Никто не умер, и ничто никуда не ушло» [5, с. 3]. Итак, человек извлечен из морга. Полуживой, он снова в мире, в котором ничто никуда не ушло. Но произошла, по мнению С.А. Смирнова, некоторая потеря ориентиров. Не горизонт поплыл. Но у самого человека произошла некоторая расфокусировка взгляда, в результате чего он потерял ориентиры. Ориентиры культурные, социальные, мыслительные, жизненные, экзистенциальные.

Такая вот частичная потеря фокусировки с полной потерей всех мыслимых ориентиров. Кризисы, впрочем, приходят и уходят. А доктринальная мысль не сдаётся. Немало значимого высказано, к примеру, С.С. Хоружим, пестующим синергийную антропологию. Мы снова очарованы идеей антропологизации философского знания. Снова замыслы и директивные указания: «По этому замыслу, современный отход от классической европейской антропологии должен вести и к кардинальному обновлению антропологической науки, в результате которого она должна в корне изменить свой дискурс и статус, свою роль и место в ансамбле гуманитарного знания» [6, с. 7].

Но в чем основная задача? Гуманитарные науки страдают сегодня «эпистемным вакуумом»: составляющие этого комплекса утратили связующие их единство, которое традиционно обеспечивалось какой-либо общей методологической и эпистемологической парадигмой. Главенствующая идея формулируется с предельной категоричностью: «Проект синергийной антропологии предполагает, что новая эпистема может и должна быть доставлена именно антропологией, и это означает, что антропология, будучи *знанием о человеке*, по своему прямому и неотменимому назначению, должна в то же время приобрести еще особую организацию

мета-дискурса по отношению ко всей совокупности гуманитарных дискурсов должна стать своего рода наукой о человеке» [там же].

Итак, речь идет о преобразовании, переформулировке системы их методов и понятий, внедряя в эту систему объединяющую эпистемическую основу. Возможен ли при этом диалог с классической антропологией? Ведь речь идет о раскрытии всего многообразия антропологического опыта. Но разве такой ценностью не обладает аристотелевский пафос различения разных форм антропологического опыта? Неужели утратил ценность опыт Ницше по восстановлению в правах человеческих

эмоций? Действительно ли пора расстаться с идеей Гегеля об индивидуализме, повенчанном с мировым разумом?

Но перестройка парадигмы невозможна без отречений. «С учетом современного развития этого опыта, глубоких изменений антропологической реальности, это ведет к тому, что синергичная антропология строиться как радикальная неклассическая теория, исключая старые базовые понятия субъекта и сущности человека» [6, с. 8]. Деятельность С.С. Хоружего и его соратников вселяют оптимизм. Речь идет о крупномасштабных задачах.

Список литературы

1. Бубер М. Проблема человека // М. Бубер. Два образа веры. М.: АСТ, 1999. — С. 202–301.
2. Гуревич П.С. Рациональное и иррациональное // Философская антропология. 2016. Т. 2. No 2. — С. 7–25. URL: http://iphras.ru/uplfile/root/biblio/phan/2016_2/7-25.pdf (дата обращения: 05.06.2017).
3. Марсель Габриэль. Философская антропология Бубера // Марсель Габриэль. О смелости и метафизике. Сб. ст. / сост., пер. с фр., вступит. статья, прим. В.П. Визгина. СПб.: Наука, 2013. — 411 с.
4. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ф. Ницше. Сочинения в 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1988.
5. Смирнов С.А. Антропологический навигатор. К событийной онтологии человека. Новосибирск: «ОФСЕТ-ТМ», 2016. — 438 с.
6. Хоружий С.С. К обновлению науки о человеке // Феномен человека в его эволюции и динамике. Труды Открытого семинара Института синергической антропологии. Великий Новгород, 2013. — С. 7–9.
7. Хорьков М.Л. Как Макс Шелер написал «Положение человека в космосе» // Феномен человека в его эволюции и динамике. Труды Открытого семинара Института синергической антропологии. Великий Новгород, 2013. — С. 10–47.
8. Ясперс К. Общая психопатология. М.: ПРОСПЕКТ, 1997. — 1053 с.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Е. А. Рахмановская

ПРОБЛЕМА ЦЕЛОСТНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ТРАКТОВКЕ Ф. НИЦШЕ

Аннотация. Предпринята попытка исследования взглядов Ф. Ницше на проблему целостности человека и дана их критическая оценка. Немецкий философ одним из первых указал на мучительную фрагментарность человека, на расколотость его бытия. Тварь и творец, дикий зверь и приручённое домашнее животное, раб и господин — всё соединено в нём воедино, но в то же время выступает источником тяжелейших метаний и трагических коллизий. Несмотря на важность темы для всего строя мысли Ницше, философ нигде не даёт её развёрнутой трактовки. Отчасти это вызвало критику Ж. Батайя, сравнение со взглядами которого приводится в работе. В статье используется сравнительный и историко-философский анализ, методы герменевтики и философского постижения человека. Делается вывод о том, что Ницше рассматривает проблему целостности как безоговорочно достижимую. Показано, что целостность не предзадана человеческой природой, но она обретается в процессе поиска относительно завершённости и служит ориентиром на пути к самому себе. Значимость подходов как Ф. Ницше, так и Ж. Батайя определяется их пониманием целостности не как аккумуляции разрозненных частных, а как исхождения из себя, из центра своей личности, предчувствия собственных способностей, неустанного саморазвития.

Ключевые слова: Ф. Ницше, Ж. Батайя, целостность человека, расколотость человеческого бытия, философская антропология, фрагментарность человека, саморазвитие, философия постмодерна, становление, воля к власти.

Е. А. Rakhmanovskaya

THE PROBLEM OF HUMAN INTEGRITY IN THE TREATMENT BY F. NIETZSCHE

Summary. An attempt was made to study the views of F. Nietzsche on the problem of the integrity of a person and their critical assessment was given. The German philosopher was one of the first to point to the painful fragmentation of man, to the split of his being. The creature and creator, the wild animal and the domesticated pet, the slave and the master — everything is united in it, but at the same time it is the source of the hardest throwings and tragic collisions. Despite the importance of the topic for the whole system of thought of Nietzsche, the philosopher does not give anywhere a detailed interpretation of it. In part, this caused criticism of J. Bataille, a comparison with the views of which is given in the work. The article uses comparative and historical-philosophical analysis, methods of hermeneutics and philosophical comprehension of man. It is concluded that Nietzsche considers the problem of integrity as unconditionally attainable. It is shown that integrity is not prejudged by human nature, but it is acquired in the process of searching for relative completeness and serves as a guide on the way to oneself. The significance of the approaches of both F. Nietzsche and J. Bataille is determined by their understanding of integrity not as the accumulation of disparate particulars, but as coming from oneself, from the center of one's personality, foreboding of one's own abilities, tireless self-development.

Key words: F. Nietzsche, J. Bataille, the integrity of man, the split of human being, philosophical anthropology, human fragmentary self-development, postmodern philosophy, formation, will to power.

Фигура Ф. Ницше считается ключевой для современного типа философствования. Его труды занимают совершенно особое место и признаются переходным этапом от классической философии к её нынешнему, неклассическому варианту. Идеи немецкого философа не только не теряют своей актуальности, но неизменно служат источником новых ходов мысли, вдохновения, в них черпаются аргументы для философских дебатов практически по всем вопросам, начиная от онтологии и заканчивая политикой. Следует отметить, однако, что антропологическое наследие Ницше остаётся во многом недооценённым. Безусловно, тема сверхчеловека вызывает огромный исследовательский интерес как ввиду воодушевляющего потенциала самой темы, так и вследствие активного использования ницшеанской терминологии и аргументации во всё более набирающих силу трансгуманистических проектах. Но тема кардинального преобразования человека — лишь одна из многих, заслуживающих пристального внимания в многогранной антропологической рефлексии Ницше. Немецкий философ предлагает собственные версии трансценденции, человеческих страстей, антропологии ценностей, человеческой природы, антропогенеза, превозможения человеческого существа. При этом его магистральное понятие «воли к власти» оказывается своеобразным остовом, объединяющим множество философско-антропологических констатаций и теоретических построений [16]. Ницше не просто внёс в философское постижение человека новые идеи. Он придал философскому постижению человека совершенно новую направленность, совершил кардинальную переоценку всех антропоценностей [20].

Постмодернисты высоко оценили вклад философии Ницше, разглядев в ней новые подходы к изучению человека. Постмодерн, в отличие от классического идеала целостного человека, сполна реализующего свои творческие способности, гармонично сочетающего разумность и высокое духовное предназначение, выдвинул идею о принципиальной расколотости и раздробленности человеческого существования. В соответствии с подобной установкой нет смысла говорить о единой природе человека, бесполезно пытаться ухватить «идею человека», можно лишь исследовать его следы, производимые им структуры, а пониманию доступны лишь частности, «фигуры и складки», но никогда — тотальность.

Постмодерн представил апофатический проект человека [4], в котором последний лишился

своего венценосного статуса. П. С. Гуревич отмечает: «Многовековой опыт прославления человека, перечисление присущих ему качеств, выявление свойственного ему потенциала, феноменология человеческой природы, выявление сущности человека и его целостности, — всё ставится под сомнение» [4, с. 43]. С точки зрения постмодернистов, целостность — это миф, от которого следует отказаться даже не столько из-за ненадобности и привнесённой искусственности, сколько из-за его опасности, отягощённости тоталитарным авторитаризмом, стремящимся подвести всё многообразие человеческих проявлений под некое единство, нивелировать индивидуальную неповторимость до признанной в рамках данной социальной реальности модели поведения. Мысль постмодерна выражает совершенно новое для классической философии ощущение личности. И ярчайшие представители этого направления, М. Фуко, Ж. Делёз, указывая на Ф. Ницше как на своего предшественника и вдохновителя, строят собственные теории, исходя из того, что не существует никакого целостного Я, оно распалась на многие части и больше никогда не будет существовать в качестве единой субстанции.

Но можно ли утверждать, что Ницше отвергает идею целостности также, как это делают французские философы? Едва ли. Конечно, именно с Ницше начинается низвержение субъекта, борьба с метафизикой и эссенциализмом, формируется представление о человеке как о незавершённом, ущербном существе. Но как раз Ницше увидел угрозу в утрате целостности и с интеллектуальным мужеством поднял проблему разорванности, разрозненности человеческого существа.

Во второй части книги «Так говорил Заратустра» философ пишет: «Поистине, друзья мои, я брожу среди людей, как среди обломков и кусков людей! Для меня ужасное зрелище — видеть человека раскромсанным и разбросанным, как будто на поле кровопролитного боя и бойни. И если переносится мой взор от настоящего к прошлому, всюду находит он то же самое: обломки, куски людей и ужасные случайности — и ни одного человека!» [13, с. 145].

Прежде всего Ницше видел рассогласованность человека в его раздвоенности, исходящей из декартова противопоставления *res cogitans* и *res extensa*. В такой классической оппозиции «дух — тело», по его мнению, скрывается огромное заблуждение. Оно заключается в механистическом понимании человека, когда разум стремится всецело распоряжаться телом, и в то же время воспринимает его

в качестве ограничивающего фактора. Тело устанавливает естественные пределы для воплощения намерений разума, сдерживает его постоянно растущие претензии, оно будто своим весом заставляет парящий в царстве измышлений и проектов разум вернуться в пространство чистой фактичности. Оно отвлекает его своими удовольствиями и страхами, надевает на него ярмо своих привычек, искажает влечениями. Поэтому разум пытается отмежеваться от тела, а значит и от стихии жизни в её полноте, чувственности, подавляет её изначальные, витальные порывы, не задумываясь о том, что он тем самым истощает самого себя.

Об исключительном значении идеи целостности для Ницше свидетельствует, в частности, его восхваление Гёте в «Сумерках идолов»: «Гёте — явление не немецкое, а европейское: грандиозная попытка победить восемнадцатый век возвращением к природе, восхождением к естественности Ренессанса, нечто вроде самопреодоления этого века... Чего он хотел, так это цельности; он боролся с рознью разума, чувственности, чувства, воли (рознью, которую в ужасающей схоластике проповедовал Кант, антипод Гёте), он дисциплинировал себя в нечто цельное, он создал себя...» [11, с. 97].

Ницше стремится доказать, что человек един, и дух его имманентен земному, телесному существованию. Для этого он использует понятие «самость». Самость живёт в теле, она «ищет глазами чувств» и «прислушивается ушами духа» [11, с. 34], объединяя телесные ощущения и сознательные реакции, она коренится в первых и управляет вторыми.

Преодолеть состояние мучительной разрозненности человека можно только на пути к обретению самости, которая, в свою очередь, выступает и как изначально данная в потенции, и как горизонт и задача. Она — и залог созидающей активности человека, и «страсть к себе», осознание себя как целостности и толкование множества своих аффектов, вожелений, стремлений, мыслей, поступков как внутренне непротиворечивых, направленных к единственной возможной цели — «созидать превыше себя» [11, с. 35]. Путь к самости лежит через собирание в себе рассеянных частей: «Моё Само только возвращается ко мне, оно наконец приходит домой; возвращаются и все части его, бывшие долго на чужбине и рассеянные среди всех вещей и случайностей» [12, с. 108].

Многие люди осознают свою рассогласованность, невосполненность и страдают от этого. Они стремятся избавиться от бремени того, что их угнетает — от болезни, от одиночества, печали, чувства

вины, нечистой совести. Или же хотят заполучить то, чего им недостаёт — разумности, осознанности, любви, душевного тепла, власти или признания. Но освободить человека от страдания, сняв с него грех или дав надежду на спасение, как то делало христианство, это, по мнению Ницше, не путь к подлинному и целостному существованию.

Христианство хотело избавить человека от страдания, но лишь отторгло человека от основ его бытия. Оно отрицало тело, плоть — и сделало человека немощным и больным. Оно утвердило потусторонность — и ввергло человека в мир иллюзий и неоправданных ожиданий. Оно потребовало, чтобы каждый соответствовал недостижимому идеалу, противоречащему человеческой природе: «как можно было перетолковать эти инстинкты до такой степени, что человек ощущает как ценность то самое, что идёт вразрез с его личностью?» [15, 476], — и погрузило людей в пучину недоверия себе: «если человек насквозь греховен, то ему ничего не остаётся, кроме как возненавидеть себя» [там же]. Оно провозгласило ценностью милосердие и жертвенность — и заставило отрицать свои подлинные чувства: «все естественные инстинкты человека (любовь и т. д.) сами по себе кажутся ему недозволенными» [там же], а в качестве побочного эффекта взрастило рессентимент.

В прежней картине мира, против которой выступает Ницше, человек не свободен, не может стать самим собой, воплотить в себе своё собственное существо, поскольку его воля зависима, детерминирована прошлым опытом, ощущением своей греховности, чувством вины и осознанием неоправданности того, что уже свершилось во времени. Как результат, возникает затаённая обида на саму суть жизни, на невозможность начать с начала, двигаться дальше с «чистой» совестью. Человек вынужден всегда смиряться со страданиями, оставаться под гнётом прошлого, которое закрывает перед ним двери к будущему. Человеку не хватает ни воли, ни силы, ни мужества, ни власти, чтобы преодолеть состояние униженности, рабскую мораль, вырвать ростки мстительности.

Поэтому Ницше проповедует *Amor fati* — любовь к судьбе, которая не избегает страдания, а открыто смотрит ему в лицо, не прячется от жизни в коконе иллюзорных о себе представлений, а подхлестывает судьбу, призывая всё новые и новые испытания, ожидая новый опыт и новые прозрения.

Но есть люди, считает Ницше, которые свою фрагментарность воспринимают как достоинство. Они кичатся своими качествами, выставляя их напоказ. Только им невдомёк, что эта, по их мнению,

уникальная и особым образом выпестованная черта не только лишает их других потенциальных возможностей, но и превращает их в уродливых «калек наизнанку» [13, с. 144]. Это люди, у которых всего слишком мало, кроме того, что у них есть в избытке. Такому человеку известен лишь узкий спектр переживаний, ему не ведомы многие человеческие состояния. Он живёт в ограниченных рамках своей «специализации», его жизненный мир скуден и однообразен, а опыт унифицирован. В нём нет конфликта, внутреннего напряжения, необходимого для подлинного бытия. А для Ницше насыщенное, целостное, предельное бытие означало единственную возможность для человека преодолеть невыносимое страдание, которое он испытывает, живя в мире.

Ницше невыносимо видеть, как человек, которому, в силу его особого статуса среди всех остальных представителей природного царства, присуща догадка о возможности подняться над собственной судьбой, над конкретными рамками наличного социального существования, у которого есть естественная тяга к возвышенному, этот человек сам закрывает себе шанс иного, свободного и восполненного бытия. Философ всей своей судьбой и внутренним опытом ощущал, что в этой земной жизни есть нечто большее. Он всегда чувствовал, что есть та граница, которая влечёт к себе человека. Но это не иллюзорный мир по ту сторону имманентности, напротив, эта высокая планка находится в здешнем, действительном мире. Это жизнь на пределе возможностей, раскрытие своего потенциала, а конечном итоге — превосхождение себя, становление сверхчеловеком.

Жорж Батай полагал, что в воле к власти Ницше выразил свойственное человеку последнее и безусловное стремление, которое не зависит ни от какой-либо нравственной цели, ни от служения Богу [1, с. 9]. Это стремление даёт о себе знать как внутреннее напряжение, разгорающееся и лишаящее покоя. Оно сродни безумию, которое «немногим отличается от страстей персонажей де Сада и в то же время близко к страстям мучеников и святых...» [1, с. 8] — оно выдаёт человеческую природу. Оно не позволяет воспринимать свою жизнь как достаточную и возможную в состоянии устойчивости. Это и есть то предощущение собственных возможностей, которые, пока ещё не актуализированные, рвутся наружу.

Ницше полагал, что такое внутреннее напряжение, порождающее жажду деятельности и постановку целей, намного превышающих уже известные способности человека, может привести

к обретению целостности, и что такая целостность принципиально достижима. «В том всё моё творчество и стремление, — пишет философ, — чтобы творить и соединять воедино то, что является обломком, и загадкой, и ужасной случайностью» [13, с. 146]. Возникает вопрос, что, по Ницше, является причиной такой фрагментированности человека? По сути, философ указывает на недостаточность той силы, которая бы действовала синтетически, была бы способна собрать эти «куски человека» воедино. Он говорит о слабости воли к власти, о недостаточности драматизма, душевного накала, об отказе человека раскрыть свой потенциал, о неспособности устремиться к высшей цели и действовать исходя из неё.

Для Ницше именно воля к власти становится основой целостного подхода к пониманию человека. В качестве аффекта (а Ницше называет волю к власти аффектом [10, с. 379]) она представляет собой взрыв решимости, предельную концентрацию, бессознательную согласованность. Аффект не допускает притворства, это мимолётный проблеск, шанс увидеть себя настоящего, такого, кем человек только может стать потенциально, перестав быть собой сегодняшним. В качестве страсти (а воля к власти, безусловно, выступает предельным выражением страсти) воля к власти собирает человека воедино, объединяет его мысли и чувства, разум и волю в нечто целостное и целеустремлённое, концентрирует его на самом себе, возвращает на исконную почву. По меткому замечанию И. Канта, «аффект действует как вода, прорывающая плотину; страсть — как река, всё более углубляющая своё русло» [9, с. 285]. Чтобы стать самим собой, «тем, кто ты есть», надо, по Ницше, прорвать плотину обыденности, скинуть пелену житейски достоверной практики и догматических установлений, выйти за собственный предел, чтобы в результате самопревращения вернуться к себе настоящему. Страсть, захваченность и даже страдание — это своего рода полнота существования, к которой стремится человек. Ницше, таким образом, реабилитирует страсть, которая традиционно расценивалась как нечто бесовское, как пагуба, и придаёт ей наивысший статус. Способность к постоянному накалу, к продолжительному состоянию внутреннего возбуждения и горения, к незатишающему со временем глубокому и деятельностному переживанию — это поистине потенция сверхчеловеческая, это то, что возвышает [14, с. 36].

Предпринятая Ницше переоценка ценностей, по сути, тоже является ничем иным как стремлением к целостности. Всякая попытка устранения из

жизни зла, неприятие тёмной стороны человеческого существа, желание избавить его от негативных проявлений таят в себе обеднение и обезличивание человека, лишение его бытийственных черт, поскольку, как отмечает К. Ясперс, «человек — не просто принудительный синтез противоположностей, <...> уже в самых глубинных своих истоках человек — это не что иное, как борьба» [22, с. 909]. Человек находится в постоянной борьбе с самим собой, она составляет неотъемлемую часть его существования, в том числе и выделяющую его из прочего животного мира. Признание потаённых сторон души, принятие негативных эмоций как имеющих полное право на существование позволяют человеку быть включённым в жизнь, воспринимать её в малейших нюансах, не выпадая и не закрываясь в коконе безопасных иллюзий.

Стремление освободиться от зла, пресечь его в самом корне чреват для человека «узким и боязливым самозашнуровыванием в мораль» [10, с. 224]. Хуже того, пребывание в уверенности, что зло не имеет права на существование, оно обманом, хитростью проникло в этот мир, и ему здесь не место, что оно должно быть изгнано и уничтожено, провоцирует попытки спрятать зло, его замолчать, а самое разрушительное — рационализировать, представить под маской добра и заботы. Дело в том, что зло не чужеродно, оно присутствует в мире и в человеке наравне с добром, и имеет то же начало, что и добро. Оно должно быть признанным как онтологически существующее, иначе все попытки борьбы с ним бесполезны и бесплодны, ведь невозможно противостоять тому, чего нет. Зло нельзя уничтожить, оно часть бытия, причём, по Ницше, далеко не самая бесполезная и презренная. Злость — это источник силы, энергии человека: «всё самое злое есть его наилучшая сила и самый твёрдый камень для высшего созидателя» [13, с. 223]. Именно злу человек обязан умом и свободой, поскольку оно заставляет негодовать, противостоять, прилагать усилия, преодолевать, достигать, тогда как благодать, добро успокаивает мысль, усмиряет, покоряет. А. А. Гусейнов пишет по этому поводу: «С одной стороны, мораль невозможна вне противоположности добра и зла, в рамках которой зло выступает в качестве соразмерной добру силы. <...> С другой стороны, мораль отождествляется в добром, мыслится в перспективе, в которой снимается противоположность добра и зла. <...> Труднейшая проблема состоит как раз в том, чтобы показать как от морали в первом (человеческом) смысле слова перейти к морали во втором (сверхчеловеческом) смысле слова»

[6, с. 177]. В традиционной этике такой переход человеку осуществить не под силу — добродетель, соединяясь с себялюбием, перестаёт быть добродетелью. Ницше же полагает, что если исходить из перспективы воли к власти, то человек неразрывно соединяет в себе тварь и творца. Реализуя свою волю к власти, он лепит сам себя, исходя из собственных ценностей, и обречён на то, чтобы расти.

В то же время Владимир Бибахин указывает на полярность понимания воли к власти. Возвращение, собиравание в себе — это признак высшей, должной жизни [3, с. 332]. Но наряду с такой возможностью к целостности воля к власти может проявляться в урезанном, примитивном виде лишь как средство властвования, господства. Это то, что Ницше называл «деятельностью протоплазмы», которая не ставит никакой иной цели, кроме сохранения себя и захвата как можно большего окружающего пространства. Такая цель негативна, поскольку усиливает фрагментарность, возникающую в силу «непроявленности возможностей» [там же].

С таких позиций можно понять небрежение и даже неприязнь, с которой Ницше относился к политике: «Приход к власти обходится дорого: власть *оглуляет*... <...> политика поглощает всю серьёзность, нужную для действительно духовных вещей» [11, с. 53]. Человек, захваченный жаждой политической власти, становится фанатиком одной цели, вовлекается в узкий коридор предопределённости своих действий ускользающим, отдаляющимся, но неодолимо манящим характером власти. Политическое содержание перевешивает и поглощает человеческое, подчиняет его. Может ли человек, помышляющий о единоличном господстве, задаваться ещё и вопросами духовного совершенствования, мыслями о душе? Напротив, растрачивая себя на власть, он подпадает под влияние её цинизма, когда сама власть становится повелевающей, диктующей свои императивы и избавляющейся от всего, что не способствует её возрастанию. Достигая господства, власть оборачивается чванством и душевной пустотой, безразличием ко всему, стоящему ниже по рангу. «Кто обладает силой, тот отказывается от духа» [11, с. 69] — пишет Ницше, подразумевая, что обладание властью выхолащивает тягу к развитию, дальнейшему становлению.

Осмысливая позицию Ницше касательно целостности, Жорж Батай возражает немецкому философу в главном: он полагает, что любое действие, каким бы высоким мотивом оно не было продиктовано, не указывает путь к целостности,

но напротив, дробит и фрагментирует тотальность бытия, объявляя абсолютной всего лишь частную цель, пусть и претендующую на всеохватность. Поставленные задачи овладевают умами и специализируют их, подчиняя заданному результату: «Я буду существовать только как солдат, профессиональный революционер, учёный, но не как “целостный человек”». Фрагментарное состояние человека — это в сущности то же самое, что и выбор объекта» [1, с. 19]. Действуя в обществе и даже ставя перед собой наименее ограниченные цели, человек играет определённую социальную роль, и потому вынужден покориться законам жанра.

Человек подчиняет своё сознание достижению цели, он направляет в это русло все свои усилия, иными словами, делает «решающий выбор» [22, с. 910]. Однако сосредоточившись на результате, он тем самым упускает из виду, игнорируя или сознательно отбрасывая, другие возможности реализации и иные ракурсы бытия. Человек становится рабом собственного выбора. Кроме того, расположив себя внутри избранного пути, человек, по выражению Батая, «удачно размещает своё бытие во времени» [1, с. 19]. Иными словами, он так распорядится своей жизнью, что независимо от действительно достигнутого результата, ощущает её полезность и наполненность смыслом, ведь он действовал сообразно цели. Однако в подобном существовании Батай видит не что иное, как жизнь по привычке, чреватую бездумностью и односторонностью. Действовать — значит ограничить себя рамками выбранного действия, утратить полную свободу суждения.

Деятельность, безусловно, фрагментирует. Но, к примеру, К. Ясперс предлагает другой аргумент: «Только человек, сделавший выбор — то есть только тот, в чьей природе утвердилось и господствует принятое решение, — является человеком в истинном, экзистенциальном смысле» [22, с. 910]. В момент решающего выбора, по Ясперсу, происходит самопроявление человека, узревание самого себя. Дело в том, что выбор происходит не между равно возможными альтернативами, и не предполагает их примирение. Он венчает борьбу экзистенциальных смыслов, которые отражают глубинную, ценностную, внутренне обусловленную сущность человека, его истинное «само». Истинная самость становится таковой в акте выбора, она, актуализируясь, «поднимает голову» и обретает силу.

Ж. Батай предлагает свой ответ на вопрос о целостности человека: «Жизнь становится целостной, только если она подчинена объекту, который её превосходит. В этом смысле сущностью

тотальности является свобода» [1, с. 20]. Именно позитивная свобода ставит человека выше исковерканного существования. Однако свободу философ ассоциирует с темой зла. Ведь пользование свободой располагается на территории преступления границы, бессознательного нарушения некоего табу, а условием свободы он, равно как и Ницше, полагает ненависть к добру, то есть к моральным установлениям, имеющим своей целью общее благо.

Предложив свой вариант пути к целостности, Батай, по сути, сразу же говорит о невозможности его реализовать. Борьба за свободу не соотносится с целостностью, поскольку приводит к отчуждению этой самой свободы. Свобода ускользает, как только мы к ней приближаемся. Она неопределима, поскольку невозможно дать исчерпывающий ответ на вопрос, что значит быть свободным. На эту тему много и обстоятельно рассуждал Н. Бердяев. Он показал, что большинство способов, с помощью которых люди борются за свободу, приводят их к ещё большему рабству. Человек прельщается различными феноменами этого мира, которые обещают ему наиболее полное, целостное выражение себя (властью, деньгами, нацией, аристократизмом и др.), но они оказываются лишь соблазнами, лишаящими человека внутреннего центра [см. 2]. Мир объектов и явлений принципиально разрознён, частичен. Поэтому и человек, ориентированный вовне и действующий в мире, движется от центра собственной личности к фрагментам.

Особая ценность рассуждений Ж. Батая и Ф. Ницше состоит в том, что они мыслят целостность в контексте внутреннего опыта: не как захвата, завоевания и объединения разрозненных частей, а как исхождение из самого себя. Батай признаёт: «Тотальность во мне — это чрезмерность: она — пустое стремление, несчастное желание извести себя без всякой причины, кроме желания сгореть, которое захватывает меня целиком» [1, с. 21]. Открыть в самом себе глубину чувств, неисчерпаемость душевной способности отдавать, растрчивать, жертвовать, взрастить собственную личность как сердечный и ценностный центр — в этом путь к целостности. Подлинное бытие, пишет П. С. Гуревич, это «такой способ существования, при котором человек и не имеет ничего, и не жаждет иметь что-либо, но счастлив, продуктивно использует свои способности, пребывает в единении со всем миром» [5, с. 159]. Действительно, целостность — это не сущность, не атрибут и не реальное положение вещей. Это, скорее, оптика человеческого взгляда на самого себя. Это способность отыскать в самом себе достаточно сокровищ,

чтобы жить в ладу с самим собой, не перенося центр тяжести во внешний мир, не ища постороннего подтверждения своим мыслям и чувствам. Именно личные качества, как гласят известные «афоризмы житейской мудрости» А. Шопенгауэра, способны сохраняться дольше всего и являются истинными, надёжными источниками счастья [21, с. 59].

В рамках современных представлений о человеке целостность выступает одним из ориентиров для саморазвития и самосовершенствования. Она не задана и не может быть достигнута накоплением и приращением отдельных частей, собиранием разрозненных фрагментов. Вряд ли может быть достигнута окончательная, завершённая целостность, также как обречена на провал попытка полностью и окончательно постичь человека. Но можно рассуждать о череде относительных целостностей, достигаемых в процессе бесконечного самопрояснения, о переходе от одной относительной целостности к другой, более объёмлющей, об узнавании и открытии в себе нечто нового и включении

его в многочисленной совокупности всех связей в общее представление о себе.

Целостность можно понимать и как способность к автономии, отдифференцированности от социума, возможности видеть границу между собой и общественными предубеждениями, равно как и готовность противостоять хаотическим, энтропийным силам, постоянно присутствующим и действующим в человеческом бытии.

Вряд ли когда-либо в пределах одной человеческой жизни станет возможным вынести вердикт: «целостен», скорее могут быть основания говорить о *мере целостности* как о мере согласованности, проявленности, жизнеспособности тех аспектов, которые характеризуют человеческое существование, о мере способности реализовывать сугубо человеческие, экзистенциальные, потребности.

Таким образом, целостность — это одновременно и внутренняя основа личности, предощущение собственных потенциалов, создающее драматическое напряжение поиска себя, и некий идеал, к которому человек стремится.

Список литературы

1. *Батай Ж.* О Ницше. М: Культурная революция, 2010. 336 с.
2. *Бердяев Н.* О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии. Париж, 1939. 222 с.
3. *Бибихин В.В.* Ницше в поле европейской мысли // Ницше и современная западная мысль: Сб. статей / Под ред. В. Каплуна. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2003. С. 330–345.
4. *Гуревич П.С.* Апофатический проект человека // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 42–54.
5. *Гуревич П.С.* Проблема целостности человека. М., 2004. 178 с.
6. *Гусейнов А.А.* Философия как этика (Опыт интерпретации Ницше) // Фридрих Ницше и философия в России: Сборник статей. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1999. С. 159–178.
7. *Делёз Ж.* Ницше и философия. М.: Ad Marginem, 2003. 392 с.
8. *Жукова О.И.* Раскол самости личности в философии постмодерна // Вестник кемеровского государственного университета. 2008. № 1. С. 87–95.
9. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения проект // Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. 495 с.
10. *Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная Революция, 2005. 880 с.
11. *Ницше Ф.* Сумерки идолов // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 6. М.: Культурная революция, 2009. С. 9–106.
12. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // Сочинения. В двух томах: Т. 2. М.: Мысль, 1996.
13. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 4. М.: Культурная революция, 2007. 432 с.
14. *Ницше Ф.* Утренняя заря // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 3. М.: Культурная революция, 2014. 640 с.
15. *Ницше Ф.* Черновики и наброски 1885–1887 гг. // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 12. М.: Культурная революция, 2005. 560 с.
16. *Рахмановская Е.* Философско-антропологический аспект «воли к власти» в работах Ф. Ницше: дисс. ... кандидата филос. наук. М., 2018. 136 с.
17. *Спирова Э.М.* Ж. Батай о целостном подходе к человеку // Высшее образование для XXI века: VII международная научная конференция. Вып. 1. М.: Изд-во МосГУ, 2010. С. 24–32.
18. Фридрих Ницше: наследие и проект / Сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая, Е.А. Полякова. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. 824 с.
19. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 405 с.
20. *Хоружий С.С.* Переоценка всех антропоценностей // Спектр антропологических учений. Вып. 3. М.: ИФ РАН, 2010. С. 41–57.
21. *Шопенгауэр А.* Афоризмы житейской мудрости. М.: Канон+, Реабилитация, 2016. 262 с.
22. *Ясперс К.* Общая психопатология. М.: Практика, 1997. 1056 с.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

И. Д. Джохадзе

ИДЕИ РАННЕГО ПИРСА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФИИ В США

Аннотация. В статье рассматриваются философские идеи Ч.С. Пирса, содержащиеся в его ранних журнальных публикациях. В 1868–1869 гг. мало кому известный тогда американский логик, математик и естествоиспытатель выступил с критикой рационализма Декарта и классического сенсуализма, выдвинул ряд теоретических положений, ставших краеугольными для традиции прагматизма. В частности, ранний Пирс оспаривает картезианский принцип сомнения как отправной точки философствования и одновременно отвергает эпистемологический «миф» о долингвистическом непосредственно-достоверном знании, не обусловленном каким-то другим (предшествующим) знанием. Всякая мысль, утверждает Пирс, превосходящая семиотический, лингвистический, историцистский и прочие «повороты» западной философии XX в., обозначает то, что мыслилось в предыдущей мысли; каждая модификация сознания — внимание, ощущение и понимание — представляет собой вывод (*inference*). Эпистемологическому субъективизму и индивидуализму философской традиции, восходящей к Декарту, будущий классик прагматизма противопоставляет идею «сообщества исследователей» (подчеркивая тем самым социальный, коллективный характер научного знания), а истину определяет как «верование, которому суждено получить окончательное согласие тех, кто занят исследованием». Спустя 150 лет после выхода в свет сочинения раннего Пирса прочитываются и интерпретируются историками философии совсем иначе, чем современниками мыслителя, едва удостоившими их внимания. Можно с определенностью утверждать, что эти работы знаменуют начало «классического периода» в развитии американского прагматизма.

Ключевые слова: прагматизм, Пирс, Декарт, сомнение, интуиция, индивидуальное сознание, сообщество исследователей, фаллибилизм, невыводное знание, феноменализм.

I.D. Johadze

THE IDEAS OF EARLY PIRSA AND THEIR VALUE FOR THE DEVELOPMENT OF PHILOSOPHY IN THE USA

Summary. The article discusses the philosophical ideas of C.S. Peirce contained in his early journal publications. In 1868–1869 the American logician, mathematician and naturalist, who was little known at that time, criticized Descartes rationalism and classical sensationalism, put forward a number of theoretical positions that became the cornerstone of the tradition of pragmatism. In particular, the early Peirce disputes the Cartesian principle of doubt as the starting point of philosophizing and at the same time rejects the epistemological «myth» of prelinguistic, authentic knowledge, not conditioned by any other (prior) knowledge. Any thought, Peirce argues, anticipating the semiotic, linguistic, historicist and other “twists and turns” of the Western philosophy of the twentieth century, denotes what was thought in previous thoughts; each modification of consciousness — attention, sensation, and understanding — represents a conclusion. The future classic of pragmatism opposes the idea of a “community of researchers” to epistemological subjectivism and individualism of a philosophical tradition that goes back to Descartes (thus emphasizing the social, collective nature of scientific knowledge), and defines truth as “a belief that is destined to get final agreement from those who are engaged in research”. 150 years after the publication, the works of early Peirce are read and interpreted by historians of philosophy in a completely different way than contemporaries of the thinker, who barely honored them. It can be stated with certainty that these works mark the beginning of the “classical period” in the development of American pragmatism.

Key words: pragmatism, Pierce, Descartes, doubt, intuition, individual consciousness, community of researchers, fallibilism, non-exclusive knowledge, phenomenism.

Зарождение прагматизма как направления философской мысли обычно связывают с деятельностью «Метафизического клуба» — сообщества философов и ученых, возникшего в Кембридже (Массачусетс) в 1872 г. и просуществовавшего до 1875 г. Считается, что решающее значение для становления прагматистской традиции имели работы Ч. С. Пирса, в частности его публикации в журнале «Popular Science Monthly» — «Закрепление верования» (1877) и «Как сделать наши идеи ясными» (1878), особенно вторая статья, где дается формулировка «максимы прагматизма». С другой стороны, если отсчитывать от известной лекции У. Джеймса в Калифорнийском университете Беркли (1898), в которой понятие «прагматизм» было впервые употреблено в современном философском значении, возраст традиции оказывается не столь почтенным. Впрочем, сам Джеймс, отдавая должное гению Пирса как интеллектуала-новатора, настоящими (хотя никем и не признанными в этом качестве) философскими провозвестниками прагматизма считал Сократа и Аристотеля [15, с. 50], а его британский коллега Ф. К. С. Шиллер восторгался софистами классической Греции, в особенности Протагором [33, с. 181–196].

Итак, все зависит от смелости историка мысли и его «дальнозоркости». Если согласиться с Джеймсом и Шиллером, то пресловутый «прагматический поворот» в западной философии можно датировать V–IV вв. до н.э. Однако и остальные направления и традиции философской мысли, в таком случае, ничем не должна уступать прагматизму! Взять хотя бы популярную во второй половине XX — начале XXI в. лингвистическую философию. При желании можно свести ее и к Платону [см., например: 13], и к Фоме Аквинскому [21], и к Пьеру Абеляру [16]. Можно также считать несомненным, что философия жизни, феноменология и экзистенциализм возникли задолго до Ф. Ницше, Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, а первым «аналитическим философом» был все тот же Аристотель [2].

Если придерживаться более «консервативно-го» подхода к истории философии, избегая анахронизма и расширительных толкований философской традиции, то можно с достаточной определенностью утверждать, что возраст американского прагматизма — 150 лет. Почему не меньше [см.: 1] или больше [см.: 38; 10; 34]?

Дело в том, что в 1868–1869 гг. в американском «Журнале спекулятивной философии» были опубликованы три статьи начинающего математика, логика и философа Чарльза Сандерса Пирса — по отзыву Уильяма Джеймса, «исключительно смелые, запутанные и неясные» тексты [25, с. 292], в которых мало кому известный тогда автор выступил с критикой рационализма Декарта и выдвинул ряд идей, ставших фактически краеугольными для прагматистской традиции. Сегодня эти работы прочитываются и интерпретируются историками философии совсем иначе, чем современниками Пирса, едва удостоившими их внимания. Именно они, по мнению ряда исследователей-американистов, знаменуют начало «классического периода» в развитии прагматизма.

Какие же идеи, сформулированные основоположником прагматизма в конце 1860-х гг., оказались столь значимыми для американской философии XX и XXI веков?

В статье «Некоторые последствия четырех неспособностей»¹ Пирс оспаривает картезианский принцип сомнения как *terminus ad quem* философствования. «Мы должны начинать не с сомнения, — говорит он, — а со всех тех предвззудков, которые у нас в действительности имеются, когда мы приступаем к изучению философии. Эти предвззудки нельзя развеять какой-либо максимой, потому что это такие вещи, сама возможность сомневаться в которых не приходит нам в голову. Исходный всеобъемлющий скептицизм будет просто самообманом» [CP 5.265]². Пирс, конечно, не отрицает законности (и даже в определенных ситуациях неизбежности) сомнения, но лишь подчеркивает, что оно должно быть психологически мотивированным и эмпирически оправданным, т. е. иметь конкретное положительное основание. Такое сомнение (всегда связанное с заминкой в привычном способе рассуждения или образе действий) ставит нас перед проблемой (теоретической или практической), для решения которой выдвигается гипотеза.

¹ «Some Consequences of Four Incapacities» [24]. Этой работе предшествовала статья «Questions Concerning Certain Faculties Claimed for Man» [23]. Последней публикацией цикла была статья «Grounds of Validity of the Laws of Logic: Further Consequences of Four Incapacities» [22].

² Здесь и далее при цитировании произведений Пирса ссылки в скобках относятся к тому и номерам параграфов издания: Collected Papers of Charles Sanders Peirce / Ed. by C. Hartshorne, P. Weiss, A. W. Burks. Cambridge: Harvard University Press, 1931–1958 (сокр.: CP).

Из этой гипотезы мы дедуктивно выводим следствия, подвергаемые экспериментальной проверке. Полученное нами знание неабсолютно и погрешимо, нуждается в постоянной коррекции, уточнении, развитии. Не существует таких безусловных истин, которые не могли бы быть опровергнуты в ходе дальнейших исследований и экспериментов, считает Пирс. Однако фаллибилистская установка, принимаемая *without reserve*, не мешает ему оставаться противником скептицизма: «Всякому познанию противостоит непознанная, но познаваемая реальность» [СР 5.257]; «Нет ничего, что мешало бы нам постигать внешние вещи такими, каковы они суть, и наиболее вероятно, что мы действительно знаем их таким образом в бесчисленных случаях, хотя и не бываем абсолютно уверены в этом» [СР 5.311]¹. Иными словами, принцип фаллибилизма не означает (по крайней мере, для Пирса и разделяющих его подход прагматистов) необходимости сомневаться во всем и сразу, но предполагает готовность исследователя подвергнуть сомнению *любое* суждение или представление при наличии достаточных оснований. Можно быть, следовательно, фаллибилистом и антискептиком одновременно; осознание этого, по мнению современных интерпретаторов Пирса, является «главной интуицией американского прагматизма» [29, с. 21]².

Картезианская философия, в реконструкции Пирса, учит, далее, что «последний критерий достоверности должен быть найден в индивидуальном сознании» [СР 5.264]. Американский философ усматривает в этом субъективизме коренной порок традиции мысли, восходящей к Декарту. «В высшей степени пагубно, — утверждает он, — делать отдельного индивидуума абсолютным судьей истины» [СР 5.265]; «идеальное совершенство знания... должно принадлежать обществу» [СР 5.356]. Подчеркивая социальный характер научного и философского поиска, Пирс определял истину как «верование, которому суждено получить окончательное согласие тех, кто занят

¹ Пирс разъясняет: «...все наши понятия (*conceptions*) приобретаются путем абстрагирования и сочетания познаний (*cognitions*), впервые возникших в суждениях опыта. Соответственно, не может быть понятия об абсолютно непознаваемом, поскольку ничего подобного нам в опыте не дано. Но значение термина есть понятие, термином передаваемое. Следовательно, термин не может иметь своим значением непознаваемое» [СР 5.255].

² Ср.: «Ученые хорошо понимают, что большая часть принятых ими теорий и рабочих гипотез когда-нибудь окажется опровергнута или пересмотрена. *Строго говоря*, все научные теории и гипотезы — в том виде, в каком они нам сегодня даны — “ложны”. Но совершенно абсурдно, исходя из этого, утверждать, что мы “по-настоящему” ничего не знаем о мире» [5, с. 37]. Подробнее см.: [39, с. 144–153].

исследованием» [СР 5.407]³, реальность же отождествлялась им с объектом такого идеального коллективного знания [СР 5.311; 5.316; 5.356]. Говоря о «сообществе исследователей», Пирс имел в виду, прежде всего, профессиональных ученых, но не только. «Он вкладывал в это понятие широкий *метафизический* смысл, — отмечает Р. Бернстайн. — В действительности, Пирс был мыслителем, инициировавшим масштабный сдвиг в философии от парадигмы субъективности и индивидуального сознания... к тому, что Юрген Хабермас и Карл-Отто Апель назвали “парадигмой коммуникативной рациональности”» [4, с. 142]. Именно с Пирса, следовательно, а вовсе не с Дж. Г. Мида, А. Локка или Дж. Дьюи (не говоря о более поздних теоретиках), берет начало *коммунологическая, социоцентристская тенденция* американского прагматизма. Идея сообщества — «лингвистического» [см.: 28, с. 704–706], «дискурсивного» [18, с. 127], «культурного» [35, с. 102–103], «нормативного» [7, с. 145], «делиберативного» [37, с. 119], «эпистемического» [11, с. 135–136], «разговорного» [12, с. 119], «правового» [36, с. 419], «интерпретативного» [9, с. 14–15] и т. д. — вошла «в плоть и кровь» прагматической философии XX–XXI вв.

Еще один важный для прагматизма момент размежевания Пирса с Декартом и одновременно с классическим сенсуализмом — отказ от эпистемологической «догмы» о долингвистическом, непосредственно-достоверном и непогрешимом знании: *интеллектуальной* или *чувственной интуиции*. Под интуицией Пирс понимает такое знание, которое не было бы обусловлено каким-то другим знанием, но «определялось бы исключительно чем-то абсолютно внешним» [СР 5.260], т. е. объектом, «трансцендентным» сознанию и не зависимым от него. «Всякая мысль, — пишет он, предвосхищая семиотический, лингвистический, историцистский и прочие «повороты» западной философии XX в., — обозначает то, что мыслилось в предыдущей мысли» [СР 5.285]; «Каждая модификация сознания — внимание, ощущение и понимание — представляет собой вывод» [СР 5.298]; «Слово... употребляемое человеком, есть сам человек» [СР 5.314]. Пирс доказывает, что познающий субъект не обладает интуитивной способностью отличать непосредственное знание от опосредованного, равно как и отделять субъективные моменты сознания от объективных. Основанием нашей уверенности в том, что интуиция «не обманывает»,

³ «С логической точки зрения, — писал Дж. Дьюи, — это лучшее определение истины из всех, что мне известны» [8, с. 343].

своего рода гарантом достоверности невыводного знания, могла бы служить «интуиция интуиции», или *сверхинтуиция*, однако эта последняя сама нуждалась бы в основании, и так до бесконечности [см.: 31, с. 29–34].

По мнению Р. Фаббрикези, феноменализм Пирса (несмотря на попытки ряда мыслителей сблизить его с феноменологической философией или даже представить как ее разновидность) в действительности «стоит в антитезе к эйдетической точке зрения с ее презумпцией созерцательно-чувственной очевидности: знак и дискурсивная деятельность принадлежат к иному уровню (“срезу”) ментального, нежели умозрение сущности, которая мыслится как нечто абсолютно прозрачное и достоверное, не нуждающееся, следовательно, ни в дальнейшей интерпретации, ни в знаковом опосредовании» [40, с. 174]. Классический прагматизм ставит под сомнение привилегированный статус «чистого», «теоретического» сознания, довлеющего над западной философской мыслью со времен картезианского *cogito*. «Сознание, утверждают прагматисты, от Пирса до Мида, не является, при ближайшем рассмотрении, центральной инстанцией психики и не играет определяющей, конститутивной роли в познавательной деятельности. Оно — всего лишь сеть означающих. ... Не сознание, а интерпретативные практики и их последствия, этические и экзистенциальные — вот что по-настоящему важно» [40, с. 174–175].

Даже ощущения, в той мере, в какой они нечто репрезентируют, по мнению Пирса, определены предыдущими знаниями (*cognitions*). Воспринимаемое нами с помощью органов чувств — не достоверные отражения внешних объектов, а сложные, сконструированные умом картины, дающие нам — с помощью знаков — лишь приблизительные «намекы» на существующие реалии. Традиционная эпистемология и семантика (репрезентационизм) предполагает двухчленную,

диадическую, модель познания: субъекту (воспринимающему и познающему разуму) противостоит объект (воспринимаемая и познаваемая реальность). Пирс вводит триадическую модель: знак (означающее) — объект (означаемое) — интерпретанта. Третий термин также является знаком и отсылает, следовательно, к другому знаку. Поскольку «всякая мысль есть знак» [CP 5.253] и «должна интерпретироваться последующей мыслью-знаком» [CP 5.284], процесс познания — перевода одного знака в другой — может быть только прерван, но никогда не окончен.

Семиотические идеи Пирса, его «неинтуиционистская теория знания как инференции» [41, с. 497] и критика эпистемологического фундаментализма («мифа о данном») были восприняты аналитическими прагматистами, лингвистическими философами и семиотиками. Рорти, при всем его скептическом отношении к Пирсу [30, с. 161], видел заслугу последнего в переориентации философии с проблематики опыта на проблематику языка: «Исследования, которыми Пирс, как считается, заложил основы семиотики, не менее важны для того, что Г. Бергман называет “лингвистическим поворотом”, чем работы Г. Фреге» [32, с. 114].

Существенное влияние ранний Пирс оказал также на нео- и постпозитивистов, аналитических философов истории, социальных философов и теоретиков права. Как нельзя лучше свидетельствуют об этом работы ведущих историков прагматизма и англо-американской аналитической философии — Л. Менанда [19], Р. Познера [27], Б. Куклика [17], С. Пилстрёма [26], Ш. Мисак [20], А. Эткина [3], К. Хуквея [14], А. Бонкомпаньи [6] и др. Эти исследования позволяют сделать вывод о том, что значение философского творчества Пирса и его интеллектуальных преемников (в США — У. Джеймса, Ч. Морриса, Дж. Дьюи, К. И. Льюиса, в Европе — Ю. Хабермаса, К.-О. Апеля, Х. Йоаса, У. Эко) выходит далеко за рамки прагматизма.

Список литературы

1. 100 Years of Pragmatism / Ed. by J. Stuhr. Bloomington: Indiana University Press, 2009. — 228 p.
2. *Ackrill J.L.* Aristotle the Philosopher. N.Y.: Oxford University Press, 1981. — 160 p.
3. *Atkin A.* Peirce. L.: Routledge, 2016. — 314 p.
4. *Bernstein R.* Community in the Pragmatic Tradition // *The Revival of Pragmatism: New Essays on Social Thought, Law, and Culture* / Ed. by M. Dickstein. Durham: Duke University Press, 1998. — P. 141–156.
5. *Bernstein R.* The Pragmatic Turn. Cambridge: Polity Press, 2010. — 263 p.
6. *Boncompagni A.* Wittgenstein and Pragmatism. On Certainty in the Light of Peirce and James. L.: Palgrave Macmillan, 2016. — 311 p.
7. *Brandom R.* Reason in Philosophy: Animating Ideas. Cambridge: Harvard University Press, 2009. — 237 p.
8. *Dewey J.* Logic: The Theory of Inquiry. N.Y.: Henry Holt, 1938. — 546 p.
9. *Fish S.* Is There a Next in this Class? The Authority of Interpretive Communities. Cambridge: Harvard University Press, 1980. — 408 p.
10. *Goodman R.* American Philosophy and the Romantic Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — 162 p.
11. *Haack S.* Vulgar Pragmatism: An Unedifying Prospect // *Rorty and Pragmatism: The Philosopher Responds to His Critics* / Ed. by H. J. Saatkamp, Jr. Nashville: Vanderbilt University Press, 1995. — P. 126–147.
12. *Habermas J.* Richard Rorty's Pragmatic Turn // *Truth: Engagements Across Philosophical Traditions* / Ed. by D. Wood, J. Medina. Oxford: Blackwell, 2005. — P. 109–129.
13. *Hallett G.* Linguistic Philosophy: The Central Story. Albany: SUNY Press, 2008. — 233 p.
14. *Hookway C.* Truth, Rationality, and Pragmatism: Themes from Peirce. N.Y.: Oxford University Press, 2000. — 313 p.
15. *James W.* Pragmatism: A New Name for Some Old Ways of Thinking. N.Y.: Longman's, Green & Co, 1907. — 308 p.
16. *King P.* Peter Abelard // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/abelard/#Lan>
17. *Kuklick B.* A History of Philosophy in America, 1720–2000. Oxford: Clarendon Press, 2001. — 326 p.
18. *Margolis J.* Pragmatism's Advantage: American and European Philosophy at the End of the Twentieth Century. Stanford: Stanford University Press, 2010. — 172 p.
19. *Menand L.* The Metaphysical Club: A Story of Ideas in America. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2001. — 546 p.
20. *Misak C.* Truth and the End of Inquiry: A Peircean Account of Truth. Oxford: Clarendon Press, 2004. — 210 p.
21. *O'Callaghan J.* Thomist Realism and the Linguistic Turn: Toward a More Perfect Form of Existence. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2003. — 357 p.
22. *Peirce C.S.* Grounds of Validity of the Laws of Logic: Further Consequences of Four Incapacities // *Journal of Speculative Philosophy*. 1869. Vol. 2. № 4. — P. 193–208.
23. *Peirce C.S.* Questions Concerning Certain Faculties Claimed for Man // *Journal of Speculative Philosophy*. 1868. Vol. 2. № 2. — P. 103–114.
24. *Peirce C.S.* Some Consequences of Four Incapacities // *Journal of Speculative Philosophy*. 1868. Vol. 2. № 3. P. 140–157.
25. *Perry R.B.* The Thought and Character of William James. Vol. I. Boston: Little, Brown and company, 1935. — 826 p.
26. *Pihlström S.* Pragmatist Metaphysics: An Essay on the Ethical Grounds of Ontology. N.Y.; L.: Continuum, 2009. — 216 p.
27. *Posner R.* Law, Pragmatism, and Democracy. Cambridge: Harvard University Press, 2003. — 398 p.
28. *Putnam H.* Meaning and Reference // *Journal of Philosophy*. 1973. Vol. 70. № 19. — P. 699–711.
29. *Putnam H.* Pragmatism: An Open Question. Oxford: Blackwell, 1995. — 106 p.
30. *Rorty R.* Consequences of Pragmatism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982. — 237 p.
31. *Rorty R.* Mind, Language and Metaphilosophy: Early Philosophical Papers / Ed. by S. Leach, J. Tartaglia. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. — 318 p.
32. *Rorty R.* Replies // *Debating the State of Philosophy* / Ed. by J. Niznik, J. T. Sanders. Westport: Praeger, 1996. — P. 104–115.

33. *Schiller F.C.S.* The Humanism of Protagoras // *Mind*. 1911. Vol. 20. № 78. — P. 181–196.
34. *Shusterman R.* Emerson's Pragmatist Aesthetics // *Revue Internationale de Philosophie*. 1999. Vol. 53. № 207 (1). — P. 87–99.
35. *Singer B.J.* Pragmatism, Rights, and Democracy. N.Y.: Fordham University Press, 1999. — 207 p.
36. *Smith S.D.* The Pursuit of Pragmatism // *Yale Law Journal*. 1990. Vol. 100. № 2. — P. 409–449.
37. *Talisso R.* Democracy after Liberalism: Pragmatism and Deliberative Politics. N.Y.: Routledge, 2005. — 162 p.
38. *West C.* The American Evasion of Philosophy: A Genealogy of Pragmatism. Madison: University of Wisconsin Press, 1989. — 279 p.
39. *Ziemińska R.* American Pragmatists' Response to Skepticism // *Uncovering Facts and Values: Studies in Contemporary Epistemology and Political Philosophy* / Ed. by A. Kuźniar, J. Odrowąż-Sypniewska. Leiden; Boston: Brill Rodopi, 2016. P. 144–153.
40. *Фаббрикези Р.* [Ответы на вопросы интервью] // *Прагматизм и его история: Современные интерпретации* / Отв. ред. И. Джохадзе. М.: Академический проект, 2018. — С. 170–177.
41. *Эко У.* От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации / Пер. с итал. О. Поповой-Пле. М.: Академический проект, 2016. — 559 с.

ПОСТКЛАССИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

В. В. Старовойтов

Р. ФЕЙРБЕРН — ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

***Аннотация.** Данная статья посвящена исследованию жизни и творчества шотландского психоаналитика, одного из основоположников теории объектных отношений Рональда Фэйрберна. Прослеживаются особенности царившей в его семье атмосферы, определившей его характер, а также его последующее развитие в качестве доктора медицины, психоаналитика фрейдовской школы, а впоследствии создателя собственной теории объектных отношений, в которой развитие личности основывается на переживаниях младенца в его ранних взаимоотношениях внутри семейного окружения, а не на разрядке интенсивных напряжений, порождаемых исключительно внутри индивида, как это было характерно для классической фрейдовской точки зрения. Исследуется проведенная Фэйрберном кардинальная критика классического фрейдовского психоанализа. Используемый в данной статье метод исследования заключался в тщательном изучении жизни и творчества Фэйрберна, а также основных его трудов, с опорой на английские источники, переведенные для этой цели на русский язык и частично опубликованные. На основании проведенного исследования взглядов Фэйрберна автор статьи приходит к выводу, что он первым среди психоаналитиков предложил в систематической форме коперниканское изменение основ психоаналитической теории развития человеческой личности. Он заменил точку зрения науки XIX века, занимавшейся исследованием закрытой системы, концепциями открытой системы, в которых все время приходилось принимать во внимание вклад сопутствующего окружения.*

***Ключевые слова:** Фрейд, Кляйн, Фэйрберн, объектные отношения, шизоидные факторы, Самость, плохие объекты, эндопсихическая структура, динамическая структура, внутренние объекты.*

V. V. Starovoitov

R. FAIRBAIRN — LIFE AND CREATIVE WORK

***Summary.** The present article is devoted to studying life and creative work of Scotland psychoanalytic reformer of psychoanalysis, one of the founders of the theory of object relations Ronald Fairbairn. The author of the article traces back the atmosphere in Fairbairn's family that defined his personality as well as his further development as the doctor of medicine, psychoanalyst of Freudian school and later the founder of his own theory of object relations, in which the development of personality was based on the emotional experiences of infant in his early relationships within the family environment but not on the discharge of intensive tenses raised exclusively within the person, as it was typical for the classical point of view. The author of the article also investigates the criticism of Freudian classical psychoanalysis conducted by Fairbairn. The main method used by the author is the thorough study of life and creative work of Fairbairn, based on English sources, translated and partly published in Russian for that purpose. Based on this investigation the author of the article comes to the conclusion that Fairbairn was the first to propose in a systematic manner the Copernican change of the psychoanalytic theory of human personality. He replaced the close-system standpoint of nineteenth-century science with the open-system concepts, in which the contribution of the environment has to be considered at all times.*

***Key words:** Freud, Klein, Fairbairn, object relationships, schizoid factors, Self, bad objects, endopsychic structure, inner objects.*

Вильям Рональд Доддс Фэйрберн родился в 1889 году в Эдинбурге. Его отец, Томас Фэйрберн, был оценщиком и землемером, представителем успешного среднего класса конца викторианской эпохи. Он был ревностным пресвитерианцем, каждое воскресенье регулярно посещающим церковные службы. Его мать, Сецилия Лиф, являлась прихожанкой епископальной англиканской церкви. Она была сторонницей строгих правил поведения. Рональд был единственным ребенком в семье и поэтому в полной мере ощутил на себе строжайший надзор матери за его поведением в первые годы жизни. По мнению Д. Сазерленда, позднейшего биографа Фэйрберна: «Её викторианское табу на секс было столь сильным, что сексуальное любопытство стало крайне выраженной чертой мальчика» [3, с. 23–24]. Позднее в своих самоисследовательских записях Фэйрберн писал о том, что подобное воспитание привело его в подростковые годы к ощущению собственной неполноценности в чувственной сфере, к вине по поводу наличия сексуальных желаний, к проекции агрессии на других людей, а также к принятию пассивного отношения.

После окончания школы встал вопрос о дальнейшей учёбе. Мать, которая была честолюбивее отца, хотела, чтобы Рональд учился в Оксфорде, однако отец, с его строгими моральными принципами, резко выступил против, полагая, что обучение в Оксфорде окажет на сына морально деградирующее влияние. В результате Фэйрберн в 1907 году поступил в Эдинбургский университет на отделение философии, которое также давало в то время академическое обучение в области психологии. Спустя четыре года он завершил обучение в университете с отличием по философии. Результатом философского образования стала его утонченная способность определять, концептуально описывать и оценивать объяснительные принципы. После окончания университета он некоторое время изучал греческую историю и культуру в ряде университетов, приобретя некоторое глубинное понимание проблем совести, вины, греха и сексуальности, о которых умалчивало академическое обучение в области психологии.

С юных лет родители регулярно брали с собой Рональда на воскресные утренние и вечерние церковные службы, что, в конечном счете, привело его к мысли стать священником. Для осуществления этой цели он вначале продолжил обучение в Лондонском университете для получения промежуточной степени по богословию, и осенью 1914 года поступил на теологический факультет

Эдинбургского университета, чтобы после его окончания стать священником пресвитерианской церкви.

Первая мировая война внесла определенные коррективы в его планы. Будучи воспитан в патристическом духе, весной 1915 года Рональд, вопреки просьбам матери, поступил в инженерное подразделение университета, которое готовило офицерские кадры, и в ноябре того же года поступил на службу в подразделение королевской крепостной артиллерии в должности младшего лейтенанта. Осенью 1917 года, когда он уже был лейтенантом, его батарею послали на Средний Восток. В течение ряда месяцев Фэйрберн, под руководством фельдмаршала Алленби, принимал участие в военной кампании против турок в Палестине. Данная кампания успешно завершилась триумфальным вступлением в Иерусалим. В 1918 году он был демобилизован, так что весь период его военной службы составил три с половиной года.

В Палестине Фэйрберн принял кардинальное решение об изменении своей карьеры, посчитав, что медицинская психология в большей мере отвечает его потребности в понимании человеческих конфликтов и оказании людям помощи. После демобилизации, в январе 1919 года, он начал четырехгодичное обучение медицине, намереваясь стать психотерапевтом. На втором году обучения он уже читал книги Фрейда и Юнга, и с середины 1921 года стал проходить личный анализ у психоаналитика Е. Х. Коннелла, который, хотя и с некоторыми перерывами, продолжался ежедневно в течение примерно двух лет. Анализ Фэйрберна завершился вместе с окончанием медицинского обучения в 1925 году. Вначале он работал врачом общей практики неподалеку от Лондона, а затем ассистентом в Эдинбургском королевском госпитале. В это время совершенно неожиданно умер его отец от сепсиса после удаления зуба. Осенью 1925 года Фэйрберн стал принимать частных пациентов в своем офисе. Чувство большей свободы после смерти отца, а также после завершения анализа и окончания медицинского обучения, позволило ему завести дружеские отношения с Мэри Мор Гордон, студенткой медицинского факультета, родом из древней шотландской семьи землевладельцев, и осенью 1926 года они поженились.

После начала Фэйрберном аналитической практики его бывший психоаналитик Коннелл разослал рекомендательные письма президенту Британского психоаналитического общества Эрнесту Джонсу и видному члену БПО шотландцу Эдварду Гловеру для представления Фэйрберна членам общества.

В 1927 году Рональд написал свою первую клиническую статью и в этом же году представил ее шотландскому отделению БПО. В течение следующих двух лет он посвящал много времени приобретению глубинного понимания психоаналитических принципов, обсуждая различные аспекты психоанализа перед широким кругом слушателей.

Для дальнейшего продвижения медицинской карьеры и получения степени доктора медицины требовалось представить на рассмотрение диссертацию, в которой Фэйрберн противопоставлял взгляды Жана и Фрейда. В конце диссертации он впервые отказывается от фрейдского термина «Ид», полагая, что «Ид — это ненужный и излишний термин для того, что известно психологам в качестве врожденных инстинктивных наклонностей» [3, с. 52]. Его диссертация получила высокую оценку и в 1929 году Фэйрберну была присвоена степень доктора медицины. После написания им ряда статей он получает официальное приглашение представить для рассмотрения БПО свою клиническую статью.

В своей второй клинической статье Фэйрберн анализирует пациентку, у которой была заметно выражена персонификация различных аспектов ее психики на фактически отдельные Самости. Это были персонификации «озорного мальчишки», «критика», «маленькой девочки» и «мученицы», которые временами могли захватывать управление ее Самостью. Множественность персонификаций пациентки заставила Фэйрберна усомниться в правильности трехчленного деления психики Фрейдом, а их конфликтный характер привел его к мысли о том, что подобные процессы также могут приводить к разделению Эго, Ид и Супер-Эго, и что некоторая степень подобного разделения может быть нормальной чертой личности. Здесь опять, как и в его докторской диссертации, он пишет о неадекватности фрейдовской концепции Ид. «Ид должно постигаться не как состоящее из отдельных влечений, покушающихся на целостность Эго, а как первые организации, которые являются воплощением ранних переживаний наиболее примитивных побудительных частей личности, которые действуют подобно суб-Самостям» [3, с. 62]. Данная статья получила высокую оценку вышестоящими аналитиками в Лондоне и вскоре после этого, без прохождения обычно принятых программ обучения, он был принят ассоциированным членом БПО. Теперь Фэйрберну присылались приглашения присутствовать на собраниях Общества, что он делал несколько раз в год на всем протяжении 1930-х, и, самое главное, он смог узнавать

о трудах Мелани Кляйн и реакции на них из первых рук.

После завершения психиатрического обучения в 1926 году Фэйрберн был принят сотрудником Отделения психологии в Эдинбургском университете, возглавляемом профессором Джеймсом Древером, который выдвинул теорию биполярности эмоции. Он полагал, что, «в зависимости от того, будет ли инстинктивным целям оказана поддержка или же они испытают препятствие на пути своего осуществления, соответствующий аффект будет совершенно иным» [3, с. 66]. Усвоение Фэйрберном подобного взгляда на эмоцию как на специфический окрас процессов взаимодействия впоследствии помогло ему понять, каким образом могла возникать непрерывность опыта младенца в ходе его ранних взаимоотношений с матерью. Основой такой непрерывности становились эмоциональные переживания младенца, каждое из которых начиналось со специфического аффекта, преобладающего в данной форме структуры.

В начале 1930-х начала ухудшаться поддержка Фэйрберна его старшими университетскими коллегами, которые стали считать психоанализ нетерпимой угрозой их взглядам. К этому стрессу наложилась возрастающая ненависть жены к его работе, которая отнимала его от семьи днем, а также вечерами, когда он писал статьи. Ненависть жены явно угрожала подорвать его психологическую мужественность. Всё это привело Фэйрберна к защитной идентификации с отцом, который мог отстаивать свои права. К сожалению, так как у отца ранее имела место фобия мочеиспускания в присутствии других людей, она также стала явно выраженным симптомом у Рональда, который до конца жизни не поддавался улучшению и препятствовал его поездкам. Фактически Фэйрберн совершил истерическую конверсию, заменив психологическую проблему физической. Согласно его биографу Сазерленду, «данный симптом возник от резкого отщепления в его Самости глубинной садистской ярости, направленной против его внутренней матери. Сформировавшееся на основе раннего опыта и впоследствии перекрытое хорошими взаимоотношениями, это примитивное структурирование теперь активировалось вследствие его воскрешения во внешнем мире как вследствие того, что жена стала очень напоминать его мать, так и вследствие утраты им хорошей фигуры отца. ... Не было иной альтернативы, кроме массивного расщепления в его Самости, ..., в которой центральная Самость Фэйрберна руководила его жизненными делами, его либидинальная Самость

с примитивным садизмом, пробужденным в ответ на совершаемые на нее атаки, была, по большей части, заперта в фобии, а его анти-либидинальная жена почтительно умиротворялась» [3, с. 82–93].

В эссе 1934 года о «Социологическом значении коммунизма, рассмотренном с психоаналитической точки зрения» Фэйрберн пишет об эластичной способности семьи сохраняться, связывая ее выживание не только с ее биологическими функциями, но также с ее необходимостью для психологического развития ребенка. Однако еще большее воздействие оказала на него статья М. Кляйн 1935 года «К вопросу о психогенезе маниакально-депрессивных состояний». В ней она обсуждала начинающееся с рождения структурирование Самости младенца в результате его ранних взаимодействий с фигурами семейного окружения. Она постулировала наличие у младенца бессознательных фантазий вследствие того факта, что каждое влечение имело соответствующую ему фантазию. Наличие врожденного конфликта между влечениями к жизни и смерти приводит, по мнению Кляйн, к существованию врожденных эмоций, а также к порождению фантазий о взаимодействии с внешним объектом, который вначале воспринимается младенцем как «частичный» объект (материнская грудь) и создается его инфантильными фантазиями и их проекциями на данный объект.

Кляйн постулировала наличие у ребенка на первом году жизни двух позиций — *параноидной* и *депрессивной*. Термин «позиция» подразумевал специфическое сочетание характерных для ребенка объектных отношений, порождаемой ими тревоги и защиты от нее, выявляемых на протяжении всей последующей жизни индивида.

В процессе лечения детей она пришла к выводу, что ее пациенты переносят на аналитика свои отношения к воображаемым внутренним объектам (интроектам). Интроекты становятся «внутренними объектами», не целиком ассимилированными в структуру Эго. Таким образом, интроекты — «внутренние объекты» — могут взаимодействовать между собой и Эго. Поэтому она сделала акцент на значении ранних внутренних объектных отношений (внутренних объектов). В частности, согласно теории Кляйн, у младенца сначала формируются внутренние объекты не вследствие взаимоотношений с ухаживающим за ним лицом (обычно матерью), а вследствие внутреннего действия биологического фактора, врожденного конфликта влечений к жизни и смерти. Таким образом, для Кляйн бессознательные фантазии младенца вытекали из его

врожденной психобиологической оснастки, а не из переживаний внешней реальности.

Согласно ее теории, *параноидная* позиция у младенца была обусловлена расщеплением его Эго из страха перед собственным влечением к смерти до установления им какой-либо связи с объектами. Эта позиция возникала у младенца с рождения и длилась до трех-четырех месяцев. Она вызывалась устойчивым страхом преследования со стороны внешнего, плохого частичного объекта (материнской груди), который ранее был интроецирован младенцем и от которого он затем пытался избавиться всеми доступными ему средствами.

Депрессивная позиция — один из основных этапов развития, наступающий вслед за *параноидной позицией*. В рамках этой позиции происходит интеграция чувств любви и ненависти к объекту, а также внешней реальности с интрапсихической реальностью или фантазией. Согласно Кляйн, депрессивная позиция начинает развиваться на третьем-четвертом месяцах жизни и сохраняется на протяжении всей жизни индивида.

Обе эти позиции возникают под приматом оральности, отображают определенные конфигурации объектных отношений, тревог и защит и не совпадают ни с одной из постулированных Фрейдом фаз развития. Основным аффектом параноидной позиции является страх преследования, тогда как при депрессивной позиции развивается беспокойство за объект и его благополучие, что приводит к попыткам справиться с тревогой депрессивной позиции посредством «возмещения».

Согласно Кляйн, индивид никогда не в состоянии полностью проработать эти позиции и достичь полной интеграции, поскольку защита от депрессивного конфликта активизирует регрессию к параноидным феноменам. Так что индивид вынужден постоянно колебаться между ними двумя.

Фэйрберн принял точку зрения Кляйн о важном значении орального садизма на ранних фазах развития младенца. В последующих статьях он показывал, как расщепление объекта влекло за собой соответствующее расщепление Эго. И хотя он не принял в целом ее метапсихологию, например, не разделяя представление Кляйн о действии постулированного Фрейдом влечения к смерти, его долг перед ней был огромен. Сам Фэйрберн неоднократно публично заявлял о том, что данная статья Кляйн подтолкнула его к созданию собственных творческих работ. Оценивая значимость ее работ, он писал в статье 1943 года о «Вытеснении и возвращении плохих объектов», что «если психология

сводится к исследованию отношений индивида к своим объектам, то психопатология сводится более специфически к исследованиям отношений Эго к своим интернализированным объектам», и что «лишь исходя из концепции интернализированных объектов М. Кляйн можно ожидать, что исследование объектных отношений получает какие-либо важные результаты для психопатологии».

Воздействие на Фэйрберна данной статьи Кляйн было столь велико, что в статье 1936 года о «Влиянии смерти короля на пациентов, проходящих анализ», он предпочел взгляды Кляйн своим прежним представлениям относительно динамических персонификаций в качестве верной концепции для описания примитивного структурирования личности. Кроме того, взгляды Кляйн породили серьезные внутренние конфликты в его собственной психике. Поэтому он нуждался в периоде их непрямой проработки для их последующего творческого синтеза.

Таким косвенным подходом к интересующим его проблемам стало написание Фэйрберном двух статей по художественному творчеству 1937 и 1938 годов. В первой статье, «Пролегомены к психологии художественного творчества», он выдвинул идею о том, что художественное творчество осуществляется для ослабления внутренних напряжений, проистекающих от непереносимой тревоги и вины по поводу деструктивных нападков на объекты любви. Так, в сюрреалистических картинах Дали он усматривал воссоздание частей разрушенного объекта в единстве композиции. Во второй статье, «Первичная основа эстетического переживания», Фэйрберн вводит понятие «положенного в основу объекта», который представляет собой «общую отправную точку между отношением художника и отношением зрителя» [3, с. 105].

Начало второй мировой войны в сентябре 1939 года совпало с началом формирования Фэйрберном своей новой теоретической конструкции. После ухода из Отделения психологии, все его время было отдано работе с пациентами, многие из которых были шизоидными. Осенью 1939 года он также начал вести свои самоисследовательские записи, пытаясь разобраться в собственном внутреннем мире. Кроме лечения пациентов, с июня 1940 года Рональд начал работать в госпитале, занимавшемся лечением военных неврозов. Фэйрберн проводил тщательные опросы пациентов госпиталя, связанные с оценкой их состояния. На него произвели большое впечатление «феномены расщеплений в проявляемых ими расстройствах, а также лежащие в основе расстройств пациентов

различные степени зависимых привязанностей к семейным фигурам» [3, с. 161–162]. «Сила глубоких конфликтов его госпитальных пациентов по поводу неразрешенных бессознательных конфликтов с матерью ... усилила кумулятивное воздействие, оказываемое на Фэйрберна шизоидными пациентами. Он смог увидеть, подобно Дали в его полотнах, ту основу для понимания, которая сможет охватывать любовь и ненависть, помещая обоих родителей и ребенка на картину в качестве существенно взаимосвязанных фигур, нуждающихся друг в друге» [3, с. 192]. Результатом данного творческого синтеза стало написание Фэйрберном в 1940 году статьи «Шизоидные факторы в личности», которая явилась основой его теории объектных отношений личности.

В начале статьи Фэйрберн перечисляет многочисленные шизоидные проявления личности, а также пишет о том, что шизоидные пациенты представляют собой наиболее благодатный материал для исследования основных психических и психопатологических процессов, однако лишь после использования ими всех доступных способов защиты личности. Он также считает, что они способны на больший терапевтический инсайт, чем другие пациенты, и обладают благоприятными терапевтическими возможностями. основополагающий шизоидный феномен, по мнению Фэйрберна, состоит в наличии расщепления Эго. Такое расщепление неизменно присутствует у любого человека на глубочайшем психическом уровне, поэтому базисная позиция психики — шизоидная. А так как все характерные шизоидные черты имеют очень ранние корни и являются отношениями целостной личности, то они указывают на функционирование Эго как исходно целостного. Фэйрберн выделяет различные функции Эго: его адаптивную функцию, а также ряд его интегративных функций, связанных с интеграцией восприятия и поведения, а также с установлением различия между внутренней и внешней реальностью. Расщепление Эго, согласно Фэйрберну, является результатом компромисса между прогрессивным развитием всех этих функций.

Первичным либидинальным объектом младенца является мать как целостная личность. Младенец ясно ощущает свою потребность в том, чтобы к нему относились как к автономному существу, которое может существовать, лишь находясь во взаимоотношениях. Первая холистическая потребность младенца связана с его ощущением материнского отношения к себе. Если на стадии детства, наступающей вслед за ранней объектной

фазой, мать терпит неудачу в уверении своего ребенка «в любви к нему посредством спонтанного и искреннего проявления чувств», то младенец склонен к наделянию материнской груди чрезмерной значимостью для удовлетворения своих более общих стремлений, замещая эмоциональные контакты с матерью физическими (де-эмоционализация объектных отношений).

Таким образом, хотя Фэйрберн согласен с акцентом Кляйн на важном значении частичного объекта (материнской груди), он придерживается противоположного ей взгляда на его происхождение. Для Кляйн младенец вначале не способен воспринимать мать как нечто целостное, и лишь в том случае, когда связанное с сосанием взаимоотношение младенца с матерью протекает успешно, из него вырастает взаимоотношение младенца с матерью как целостным объектом.

Травматическая ситуация, в которой ребенок ощущает, что мать не любит его как личность, приводит к восприятию им матери как плохого объекта, а своего внешнего выражения любви как чего-то плохого. Как результат, ребенок начинает переводить свои отношения с объектами посредством их интернализации в область внутренней реальности в качестве защитной техники. Согласно Фэйрберну, более глубокая и либидинально заряженная часть Эго вытесняется его более поверхностным синтетическим уровнем, в котором более развиты мыслительные процессы, и который пытается объединить «соперничающие системы в осуществлении общих целей и действий, чтобы они соответствовали более поздним социальным и другим реалиям» [3, с. 198]. У таких шизоидных личностей идеи заменяют чувства. Фэйрберн выделяет у них следующие шизоидные черты: стремление к всемогуществу, стремление к изоляции и отчуждению, а также поглощенность внутренней реальностью. Последняя черта, по мнению Фэйрберна, является самой важной из всех шизоидных черт.

Первое расщепление Эго младенца, полагает Фэйрберн, происходит на ранней сосательной преамбивалентной фазе его развития из-за дихотомии «хорошего» и «плохого», где «плохость» матери «наличествует из-за того, что мать не дала своему младенцу. Здесь имеет место резкое отличие между его взглядами и точкой зрения М. Кляйн. Для нее плохость первичного частичного объекта является следствием силы врожденного садизма или инстинкта смерти, проецируемого на этот объект» [3, с. 219].

Поздняя оральная фаза, по Фэйрберну, связана с различием между оральной любовью, связанной

с сосанием, и оральной ненавистью, связанной с кусанием, и является амбивалентной. При фиксации на ней ребенка он считает свою ненависть, а не любовь, причиной исчезновения любви со стороны матери, так что его любовь сохраняется как нечто хорошее. Такова депрессивная позиция ребенка, в то время как его шизоидная позиция возникает на преамбивалентной оральной фазе.

Все это приводит шизоидного индивида, согласно Фэйрберну, к ряду трагедий, так как он, во-первых, считает свою любовь разрушительной для тех людей, которых любит, а во-вторых, становится жертвой навязчивого стремления ненавидеть и быть ненавидимым, тогда как сам он хотел бы любить и быть любимым. В результате у него происходит смена моральных ценностей, при которой зло становится добром, а добро — злом. Такую смену ценностей Фэйрберн считает третьей великой трагедией индивидов с шизоидной склонностью.

В своей следующей статье 1941 года «Пересмотр психопатологии психозов и неврозов» Фэйрберн подвергает критическому рассмотрению фрейдовскую теорию либидо и ее модифицированную Абрахамом версию, согласно которой каждый тип классических психозов и неврозов может быть объяснен фиксацией либидо на одной из фаз развития. В отличие от них, Фэйрберн считает, что Эго необходимо защищаться от шизоидных и депрессивных состояний, имеющих оральную основу, и параноидные, obsессивные, истерические и фобические состояния представляют собой способы защиты Эго от воздействий конфликтов орального происхождения. Когда же эти техники защиты Эго от натиска шизоидных или депрессивных состояний терпят провал, в игру могут вступать специфические техники, вызванные самими этими состояниями, например, в виде маниакальной защиты от депрессивного состояния.

Фэйрберн полагает, что теорию либидо следует трансформировать в теорию, основанную на объектных отношениях, ибо поиск либидинального удовлетворения не является адекватной основой, на которой можно строить биологическую теорию развития. «Для Фэйрберна данная концепция приобрела биологический смысл лишь при рассмотрении удовольствия как награды за нахождение объекта. Концепция эрогенных зон, с объектом как средством обеспечения либидинального удовольствия, помещает телегу впереди лошади» [3, с. 223]. Сами же объектные отношения развиваются от инфантильной зависимости от объекта, основанной на первичной идентификации, к зрелой зависимости

от объекта, основанной на отделенности объекта от субъекта. Он выделяет раннюю и позднюю оральные фазы инфантильной зависимости, стадию зрелой зависимости, и промежуточную переходную стадию, в которой индивид пытается отказаться от инфантильной зависимости и принять отношение зрелой зависимости. Переходная стадия появляется с началом амбивалентности поздней оральной стадии и дает начало разделению первичного объекта любви и ненависти на два объекта — принятый и отвергнутый — на которые, соответственно, направляется любовь и ненависть. А так как инфантильная зависимость характеризуется не только идентификацией, но и оральной инкорпорацией, то объект идентификации младенца становится эквивалентен инкорпорированному интернализированному объекту. Данные интернализированные объекты являются, в основном, имаго важных семейных фигур, которым приписываются доминирующие в психике младенца озабоченности или угрозы. Причем следует отметить, что имаго, это не столько образ, сколько выработанная воображением схема, устойчивый стереотип, через который субъект видит другого человека. На самых ранних стадиях развития перцептуальное содержание имаго может быть зачаточным.

Согласно Фэйрберну, основной конфликт переходной стадии связан с конфликтом «между прогрессивным побуждением отказаться от инфантильной установки идентификации с объектом и регрессивным стремлением сохранить эту установку» [4, р. 43]. В зависимости от способа обращения индивида с принятым и отвергнутым объектами Фэйрберн выделяет четыре основные техники обращения с ними в переходный период: обсессивную — при которой принятый и отвергнутый объекты интернализуются; параноидную — при которой принятый объект является интернализированным, а отвергнутый объект — экстернализованным; истерическую — при которой принятый объект является экстернализованным, а отвергнутый объект — интернализированным; и фобическую — при которой оба этих объекта являются экстернализованными.

Шизоидное состояние, при котором либидо отводится от внешних объектов и направляется на интернализированные объекты, приводит, в конечном счете, к угрозе утраты Эго, вызывая у шизоидного индивида чувство тщеты. Это психологическая катастрофа для индивида, не преодолевшего раннюю оральную стадию развития, которую он пытается предотвратить, используя все возможные техники, включая переходные, для контроля либидо.

Депрессивный индивид сохраняет состояние амбивалентного отношения поздней оральной фазы к инкорпорированному объекту. Любое нарушение либидинальных отношений склонно активировать в нем ненависть к либидинальному объекту, приводящую к его потере. Кроме того, так как у него сохраняется значительная инфантильная идентификация со своим объектом, то для него телесная потеря становится эквивалентна потере объекта. Таким образом, потеря объекта — основная травма, вызывающая депрессивное состояние. Само депрессивное состояние также является той психопатологической катастрофой, которая угрожает индивиду, не переросшему позднюю оральную стадию инфантильной зависимости, от которой он также пытается защититься посредством всех доступных ему техник, включая переходные, для контроля собственной агрессии.

Тогда как существование смешанных типов, по мнению Фэйрберна, «следует объяснять ... в терминах относительной силы фиксаций на соответствующих фазах развития. Наиболее важным фактором остается степень регрессии, а она зависит от того, лежит ли основная проблема в управлении любовью или ненавистью» [4, р. 57–58].

В статье 1943 года «Вытеснение и возвращение плохих объектов» Фэйрберн пишет о том, что психопатологическое исследование должно сфокусироваться на объекте, на который направлено влечение. Он считает фрейдовское Супер-Эго интернализированным объектом, который Эго признает хорошим. «Если ключ к органу вытеснения, — полагает Фэйрберн, — лежит в отношениях Эго к «хорошим» интернализированным объектам, то ключ к природе вытесненного будет лежать в отношениях Эго к «плохим» интернализированным объектам» [4, р. 62]. В отличие от Кляйн, он считает, что хорошие объекты сохраняются в памяти лишь в виде воспоминания, тогда как интернализуются именно плохие объекты, так как ребенок не может совладать с ними и их контролировать во внешней реальности, отождествляя себя с ними, так что они становятся неотъемлемой частью психической структуры его личности. Поэтому, если ребенок ощущает свои объекты плохими и интернализует их, то он ощущает собственную плохость. «Именно безотлагательная потребность ребенка в своих родителях, сколь бы плохими они ни могли ему казаться, принуждает его интернализировать плохие объекты, и именно потому, что эта потребность остается связанной с ними в бессознательном, он не может заставить себя от них отказаться. Его потребность в них также наделяет

их реальной властью над ним» [4, р. 68]. Не будучи в состоянии противостоять плохим интернализированным объектам, развивающееся Эго ребенка прибегает к их вытеснению, а когда и вытеснение не обеспечивает адекватную защиту от них, в действие вступают фобические, obsессивные, истерические и параноидные защиты. Для исправления ситуации собственной плохости ребенок затем интернализует свои хорошие объекты, которые принимают роль Супер-Эго. В попытке преобразовать свои плохие объекты в хорошие ребенок применяет так называемую моральную защиту, делая себя плохим, а свои плохие объекты хорошими, ибо, как пишет Фэйрберн: «Лучше быть грешником в мире, управляемом Богом, чем жить в мире, управляемом Дьяволом» [4, р. 66–67].

Если влечения направлены на плохие объекты, то они также интернализуются и вытесняются, и их либидинальная связь с вытесненным в бессознательное объектом поддерживает сопротивление анализу. Данное заключение Фэйрберна прямо противоположно представлению Фрейда о том, что вытесненный материал сам по себе не оказывает никакого сопротивления, а нежелание либидо отказываться от своего объекта объясняет, согласно Фэйрберну, понятие чрезмерной «липкости либидо» у Фрейда.

Сам же анализ, полагает Фэйрберн, должен прояснять вытесненные взаимоотношения с интернализированными плохими объектами, делая их высвобождение из бессознательного, даже ценой тяжелого невроза переноса, одной из главных целей анализа, для появления надежды на разрушение их катексиса. Для этого аналитик должен стать достаточно хорошим объектом для пациента, установившим с ним не преследующие взаимоотношения. Фэйрберн пишет о том, что «аналитическая техника должна давать возможность пациенту освобождаться от своих «погребенных» в бессознательном плохих объектов, которые ранее были интернализированы, потому что первоначально представлялись непереносимыми, и содействовать разрушению либидинальных связей, посредством которых пациент привязан к этим прежде незаменимым плохим объектам» [4, р. 74].

Для пациента создаваемая в анализе ситуация крайне тяжела, потому что цель аналитической ситуации — высвобождение из бессознательного вытесненных плохих объектов — прямо противоречит цели пациента, который как раз из-за страха такого высвобождения и искал прохождения анализа. Однако подобное высвобождение вытесненных плохих объектов, согласно Фэйрберну, отличается

от их спонтанного высвобождения его связанностью с терапевтической целью, его контролю со стороны аналитика и той безопасностью, которая присуща ситуации переноса. В противном случае, индивид может освободиться от преследования со стороны плохих интернализированных объектов, лишь если он снова загонит их в бессознательное посредством вытеснения.

На основании проведенного исследования Фэйрберн приходит к выводу, что фрейдовская концепция навязчивого повторения является поверхностной, и что то, «что Фрейд описывает под категорией «влечений к смерти», будет, таким образом, представлять по большей части мазохистские взаимоотношения с интернализированными плохими объектами. Интернализированное садистское взаимоотношение с плохим объектом также будет представлять проявление влечения к смерти» [4, р. 79].

Наконец, в статье 1944 года «Рассмотрение эндопсихической структуры с точки зрения объектных отношений» Фэйрберн дал описание базовой эндопсихической ситуации. Создаваемая им теория личности в связи с развитием объектных отношений шла вразрез с теорией личности Фрейда, описываемой на языке влечений и превратностей их развития. Фэйрберн же рассматривал влечения просто как формы энергии эндопсихических структур, причем одна часть структуры Эго могла относиться к другой его части как к объекту. В данной статье он выдвигает точку зрения, что вытеснение направляется не только против интернализированных плохих объектов, но также против тех частей Эго, которые стремятся к отношениям с этими внутренними плохими объектами. Если Фрейд возводил генезис вины и побуждение вытеснения к эдиповой ситуации, то, согласно Фэйрберну, он ищет источник вытеснения вне эдиповой ситуации и вне того уровня, на котором возникает Супер-Эго. Ранее Фэйрберн писал о том, что вначале интернализуются плохие объекты, и лишь позднее — хорошие объекты для защиты Эго от ранее интернализированных плохих объектов, где Супер-Эго является хорошим объектом такого рода. А так как «все психопатологические развития берут начало на стадии, предшествующей той, на которой развивается Супер-Эго, и происходят из уровня, лежащего под тем, на котором действует Супер-Эго, — то Фэйрберн пишет о том, — что далее он не будет прибегать к Супер-Эго или Ид как к объяснительным концепциям» [4, р. 99–100]. Поэтому он отклоняет традиционную классификацию психической структуры в терминах Эго, Ид и Супер-Эго, и вместо этого рассматривает структуру Эго,

расщепленную на три части: центральное Эго, которое в немалой степени является предсознательным, либидинальное Эго и агрессивное, преследующее Эго, которое он назвал «внутренним саботажником». Эту классификацию Фэйрберн стал рассматривать как имеющую универсальное значение. А так как базовая эндопсихическая ситуация связана с расщеплением Эго, то базовая позиция психики, согласно Фэйрберну, является шизоидной, а не параноидной или депрессивной.

По мнению Фэйрберна, базовая эндопсихическая ситуация вырастает из устанавливаемого в начале жизни состояния амбивалентности по отношению к внешним объектам. Так, либидинальная фрустрация вызывает у младенца агрессию по отношению к его либидинальному объекту. В данной статье Фэйрберн писал о том, что младенец расщепляет плохой внутренний объект на два объекта — возбуждающий, который продолжает разжигать его фрустрированную потребность, и отвергающий, и затем их вытесняет, используя агрессию как движущую силу вытеснения. Тогда как два вспомогательных Эго вытесняются центральным Эго из-за их связи с отвергнутыми объектами. Данное вытеснение является вторичным по отношению к вытеснению плохих интернализированных объектов. При этом «внутренний саботажник» также направляет свою агрессию против либидинального Эго и либидинального объекта, что приводит к их дополнительному вытеснению. Согласно Г. Гантрипу, ученику и последователю Фэйрберна «внутренний саботажник» «воплощает собой борьбу младенца за продолжение существования без удовлетворения своих потребностей и без помощи других людей, порождая ... психическое состояние, в котором естественное взросление становится невозможным» [1, с. 241, 249]. Глубинной причиной подобного поведения, согласно Гантрипу, являются царящие в современной основанной на соперничестве культуре взгляды, которые побуждают людей ощущать стыд за свою слабость и имитировать силу. Гантрип также пишет о том, что «эндопсихические структурные разделения не следует рассматривать как отдельные сущности, на которые распалось психическое целое, как если бы это был материальный объект. Они являются явно узнаваемыми различными аспектами функционирования сложного психического целого, хотя временами и переходят незаметным образом друг в друга» [1, с. 108].

Развивая далее теорию эндопсихической структуры Фэйрберна, Гантрип пишет о том, что к двум описываемым Фэйрберном уровням расщепления

следует добавить третье расщепление в самом либидинальном Эго. «Оно разделяет либидинальное Эго на активное садомазохистское оральное Эго, которое продолжает сохранять внутренние плохие объектные отношения, и пассивное регрессировавшее Эго, которое пытается возвратиться к внутриутробной безопасности» [1, с. 103]. Далее Гантрип приводит согласие Фэйрберна с таким расширением его структурной теории в письме к нему от 1 января 1950 года, в котором Фэйрберн писал: «Я считаю вашу концепцию расщепления либидинального Эго на две части — подвергающееся нападкам оральное либидинальное Эго и регрессировавшее либидинальное Эго — оригинальным вкладом в теорию, многое объясняющим. Она решает проблему, которую мне до этого не удавалось решить» [1, с. 108–109].

Сам Фэйрберн пишет в своей статье о том, что избыток агрессии «внутреннего саботажника» против либидинального Эго трансформируется в невротическую тревогу, а когда подобная агрессия не может предотвратить либидинальную разрядку, то наблюдается истерический способ выражения аффекта. Соответственно, психоаналитическая терапия должна, согласно Фэйрберну, уменьшать расщепление центрального Эго, также приводя, поскольку это возможно, возбуждающий и отвергающий объекты в пределы сферы влияния центрального Эго. Для этого необходимо сводить к минимуму «привязанность вспомогательных Эго к соответствующим связанным с ними объектам, агрессию центрального Эго по отношению к вспомогательным Эго и их объектам, и агрессию «внутреннего саботажника» по отношению к либидинальному Эго и его объекту» [4, p. 130].

Работа Фэйрберна также повлияла на М. Кляйн, и в статье 1946 года «Заметки о некоторых шизоидных механизмах» она соединила термин Фэйрберна «шизоидный» со своим термином «параноидный» и стала рассматривать первую позицию психики как «параноидно-шизоидную» [2, с. 426]. Она также считала серьезными и значимыми сделанные Фэйрберном описания шизоидных феноменов, полагая, что они помогают понять многие аспекты шизоидного поведения и шизофрении. В то же самое время, она не была согласна «с осуществленным Фэйрберном пересмотром теории психических структур и инстинктов» [2, с. 428], а также с точкой зрения Фэйрберна о том, что интернализуется прежде всего плохой объект. Сама же Кляйн полагала, что интроецированная «хорошая грудь» образует одну из важнейших частей Эго.

Фэйрберн также нуждался в исправлении некоторых несоответствий в своей теории, которое он осуществил в небольшом по объему «Приложении» в 1951 году. Так, в статье 1941 года он писал о двух интернализированных объектах — «принятом» и «отвергнутом», тогда как в статье 1944 года он писал о «возбуждающем» и «отвергающем» внутренних объектах. Теперь Фэйрберн считает, принимая во внимание критику Кляйн о том, что первым интернализированным объектом является хороший объект, что вначале интернализуется преамбивалентный объект, который является в некоторой степени неудовлетворяющим и удовлетворяющим. К этому объекту первичное нерасщепленное Эго испытывает амбивалентное отношение, так как для него неприемлемы чрезмерно возбуждающие и чрезмерно фрустрирующие элементы внутри данного объекта. Поэтому они отщепляются от основного тела объекта и вытесняются, порождая «возбуждающий объект» и «отвергающий объект». После подобного отщепления «остается ядро объекта, лишённое своих чрезмерно возбуждающих и чрезмерно фрустрирующих элементов. Это ядро приобретает затем статус «принятого объекта» с точки зрения центрального Эго, которое будет поддерживать как текстис этого объекта и сохранять его как такового» [4, р. 135]. А так как и чрезмерно возбуждающий, и чрезмерно фрустрирующий внутренние объекты отвергаются центральным Эго, то термин «отвергнутый объект» более ранней статьи требуется заменить на термин «отвергнутые объекты».

В сентябре 1951 года внезапно умирает жена Фэйрберна, с которой он находился в браке в течение 26 лет. В письме к Гантрипу Фэйрберн написал о своем шоке в связи со смертью жены.

Два года спустя он опубликовал следующую важную статью «Замечания о природе истерических состояний» (1954). В ней он вновь обратился к введенной Жане концепции истерической диссоциации, полагая, «что она несет с собой скрытый смысл расщепления в личности, и когда поддерживается вытеснение, оно должно быть связано с тем, что происходит между частями личности, а не между личностью и влечениями» [3, с. 274–275]. Он утверждает, что подобный пересмотр концепции вытеснения привел его к разработке психологии объектных отношений. Согласно Фрейду, Эго под давлением Супер-Эго осуществляет вытеснение для контроля исходящих из Ид влечений. И хотя данная точка зрения, по мнению Фэйрберна, «влекла за собой скрытое признание необходимой связи между вытеснением и расщеплением Эго, однако явному признанию такой связи со стороны Фрейда

помешало влияние его концепции Ид как источника инстинктивных влечений, независимых от Эго. Эта концепция Ид позволила ему рассматривать наличие вытеснения (в форме вытеснения влечений) как совместимого с сохранением целостного Эго» [5, р. 15]. Тогда как принятие Фэйрберном концепции о врожденно динамической структуре Эго устранило фрейдовский отрыв исходящего из Ид влечения от Эго. В результате, Фэйрберн выдвинул общий принцип, что «проблемы личности могут быть адекватно поняты лишь на личностном уровне и на языке личностных взаимоотношений» [5, р. 15].

Он вновь пишет о том, что первоначальный интроецированный пре-амбивалентный объект становится амбивалентным лишь после его интроекции, понимая интроекцию как защитную технику. Тогда как остаточное ядро интроецированного объекта, после вытеснения его возбуждающего и отвергающего аспектов, которое он раньше называл Эго-Идеалом, он предпочитает называть теперь идеальным объектом, для обеспечения терминологического соответствия с двумя другими вытесненными объектами. А структуру Эго, связанную с вытесненным отвергающим объектом, которую он ранее называл «внутренним саботажником», Фэйрберн также, в целях терминологического соответствия с терминами «центральное Эго» и «либидинальное Эго», предпочитает теперь называть «антилибидинальным Эго». Он утверждает, далее, что хотя Фрейд включил во всеобъемлющую структуру Супер-Эго как антилибидинальное Эго, так и отвергающий и идеальный объекты, породив источник путаницы, его можно устранить посредством признания их независимого характера.

Сам Фэйрберн считает свою концепцию базовой эндопсихической ситуации, изложенной «на языке личностных взаимоотношений и динамической структуры Эго, альтернативой описанию Фрейдом психики на языке Ид, Эго и Супер-Эго, основанному ... на отрыве последователями Гельмгольца энергии от структуры, который более не принимается в физике, и в комбинации, хотя и за счет немалой непоследовательности, с безличной психологией, понимаемой на языке биологических влечений и эрогенных зон» [5, р. 18].

Переходя далее к рассмотрению самого истерического состояния, он полагает, что характерной чертой данной базовой эндопсихической ситуации является чрезмерно возбуждающая природа возбуждающего объекта и чрезмерно отвергающая природа отвергающего объекта, что приводит к доминированию антилибидинального Эго

и его безжалостному преследованию либидинального Эго. Существенной и отличительной чертой истерии, согласно Фэйрберну, является замещение личностной проблемы телесным состоянием (истерическая конверсия). Данная защита вступает в действие, когда травмирующие внешние обстоятельства содействуют возрождению и реактивации вытесненных ситуаций во внутреннем мире истерика. «При подходящих условиях, — полагает Фэйрберн, — любая часть тела может стать фокусом конверсионного процесса и таким образом стать преобразованной в эротическую зону, в которой локализируются драмы нарушенных личных взаимоотношений» [5, р. 40].

После опубликования данной статьи Фэйрберн стал считать свою теорию объектных отношений в основном завершённой, хотя ему и предстояло четыре года спустя написать свою лучшую клиническую статью «О природе и целях психоаналитического лечения» (1958). Поводом к ней послужила присланная ему до ее публикации копия статьи Томаса Саса «О теории психоаналитического лечения», которая вызвала у него ряд возражений. Вначале Фэйрберн пишет о четырех основных концептуальных формулировках, которые характеризуют его теоретическую позицию: «теории динамической психической структуры; теории относительно того, что либидинальная активность врожденно и преимущественно направлена на поиск объекта; вытекающей из этого теории либидинального развития, сформулированной не на языке предполагаемого зонального доминирования, а на языке качества зависимости; теории личности, сформированной исключительно на языке внутренних объектных отношений» [5, р. 74]. Первые из этих двух формулировок, согласно Фэйрберну, служат заменой классической теории Фрейда и его теории влечений. Третья формулировка предлагается им в качестве замены исправленной Абрахамом версии фрейдовской теории либидинального развития, а его теория объектных отношений личности служит заменой описания строения психики Фрейдом на языке Ид, Эго и Супер-Эго.

Фэйрберн далее оспаривает точку зрения Саса на анализ как на форму просвещения, полагая, что движущим мотивом пациента скорее будет религиозная аналогия «спасения», ибо пациент ищет спасения от своего страдания. Принятие аналитиком терапевтической роли, полагает он, приводит к принятию им иных человеческих ценностей, отличных от чисто объяснительных. Успех анализа, согласно Фэйрберну, основывается на взаимоотношении пациента с аналитиком, которое он

рассматривает как «тотальное взаимоотношение, существующее между аналитиком и пациентом как личностями» [5, р. 83]. Главная цель анализа — максимальный синтез тех структур, на которые было расщеплено первичное Эго.

Главным источником сопротивления пациента Фэйрберн считает сохранение его внутреннего мира в качестве закрытой системы, в результате чего увековечиваются отношения, существующие между структурами Эго и связанными с ними внутренними объектами, а также между собой. Для этого необходимо пробивать в закрытой системе пациента бреши, чтобы сделать его внутренний мир доступным для воздействия со стороны внешней реальности. Внутри закрытой системы, полагает он, господствует принцип удовольствия, тогда как для поведения в открытой системе характерен принцип реальности, который обусловлен взаимоотношениями между внутренней и внешней реальностью. Фиксация пациента на внутренних объектах порождает перенос, в результате которого к аналитику относятся как к внутреннему объекту. Такое отношение следует заменить реальным взаимоотношением с аналитиком, а для этого, согласно Фэйрберну, необходимо, чтобы пациент воспринимал аналитика в качестве хорошего объекта.

Фэйрберн далее вводит понятие статической внутренней ситуации, которое близко понятию закрытой системы внутренней реальности. Данное понятие вводится им «для описания замкнутых ситуаций во внутренней реальности, которые неопределенно долгое время сохраняются без изменения, сама природа которых препятствует их изменению до тех пор, пока они остаются замкнутыми» [5, р. 87].

Сам он считает как фрейдовскую концепцию принципа удовольствия, так и его концепцию влечения к смерти, двумя ошибочными обобщениями психопатологических феноменов. В первом случае данный феномен обусловлен упорным стремлением пациентов сохранять свои внутренние миры в качестве закрытых систем, тогда как второй феномен, согласно Фэйрберну, обусловлен упорной попыткой пациентов «сохранять свою агрессию и либидо локализованными внутри границ закрытой системы во внутреннем мире» [3, с. 309].

После ухода первой секретарши Фэйрберна в начале 1940-х вскоре в его доме появилась вторая секретарша, миссис М. Макинтош. После смерти жены Фэйрберна в 1951 году его дружба с ней стала прочной, и в 1958 году они вступили в брак. Состояние его здоровья в этот период осложнялось случающимися время от времени

лихорадочными состояниями и гриппом. В ноябре 1959 года в Лондоне был устроен торжественный обед, организованный его психоаналитическими друзьями, в честь его 70-летия. В сентябре 1960 года Фэйрберн приехал в Лондон на похороны миссис Кляйн, чтобы отдать ей дань своего уважения. В 1963 году «Британский журнал медицинской психологии» посвятил Фэйрберну отдельный номер в знак благодарности за его вклад в развитие психоанализа. В этом же году он написал «Краткое изложение теории личности с точки зрения объектных отношений», в котором перечислил основные пункты своей теории. Осенью 1964 года в состоянии Фэйрберна наступило прогрессивное ухудшение, и в конце декабря 1964 года он умер.

Рональд Фэйрберн, совместно с М. Кляйн и Д. Винникоттом, стал одним из основоположников теории объектных отношений, в которой развитие личности основывается на переживаниях младенца в его ранних взаимоотношениях внутри семейного окружения, а не на разрядке интенсивных напряжений, порождаемых исключительно внутри индивида, как это было характерно

для классической фрейдовской точки зрения. По мнению его ученика и последователя Г. Гантрипа, «Фэйрберн проследил генезис базисного паттерна расщепления Эго, которое следовало за объект-расщеплением, описанным Кляйн, тогда как Винникотт ... продвинул исследование за пределы паттерна расщепления Эго к началу развития Эго во взаимоотношениях «мать-младенец» не как аппарата или системы Эго, а как целостного Эго» [1, с. 630]. Та опасность, на которую реагировал Фэйрберн, была незаметно подкрадывающейся дегуманизацией человека при отсутствии какого-либо адекватного описания его природы на личностном уровне. По мнению Дж. Сазерлэнда, Фэйрберн первым среди психоаналитиков предложил в систематической форме коперниканское изменение основ психоаналитической теории развития человеческой личности. Он заменил точку зрения науки XIX века, занимавшейся исследованием закрытой системы, концепциями открытой системы, развитие которых к середине XX века было связано с попытками объяснения развития живых организмов, в котором все время приходилось принимать во внимание вклад сопутствующего окружения.

Список литературы

1. *Гантрип Г.* Шизоидные явления, объектные отношения и Самость / Пер. с англ. В.В. Старовойтова. М., 2010. 662 с.
2. *Кляйн М.* Заметки о некоторых шизоидных механизмах / Кляйн М., Айзекс С., Райвери Дж., Хайманн П. Развитие в психоанализе. М., 2001. С. 424–466.
3. *Сазерлэнд Д.* Путешествие Фэйрберна в глубины психики / Пер. с англ. В.В. Старовойтова. М., 2019. 367 с.
4. *Fairbairn W.R.D.* Psychoanalytic Studies of the Personality. London, 1952. 312 p.
5. *Fairbairn W.R.D.* From Instinct to Self: Selected Papers W.R.D. Fairbairn / edited by Scharff D. and Birtless E.F. Jason Aronson, 1994, vol. I. P. 13–92.

Т. В. Наумова

ЭМИГРАЦИЯ УЧЕНЫХ КАК ИНДИКАТОР СОСТОЯНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

Аннотация. Проблема эмиграции в значительной степени носит характер «утечки умов». Это — известное явление, имеющее место во многих странах. В этом плане Россия не только не является исключением, но и выступает мировым лидером в области эмиграции ученых. Сама по себе такая проблема, как эмиграция ученых не нова. Но особую актуальность она приобрела в нынешних российских реалиях, что вызвано изменением социально-политической и культурной ситуации в современной России. Эмиграция ученых тесно связана и со многими вопросами современного гуманитарного знания, особенно в связи с происходящими в мире процессами модернизации и глобализации. Говоря об эмиграции ученых как объекте исследования отечественных специалистов, надо отметить, что эта проблема многие годы находилась на периферии внимания научного сообщества. Однако с конца 80-х гг. стали появляться работы по проблеме интеллектуальной миграции. Но в них практически не затрагивалась проблема эмиграции из России, интеллигенции, занятой в научной сфере деятельности. С середины 90-х гг. проблема эмиграции ученых стала одной из наиболее дискутируемых в отечественной научной литературе. Однако до сих пор недостаточно обобщающих работ, освещающих в комплексе наиболее важные проблемы, связанные с названной темой. Между тем эта проблема (кстати, весьма обширная) требует специального рассмотрения. Предметным полем исследования нами была определена четвертая, современная волна эмиграции ученых. В статье на основе социального и философского анализа определяются существенные параметры функционирования научной деятельности в России, социальные и культурные статусы науки и ученых в России, выявляются социокультурные последствия эмиграции ученых, как для развития науки в России; предлагаются меры по сохранению интеллектуального потенциала нашей страны. При исследовании данной проблемы мы опирались на современный уровень разработки этой проблемы и анализ реальных процессов, происходящих ныне в российской науке. Анализируя проблему эмиграции ученых из новой России, мы пришли к выводу, что она является следствием неблагоприятной ситуации, в которой ныне находится наука, особенно фундаментальная. Данная проблема остается актуальной как объект исследования до тех пор, пока не произойдут позитивные изменения в научной политике государства по отношению к науке, не появятся компетентные, высокопрофессиональные люди, отвечающие за её развитие.

Ключевые слова: эмиграция, ученый, государство, финансирование, престиж, статус, возраст, научно-техническое отставание, разрушение, материальные потери

T. V. Naumova

EMIGRATION OF SCIENTISTS AS AN INDICATOR OF THE STATE OF MODERN RUSSIAN SCIENCE

Summary. The problem of emigration is justice in the highest a «brain drain». This is a well-known phenomenon in many countries. In this regard, Russia is not an exception, but also a world leader in the emigration of scientists. The problem of scientists emigration is not new. In Russia, «brain drain» is associated with changes in the socio-political and cultural situation. The emigration of scientists is connected with many issues of modern humanitarian knowledge, and depends on the processes of modernization and globalization. The urgency of the problem of emigration of scientists from Russia is connected with the dissatisfaction of scientists with the reorganization in science. For a long time, the problem of emigration of scientists as an object of study

of Russian specialists was not interested in the scientific community. However, since the late 1980s, work on this issue has begun to emerge as a result of the lifting of the ban on the literature on intellectual emigration. These studies mainly discussed issues related to the first wave of emigration from Russia. And nothing was said about the emigration of scientists from Russia. Since the mid-1990s, the problem of emigration of scientists has become one of the most debated in the Russian scientific literature. Over the years, Russian social scientists have written a number of interesting works about the emigration of scientists. This problem now requires special consideration. In Russian history, there are four waves of emigration of scientists. I have identified the fourth modern wave of emigration of scientists. It started in the 1990s. The article analyzes the parameters of the functioning of science in Russia, social and cultural status of science and scientists in Russia, identified socio-cultural consequences of emigration of scientists for the development of science in Russia and the world as a whole; proposed measures to preserve the intellectual potential of our country. I came to the following conclusion. Emigration of scientists from Russia is a consequence of the unfavorable situation in science, especially in fundamental science. Competent, professional people should come to the government to make positive changes in Russia's policy towards science.

Key words: *emigration, scientist, state, financing, prestige, status, age, scientific and technical backwardness, destruction, material losses.*

Сохранение научного потенциала России, являющегося важным фактором культурного развития страны, прежде всего, зависит от ученых, тех, кто непосредственно занят в научной сфере деятельности. Ученый определяется как человек, получивший специальное образование и профессионально занимающийся научно-исследовательской деятельностью, состоящей в производстве научного знания, его распространении и применении в обществе, имеющий благодаря этому постоянный легальный источник дохода и соответствующий статус [21, с. 1025].

Негативное развитие ситуации в новой России привело к тому, что наука, которая за многие предшествующие десятилетия так много сделала для страны, перестала быть востребованной обществом. Причины современной эмиграции ученых тесно связаны с общим кризисом науки в России. Он вызван в первую очередь снижением доли затрат государства на финансирование науки. С начала 90-х гг. в связи со становлением России на путь капитализации науке был нанесен огромный ущерб, а последствия такой политики государства по отношению к науке стали разрушительными для нее. Это выразилось, прежде всего, в сокращении вложений в науку. Так за четыре последних года бюджет фундаментальной науки уменьшился почти на 20 млрд рублей [4, с. 205]. В результате ныне расходы государства на науку у нас составляют около 1% национального дохода, а у Российской академии наук — 0,15%.

Между тем в США — 2,8%, Японии — 3%, Израиле — 4%. Это свидетельствует о том, что наша страна отстает от стран-лидеров в научно-техническом отношении. По показателю общего

объема государственных инвестиций в научные исследования нас опережают не только крупные государства — Франция, США, Япония и Италия, но и небольшие страны — Финляндия, Швейцария, Израиль. Несмотря на то, что современная наука представляет собой чрезвычайно дорогостоящее предприятие, здесь государство обеспечивает достойное финансирование науки.

В нашей стране уровень финансирования науки почти такой же, как в слаборазвитых странах мира. Совершенно очевидно, что на протяжении всех лет постсоветского развития и до недавнего времени расходы, выделяемые государством на науку, были столь малы, что не способствовали ее нормальному развитию.

Конечно, вопрос финансирования науки государством как всякого общественного института тесно связан с перспективами экономического роста в стране, а экономика у нас уже давно находится в трудном положении. К тому же планы развития науки строятся на основе экономического прогноза, который может меняться. Поэтому государство намерено поддерживать фундаментальную науку, прежде всего, в зависимости от текущей экономической ситуации в стране, а также и от ситуации в мировой экономике. Тем не менее, у государства должны найтись средства на решение исследовательских проблем. Иначе, выражаясь словами Ленина, «экономив несколько сот миллионов на науке, мы можем потерять столько, что никакие миллиарды не восстановят потерянного» [10, с. 165].

Развитие российской науки предполагает обеспечение ученых современными материально-техническими условиями для проведения

исследований. Между тем отсутствие стабильного и должного финансирования науки привело к тому, что у нас существует примитивная научная инфраструктура, средний возраст научных приборов приближается к 30 годам, отсутствует необходимое финансирование информационного сопровождения научных исследований. Несомненно, это сказывается на ограничении возможностей исследовательской деятельности ученых и способствует их эмиграции из нашей страны в западные страны, где хорошо развита научная инфраструктура.

Одним из важных мотивов эмиграции ученых является политика государства в области заработной платы, а точнее, несправедливая оплата труда ученых¹. Ныне в значительной своей части ученые превратились в рядовых наемных работников, состоящих на службе у государства, по выражению чл.-корр. РАН Н.И. Лапина, в «бедных просителей». Такая ситуация наблюдается на протяжении всех лет социокультурных трансформаций в стране. Ученые лишились права на достойное вознаграждение за труд, достойный уклад и образ жизни, стабильное общественное положение. Большинство ученых имеет заработную плату, реально не соответствующую профессионализму, квалификации ученых, сложности выполняемой ими работы, и их трудовому вкладу. Так, до недавнего времени кроме Москвы и Санкт-Петербурга средняя заработная плата ученых составляла не более 35 тысяч рублей в месяц, а в Российской академии наук — ведущем научном учреждении страны, немного более 40 тысяч рублей. В начале 2018 г. государство удвоило заработную плату лицам, работающим в Российской академии наук. Однако в ответ оно потребовало от ученых увеличения количества научных публикаций. В связи с этим отметим, что подобное отношение к ученым свидетельствует о бюрократическом давлении на науку, ибо заставляет ученых заниматься не творчеством, а имитацией науки, и использовать недобросовестные приемы для накрутки наукометрических показателей [5, с. 915]. Заметим, что по истечении года ученые лишились пусть и незначительной прибавки к заработной плате. Поэтому по-прежнему они вынуждены искать дополнительные источники дохода, занимаясь преподавательской деятельностью, выполнять работы по грантам (кстати, основной доход высококвалифицированных ученых

связан именно с финансированием по гранту, а не с заработной платой), а нередко и в сферах, далеких от науки.

Конечно, у нас есть часть ученых, которые имеют высокий уровень доходов, сопоставимых с доходами российских бизнесменов. Однако это лишь единичные факты, как и то, что лица, занятые административной работой в научном учреждении или высшей школе, имеют зарплаты в десятки, а иногда и в сотни раз превышающие зарплату своих подчиненных.

В фундаментальной науке и, прежде всего, в Российской академии наук до недавнего времени заработная плата отставала от общероссийского уровня примерно вдвое. Между тем, как показывает мировая практика, уровень заработной платы ученых должен в 1,5–2 раза превосходить средний уровень. В середине 90-х гг. у нас началась масштабная структурная перестройка экономики. В результате общее число рабочих мест сократилось, в том числе в науке — 3 раза, больше, чем в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве. Однако практически никакого реального увеличения доходов лиц, занятых в науке, не произошло [18, с. 76].

Государство намерено обеспечить высокий уровень оплаты труда работникам науки. Однако это вряд ли осуществимо в ближайшее время. Основанием для этого служит то, что ресурс роста заработной платы в рамках существующих объемов государственного финансирования фундаментальной науки полностью исчерпан [15, с. 964]. К тому же государство готовится к оптимизации научных учреждений, т.е. сокращению численности лиц, занятых в науке и уже ранжировало академические институты в зависимости от их конкурентоспособности, чтобы отделить институты — лидеры от научного «гумуса» — квалифицированных, но не хватающих звезд с неба коллективов [6, с. 236–237].

Говоря об эмиграции ученых из России, стоит остановиться и на таком ее важном факторе, как престижность профессии ученого. Трансформационные процессы, происходящие в современных российских реалиях, привели к резкому снижению престижа и статуса науки и труда ученого. Причинами этого являются утрата интереса к развитию науки со стороны государства, отсутствие у него конструктивной политики в отношении науки. Повышение заработной платы научным работникам не обеспечило привлекательность научной деятельности для молодежи и не вернуло престиж научному труду.

¹ К слову, для интеллектуалов из Западной Европы заработная плата не является основной причиной эмиграции. Она связана с получением лучших организационных и других условий труда.

Радикально изменить негативную тенденцию в вопросе привлечения творчески ориентированной молодежи в науку может способствовать социальная программа поддержки молодых ученых. Речь идет о возможности повышения уровня образования в ведущих научных центрах России и за рубежом, с возвращением в свою страну с высоким уровнем знаний и квалификации, введение существенной дифференциации в оплату труда ученых, сохранив и значительно повысив уровень оплаты труда тем, кто занят в фундаментальной науке [8, с. 60–61].

Эмиграции отечественных ученых способствует и то, что в большинстве своем они не одобряют, проводимую в течение последних более чем пяти лет, политику государства по отношению к науке. Ибо она направлена не на реформирование науки, ее модернизацию для того, чтобы сделать науку действенным инструментом научно-технического и инновационного развития, а на разрушение наших исторических традиций, на которых держалась отечественная наука, уничтожение ее основ. Политика государства по отношению к науке ведется по разным направлениям. Это — намерение сократить число научно-исследовательских институтов и работающих в них ученых; превратить Российскую академию наук из ведущей в мире самоуправляемой научной организации в бюрократическую структуру, руководить которой должны так называемые эффективные менеджеры, изменить форму академической научной деятельности, ведущей не к сотрудничеству науки и образования, а к их противостоянию. Несмотря на сближение позиций Академии наук и государства по многим вопросам механизмы управления наукой по-прежнему остаются дискуссионными темами.

Вместе с тем, говоря об эмиграции ученых нельзя сбрасывать со счетов и чисто материальные соображения, желание обрести личное благополучие.

Подводя итог, можно сказать, что эмиграции ученых из современной России способствует целый ряд причин. Но основными ее факторами являются проблемы внутри самой науки. Российские ученые едут в те страны, в которых создана благоприятная среда для интеллектуального поиска, сама профессия ученого, в отличие от нашей страны, имеет достаточно высокий статус в обществе, и оплачивается адекватно его квалификации и где отечественные ученые получают возможность реализовать свои таланты в сфере науки, получить общественное признание, занять высокие научные позиции. Как отмечает один из отечественных

ученых, который хорошо знаком с ситуацией в науке в таких странах, как США, Великобритания, Германия, Израиль, часть российских исследователей заняла высокие научные позиции в тех странах, где они оказались, стала в них полными профессорами и членами академий [1, с. 144]. Ныне 17 ученых-эмигрантов из России являются членами Национальной академии наук США.

Эмиграция ученых из России не только продолжается по сей день, но и даже возрастает. Как отмечает академик РАН Н.К. Долгушин, число эмигрирующих докторов наук с 2013 г. по 2016 г. выросло почти в 2,5 раза [7, с. 704].

Эмиграция в основном характерна для ученых, работающих в области естественных и технических наук, ибо в этих областях науки мы по-прежнему остаемся одной из лидирующих стран в мировой науке, располагаем научными школами мирового уровня, и до сих пор в отдельных областях знания превосходим науку многих западных стран. Полученное нашими учеными хорошее базовое образование в области естественных и технических наук было на уровне передовых стран мира. Основу этого образования составляли фундаментальность, системность, глубина знаний. Это и позволяет российским ученым, обладающим высоким интеллектуальным потенциалом, быть вполне конкурентоспособными на мировом рынке.

К тому же эмиграция российских ученых, занятых в технических и естественных науках, связана и с тем, что многие западноевропейские страны, а также США испытывают нехватку специалистов, занятых в данных группах специальностей. Ибо в этих странах опережающими темпами развиваются науки гуманитарного профиля, и значительная часть исследователей сосредоточена именно здесь. Ведущие зарубежные страны могут позволить себе такую «гуманитарную роскошь» как подготовка специалистов-гуманитариев потому, что благополучие этих государств обеспечивают работающие на них в той или иной степени другие страны [17, с. 824].

Кроме ученых, занятых в естественных и технических науках, за рубеж уезжает и определенная часть российских ученых, занятых в социальных и гуманитарных науках. Однако из ученых этих областей знания за рубеж уехали лишь единицы. Дело в том, что далеко не всегда российские ученые-гуманитарии за рубежом могут рассчитывать на получение работы, которая соответствует квалификации и статусу ученого, и способствует его профессиональному и карьерному росту за рубежом.

В западных странах российские ученые — гуманитарии весьма уязвимы в условиях острой конкуренции на рынке труда, особенно если учитывать, что страны Запада принимают у себя не только ученых из России, бывших союзных республик, но и из стран Восточной и Южной Европы. Под влиянием процесса глобализации в западных странах происходит перенасыщение интеллектуального рынка труда в ряде областей науки, прежде всего — политических наук, социологии. В результате уровень безработицы среди ученых из нашей страны, занятых в социальных и гуманитарных науках, достаточно велик. В аналогичной ситуации находились русские ученые первой волны эмиграции, покинувшие Россию в начале 20-х годов прошлого столетия. Те из них, кто был занят в естественных науках, оказавшись в эмиграции, сравнительно легко находил работу за рубежом. В то время как представители гуманитарных наук сталкивались с проблемой дефицита рабочих мест, и немалому их числу, по словам критика Г. Струве, пришлось «идти в шоферы, рабочие автомобильных заводов, железнодорожные контролеры, маляры».

Важно то, что невостребованность российских ученых-гуманитариев за рубежом вызвана и тем, что научный уровень гуманитарных, да и социальных наук в советское время был невысоким. Исследования ученых-обществоведов в основном имели как бы «местный» характер и были направлены на теоретическую разработку сугубо отечественных проблем. Говоря о такой области гуманитарного знания, как философия, можно в подтверждение привести высказывания академика РАН В. А. Лекторского. Он отмечает, что «развитие нашей философской мысли шло практически в изоляции от развития современной мировой философии» [20, с. 9].

Дело в том, что у нас в течение долгого времени наблюдался существенный перекося в системе наук в пользу естественнонаучного знания в сфере исследований и преподавания. «Технократическая» ориентация исследований способствовала тому, что государство основное внимание уделяло техническим наукам, что определялось ранее, да в известной мере и сегодня чисто прагматическими ценностями. В то время как гуманитарные науки были отодвинуты на периферию научной жизни.

Сегодня в период смены приоритетов и ценностей в нашей стране стали готовить и специалистов гуманитарного профиля. Этот процесс получил название «звездного часа» гуманитариев. Их подготовка ведется не только в государственных (их у

нас 484), но особенно в негосударственных (частных) высших учебных заведениях (их число равно 149). В результате у нас произошла гипертрофированная гуманитаризация отечественной системы образования. Это выразилось, прежде всего, в том, что учебные заведения (особенно негосударственные) далеко не всегда обеспечивают необходимое качество подготовки специалистов-гуманитариев. И привело это к воспроизводству поколения малоквалифицированных и малопродуктивных представителей научной интеллигенции, которые не способны к занятию наукой и не могут найти себе применение, согласно полученной специальности не только в нашей стране, но и за рубежом [19, с. 878].

Говоря о невостребованности российских ученых-гуманитариев за рубежом, надо отметить, что они являются носителями особой культуры, специфики российского мышления. Покидая свою интеллектуальную среду, за рубежом ученые, занятые в гуманитарных, да и в социальных науках, нередко растворяются в западном научном мире, теряют творческий потенциал, свою культурную самобытность. Философ Г. Н. Вырубов, покинувший Россию в середине XIX в., считал, что «русскому человеку, даже подготовленному к пребыванию за границей и со знанием западной культуры и языков, очень трудно свыкнуться с чуждым для него образом жизни и культуры, ибо в этом смысле между Россией и Западом пролегла целая пропасть» [9, с. 304].

Однозначно оценить процесс эмиграции ученых из современной России невозможно. Он имеет весьма противоречивый характер и несет отечественной науке и стране в целом, как определенные преимущества, так и значительные потери.

К преимуществам, как положительное явление, можно отнести эмиграцию ученых из новой России, если считать ее компенсацией информационной самоизоляции нашей науки от мировой за десятилетия прежнего строя, нормализацией наших связей с мировым научным сообществом.

К тому же эмиграция содействует коммуникации между учеными, обмену научными и культурными ценностями, ведет к интеграции России в мировое сообщество. Особенно в условиях стремительного развития такого общемирового социального процесса, как глобализация, проявляющаяся в размывании межгосударственных границ. В свою очередь это способствует тому, что российские ученые получают возможность свободно обмениваться информацией, устанавливать личные контакты с зарубежными коллегами, проводить

совместные исследования, обмениваясь полученными результатами.

Вместе с тем эмиграция ученых из современной России имеет и серьезные негативные последствия не только для отечественной науки, но и для страны в целом. Прежде всего, эмиграция ученых приносит России огромные материальные убытки, исчисляемые миллиардами долларов. Ведь отечественные ученые вкладывают свои знания и интеллект в увеличение научно-технического потенциала других стран. Сегодня мировая наука — это, безусловно, интернациональная сфера знаний и опыта. Здесь достижения складываются из успехов не какой-то одной страны, а разных стран, в том числе и России. Иначе говоря, современная наука — интернациональна, но доходы от нее национальны.

Восстановление потерянного нами научного потенциала потребует немалых материальных затрат, в том числе и связанных с подготовкой кадров для науки (а это — дело трудное). Если бы специалисты, которые покинули нашу страну в период с 1970 по 2000-е гг. готовились в университетах США и Западной Европы, то на их подготовку пришлось бы потратить свыше 1 трлн долларов [14, с. 31].

В результате эмиграции ученых наша страна теряет значительную часть своего научного потенциала, особенно это касается наиболее квалифицированных специалистов, тех, кто склонен к творчеству, наделен высокой профессиональной активностью, способен развивать отечественную науку. В середине 2000-х гг. только в США работали 16 тысяч докторов наук из России, при том, что общее число докторов наук среди российских исследователей составляло 25 тысяч [11, с. 61]. Сегодня у нас ученых-исследователей почти в три раза меньше, чем было в 1991 г. По доле лиц, занятых в научной сфере в, общей численности населения Россия находится позади стран, развитых в научно-техническом отношении. Между тем без эффективно функционирующей науки наша страна будет играть вторые роли в мире, потеряет то, что пока еще позволяет ей соответствовать имиджу крупной державы и может оказаться на обочине мировой цивилизации. Этого необходимо избежать, чтобы сохранить собственную фундаментальную науку, еще существующую у нас.

В результате эмиграции ученых Россия выступает донором научных кадров для других государств, и как бы помогает странам Запада, и, прежде всего, США, являющихся основным потребителем научных кадров из других стран. На

американскую фундаментальную и прикладную науку практически работает большая часть всего мирового потенциала, в том числе и России, которая в значительной степени растет не на собственной, внутренней основе, а за счет иммиграции. Высказывается и противоположное мнение, согласно которому, не совсем верно утверждение о том, что иностранные ученые развивают науку в Соединенных Штатах, скорее, наоборот, США помогают тем, кто не может себя полностью реализовать в научной сфере деятельности. Дело в том, что научный рынок в этой стране обладает огромной вместительностью. Что касается науки в самих Соединенных Штатах, то и без эмигрантов она все равно бы развивалась. В этом суждении в определенной мере содержится доля истины, и с ним, пожалуй, нельзя не согласиться.

В результате эмиграции отечественных ученых проигрывает государство, ибо ученые, как правило, прерывают связь со своей страной. Конечно, многие ученые, уехавшие из России, особенно молодые, пытаются сохранить научные связи с оставленной ими страной. Это так называемая российская научная диаспора. Ее составляют ученые, которые получили подготовку в России, заняты в сфере научных исследований, активно поддерживают деловые контакты со своими коллегами, проживающими как за рубежом, так и — работающими в России.

Следствием процесса эмиграции профессионалов высокого класса является отставание России по эффективности науки. Ибо отечественная наука лишается лидеров мирового уровня. Подтверждением этому может служить то, что большинство американских лауреатов Нобелевской премии, премии Филдса¹, других почетных научных премий являются гражданами других государств, в том числе и России (российского происхождения), которые проживают в настоящее время за границей.

Эмиграция ученых из современной России является тормозом развития тех направлений в науке, которые соответствуют мировым стандартам, особенно в фундаментальной науке. И как следствие, усиливается научно-техническое отставание России от стран Запада. В связи с этим можно привести и обратный пример. Так, эмиграция евреев в 1970-х и 1990-х гг. способствовала становлению Израиля как крупного центра науки и техники. Здесь ученые из России составляют почти 40% научного потенциала этой страны.

¹ Филдс Джон Чарлз (1863–1932) — канадский математик. Он учредил фонд, из которого Международный математический союз присуждает премии молодым математикам.

Весьма примечательно, что в недавнем прошлом в нашей стране наблюдался стремительный процесс передачи духовного наследия, культурно-исторического опыта и ценностей от одного поколения ученых к другому. Особенно это было характерно для общественных наук. Но эмиграция ученых разрушает эти традиции, теряются заложенные в прошлом традиции передачи новым поколениям знаний и научной культуры. И как следствие, у нас может исчезнуть культурная почва для развития науки.

Значительную часть ученых, ныне покидающих Россию, составляют мужчины. Это, несомненно, ведет к существенному изменению демографического облика науки, ее феминизации и, следовательно, односторонности развития. Сейчас в нашей стране доля женщин-исследователей велика во всех областях науки. А некоторые из них — социальные и особенно гуманитарные являются в основном «женскими». Это свидетельствует о существовании некоторых российских культурных традиций, в соответствии с которыми женщины проявляют больший интерес именно к гуманитарному знанию. У нас численность женщин увеличивается и в естественных и технических науках (медицине, биологии, химии), которые еще недавно считались вотчиной мужчин. Как отмечал в конце XIX в русский экономист и социолог В. П. Воронцов, вопрос о допущении женщин к такой области науки, как медицина, вызывает особенные возражения в обществе, ибо «эта профессия не приличествует прекрасному полу» [3, с. 417].

Несомненно, что участие женщин в науке является положительным явлением, ибо делает эту сферу деятельности более человеческой, облагораживает социально-психологический климат в научных коллективах. Женщины в науке нередко работают не меньше мужчин. Сегодня женщины-исследователи являются носительницами стабильности, устойчивости, хранительницами традиций российского научного сообщества. Не будет большим преувеличением сказать, что в условиях кризиса, переживаемого отечественной наукой, в довольно большой степени наука сохраняется за счет женщин.

Вместе с тем численное преобладание женщин в науке над мужчинами может и отрицательно сказываться на ее развитии. В силу социально-биологических и психологических факторов, невысокого уровня профессиональной мобильности, менее благоприятной жизненной ситуации женщинам-представительницам научной интеллигенции труднее полноценнее реализоваться в профессиональной сфере, добиваться равных

с мужчинами успехов и сделать серьезный вклад в развитие науки.

Женщины-ученые имеют необходимые для профессиональной научной карьеры качества: организованность, трудолюбие, старательность, желание передать знания другим. Но они значительно реже генерируют идеи, среди женщин-ученых за редким исключением отсутствуют научные лидеры, создающие новые научные направления. В известной степени это можно объяснить сложившейся традицией, доминированием «мужской» системы ценностей¹, установками общества, тем, что всеми сферами руководят мужчины. Немаловажное значение имеет и существующее в обществе представление о более высоком интеллектуальном уровне мужчин по своей природе. Британский профессор Питер Лоренс считает, что тот, кто не признает изначальной разницы в умственном устройстве мужчин и женщин, попросту не желает замечать очевидное. Мужчины в среднем предрасположены к аналитической работе. Вместе с тем ученый призывает женщин и мужчин прекратить безнадежно затянувшийся спор: кто хуже и кто лучше, кто глупее и кто умнее. Нет ни глупых, ни умных, есть разные, и Питер Лоренс призывает ученых действительно, а не на словах уважать это разнообразие [12, web].

Конечно, к науке неприменимы никакие половые различия. Для того чтобы устранить гендерную асимметрию в научной сфере деятельности связанную с эмиграцией мужчин-исследователей, необходимо, чтобы российское государство осуществляло политику, направленную на создание благоприятных условий для жизни и творческой деятельности ученых. И тогда мужчины будут значительно реже эмигрировать из страны.

В контексте рассматриваемой проблемы следует отметить, что в значительной своей части Россию покидают молодые представители науки. В результате эмиграции ученых и перехода части их в другие сферы деятельности нами уже потеряно два-три поколения ученых, в основном в возрасте от 27 до 45 лет. В итоге эмиграция ученых ведет к старению лиц, занятых в научной сфере деятельности, принявшему угрожающие масштабы. Так, сегодня возрастной разброс нашей фундаментальной науки составляет от 30 до 100 лет. Что касается среднего возраста ученых Российской академии наук, то он превысил 50 лет, а каждый третий достиг

¹ «Духом» мужчин пропитан мировоззренческий климат. Потому-то мужчины и внесли наибольший вклад в создание науки, особенно это касается философских концепций и мировых религий.

пенсионного возраста. Между тем средний возраст ученых должен быть около 40 лет, как это наблюдается во многих зарубежных странах. К слову, во время расцвета нашей науки — в 1960-е — 1970-е годы средний возраст ученых равнялся 38 годам, а в некоторых крупных академических институтах число научных сотрудников в возрасте до 30 лет достигало от 50 до 85 %.

Согласно прогнозу специалистов, в ближайшее время в российской науке — и, прежде всего, фундаментальной — не останется высококвалифицированных специалистов моложе 50 лет. Нарушается оптимальное сочетание старшего поколения научных кадров и молодых. Российская наука просто лишится среднего слоя, состоящего из ученых в возрасте 35–45 лет, наиболее работоспособных и профессионально активных. Как свидетельствует мировая практика, профессиональная деятельность ученых, например, занятых в области естественных наук, наиболее эффективна в возрасте до 45 лет. Нельзя отрицать того, что возраст ученого в определенной степени негативно влияет на его творческие возможности, на тот вклад, который ученый вносит в развитие науки. В то же время наличие в отечественной науке, особенно фундаментальной талантливых, квалифицированных ученых старшего возраста имеет и положительные моменты. В современной России старшее поколение ученых пока еще составляет ядро науки. И в условиях ее существования общего системного кризиса науки возрастной консерватизм просто необходим.

Каковы же пути преодоления отрицательных последствий эмиграции ученых из современной России? Отвечая на этот вопрос, подчеркнем следующее. В эпоху глобальных исторических и цивилизационных перемен, активизации научных связей между странами, развития процессов глобализации прекратить эмиграцию ученых из России невозможно.

Ибо изменилась социальная, политическая и идеологическая обстановка в нашей стране, которая интегрировалась в систему взаимосвязей, сложившихся в мировом научном сообществе. К тому же в современном мире международные контакты ученых различных стран стали необходимой частью научной жизни.

Нельзя не учитывать и то, что переезд российских ученых в другие страны — это объективный процесс, в ходе которого происходит обмен тем лучшим, что накоплено той или иной страной в процессе ее развития, в частности учеными. Это способствует повышению уровня межкультурного и межнаучного понимания. Наука имеет свои

собственные законы развития. Поиск научной истины является результатом труда ученых многих стран. Происходящая ныне глобализация усиливает этот процесс.

В данном контексте важно и право отечественных ученых самим решать, где им лучше работать, ибо это универсальное человеческое право.

Как нам добиться того, чтобы с одной стороны, не ограничивать свободное передвижение российских ученых по миру, а с другой — сохранить научный потенциал нашей страны? Прежде всего, сохранение ученых и науки в России, особенно фундаментальной, которая формирует образ России в мире, невозможно без участия государства. По словам В.В. Розанова, «в России нельзя ничего сделать без Государя и без веры в него...» [13, с. 584]. От усилий государства по сохранению науки во многом зависит, сумеем ли мы удержать способных ученых в сфере науки или хотя бы сделать процесс эмиграции ученых менее болезненным как для науки, так и для страны в целом.

Это предполагает создание государством, властной элитой благоприятных условий для творческой деятельности ученых, чтобы они были бы сопоставимы с теми условиями, которые существуют в лучших университетах и исследовательских центрах мира.

Для минимизации процесса эмиграции ученых из России необходимо, чтобы отечественные ученые, выезжающие за рубеж для решения исследовательских проблем, по истечении определенного периода времени возвращались для работы в свою страну.

Не менее важно и то, что для минимизации процесса эмиграции ученых из России надо привлекать к работе в нашей стране представителей зарубежной науки, а также ученых из российской научной диаспоры. Это необходимо для того, чтобы процесс миграции ученых стал не односторонним (из России в США и развитые европейские страны), а двусторонним, объединительным процессом обмена специалистами, как это происходит во всем мире, «игрой для двоих», чтобы наша страна включилась в мировой процесс «циркуляции умов». Нельзя отрицать того, что ныне происходит обмен учеными. Иностранцы приезжают в Россию для чтения лекций, проведения семинаров, симпозиумов с целью ознакомления с научными исследованиями в нашей стране. Однако это происходит довольно редко, и они приезжают к нам на короткий период времени.

Сдерживанию процесса эмиграции ученых из России может способствовать сокращение

исследований до уровня, соответствующего реальным потребностям общества, состоянию экономики страны. Сегодня российское государство не может обеспечить высокий уровень поддержки всех направлений научных исследований. На это обратил внимание недавно ушедший от нас академик В.С. Степин [16, с. 376], который полагал, что «фронт современной науки настолько широк, что ни одна страна не может осуществлять исследования по всему этому фронту. Необходимо выбирать главные направления с учетом имеющихся ресурсов». Государство может выбирать приоритеты в науке и связанные с ними затраты.

Для предотвращения эмиграции ученых из страны необходимо уделять преимущественное внимание тем направлениям мировой науки, в которых российская наука уже является или в ближайшие годы может стать конкурентоспособной.

Кроме того, сдерживанию процесса эмиграции российских ученых будет способствовать

предоставление капитальных вложений на финансирование тех направлений исследований, которые отвечают научным приоритетам России и функционирование которых жизненно необходимо для сохранения научного потенциала страны...

И, наконец, что не менее важно, предотвращению эмиграции российских ученых могла бы способствовать поддержка государством лучших представителей отечественной научной элиты, особенно молодых, ибо от них зависит будущее науки в XXI столетии. Закончить нам хотелось бы словами русского философа С.Н. Булгакова, сказанными более 100 лет назад: «Каждый возраст имеет свои преимущества, и их особенно много имеет молодость с таящимися в ней силами. Кто радеет о будущем, тот более всего озабочен молодым поколением» [2, с. 80]. Таковы, на наш взгляд, основные, но не единственные пути преодоления эмиграции ученых из России.

Список литературы

1. *Амусья М.Я.* Интеграция российских ученых: Впечатления и мнения участников // Интеграция российских ученых в международное научное сообщество. Сб. науч. трудов. Спб., 2009. С. 136–151.
2. *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Сб. статей о русской интеллигенции. М.: Грифон, 2007. — 268 с.
3. *Воронцов В.П.* Интеллигенция и культура. Избр. соч. М.: АСТ Астрель, 2008. — 752 с.
4. Выступления кандидатов на должность президента российской академии наук // Вестник РАН. 2018. № 3. С. 200–221.
5. *Гринева А.В.* Научные публикации и наукометрические показатели как объект нечистоплотного бизнеса // Вестник РАН. 2018. № 10. С. 908–917.
6. *Дашичев В.И.* Наука не может и не должна управляться чиновниками // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 2. С. 222–243.
7. *Долгушин Н.К.* Выступление на Общем собрании членов Российской академии наук // Вестник РАН. 2018. № 8. С. 701–706.
8. *Ключарев Г.А., Попов М.С., Савинков В.И.* Образование, наука и бизнес: новые грани взаимодействия. М.: Институт социологии РАН, 2017. — 488 с.
9. Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. В 2 кн. М.: Наследие, 1994.
10. *Ленин В.И.* Полн. Собр. Соч. Т. 38. М.: Издательство политической литературы, 1967. — 667 с.
11. *Михалева М.Н.* Эффективность научных исследований в контексте воспроизводства научного лидерства // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 54–65.
12. *Наймарк Е.* О роли женщины в науке // Элементы. URL: https://elementy.ru/novosti_nauki/430104 (дата обращения: 21.02.2019)
13. *Розанов В.В.* Уединенное. М.: Издательство политической литературы, 1990. — 544 с.
14. *Рязанцев С.В., Письменная Е.Е.* Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка умов» // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 24–35.
15. *Стародубов В.И., Куракова Н.Г.* Оптимизация финансирования исследований и разработок в России: анализ соответствия проблем и решений // Вестник РАН. 2017. № 11. С. 963–973.
16. *Степин В.С.* Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. — 408 с.
17. *Тавокин Е.П.* Российское образование в оценке московских студентов // Вестник РАН. 2018. № 9. С. 819–825.
18. *Тихонова Н.Е.* Текущий кризис и занятость населения // Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. М.: Весь Мир, 2016. С. 66–85.
19. *Тишков В.А.* Гуманитарные науки в России // Вестник РАН. 2018. № 10. С. 878–885.
20. Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век. 1960–80-е годы. В 2 кн. Кн. II. 60–80-е гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. — 768 с.
21. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+; Реабилитация, 2009. — 1248 с.

Р. В. Мосолов

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВНЫХ ЗАДАЧАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Аннотация. В данной статье предлагаются новые точки развития социологии с позиции междисциплинарного взгляда и возможностей молодого поколения исследователей, родившихся в 1990–2000 гг. и заставших пик развития компьютеризации и информатизации российского общества в 2010 г., которые позволят социологии как системе продолжить эволюционирование, благодаря своевременной адаптации к новым условиям и возможностям. Впервые в современной отечественной социологии предлагается начать рассматривать социум как совокупность факторов, способствующих развитию личностных свойств индивидов (качеств характера), а социально-политические условия жизни в стране как систематическое, воспитательное воздействие, имеющее продолжительность в целую жизнь. Также впервые предлагается разработать более сложную, детализированную систему анализа социальных страт индивидов, содержащую не 3–5 социальных уровней (например, «рабочие», «средний класс», «капиталисты»), а до 100 социальных уровней, которая будет базироваться на количественном и качественном видах анализа больших данных, пришедших в российскую социологию вместе с появлением Интернета.
Ключевые слова: проблемы социологии, перспективы социологии, информационные технологии, иерархия индивидов, морально-нравственный диагноз, новые формы коммуникации, адаптация социологии к капитализму, И. М. Валлерстайн, М. Вебер, Ф. У. Тейлор.

R. V. Mosolov

TO THE QUESTION ABOUT PERSPECTIVE TASKS OF NATIONAL SOCIOLOGY

Summary. This article proposes new vectors of sociology evolution from a position of interdisciplinary view and young discoverers's opportunity, who was born in 1990–2000 and caught evolution's peak of computerisation and informatization in Russian society. New vectors will allow to sociology as a system to continue evolution due to timely adaptation to new condition and context. At the first time in modern Russian sociology offered to begin watching of a society as factor's complex, which are contribute to evolution of human's properties (personality traits), and social and political condition in the country as systematic, educative influence with duration as life. Also at the first time offered to develop system of analyzation social stratum with more difficulty and details, which will be to contain not 3–5 social levels (for example, «workers», «middle stratum», «capitalists»), but around 100 social levels. This system of analyzation will be to base on quantitative and qualitative forms of big data's analyzation, which has come to Russia together with an appearance of Internet.
Key words: problems of sociology, sociology perspectives, information technologies, hierarchy of individuals, moral and ethical diagnosis, new forms of communication, adaptation of sociology to a capitalism, I. M. Wallerstein, M. Weber, F. W. Taylor.

Поскольку одним из негласных факторов существования науки, как и любой другой системы, является регулярное движение вперед, то на каждом новом отрезке ее развития требуются идеи, которые будут представлять образ данного движения. Поэтому, в рамках настоящей статьи,

будет сформулирована некоторая система образов, которая могла бы послужить развитию современной отечественной социологии в условиях информационно-технологической эпохи.

В данной статье будут приведены идеи, которые могут послужить основой для

разрешения следующих кризисных тенденций в социологии:

- *низкая интеграция социологии* с информационными технологиями и более сложными инструментами статистической обработки данных. И. Валлерстайн, американский социолог, исследователь тенденций развития социологии, фокусирует внимание в монографии «Конец знакомого мира: Социология XXI века» на важности открытости науки к взаимодействию с др. дисциплинами: «Путь эмпирической науки на деле оказался менее демократическим, чем можно было предположить. Вскоре возник вопрос о том, кто способен рассудить спор между соперничающими искателями истины. Ученые отвечали, что это право может принадлежать исключительно научному сообществу. Но коль скоро научное знание с неизбежностью и необратимостью становилось все более специализированным, оказывалось, что лишь узкие сообщества ученых (представлявшие отдельные дисциплины) считались частью той широкой группы, которая была «уполномочена» определять истинность научного знания. Однако эти сообщества были столь же замкнутыми, как и круг философов, ранее считавших себя вправе судить о способностях друг друга проникать в суть естественного закона или законов природы» [1, с. 251];
- *отсутствие новой стратегии исследований* и грамотной интерпретации данных, получаемых в ходе изучения деятельности индивидов в Интернете как главном поле коммуникации в эпоху информатизации общества (реляционная социология). «Несмотря на то, что сетевые формы организации индивидуальных связей всегда были характерны для социальных общностей, именно на современном этапе, благодаря развитию транспортной инфраструктуры, телефонных сетей и Интернета, сеть стала новым понятием для описания общества. В современной социологии получил распространение «сетевой подход» как комплекс теоретико-методологических направлений, объединенных использованием понятия сети для объяснения социальных явлений, — который, по мнению многих исследователей, выступает одним из наиболее продуктивных, поскольку имеет потенциал для решения существующих проблем и ответа на возникающие задачи современной социологии» [11, с. 4];
- *низкая приспособленность инструментария социологии* и получаемых в ходе исследовательской работы результатов к условиям развития капиталистического общества. Д. В. Иванов, проф., д. соц. н., чтобы обратить внимание исследователей на данную кризисную тенденцию, вводит понятие «глэм-наука»: «Кризис внимания социологи ощущают, но свои ощущения осознают на языке дисциплины. В результате, профессиональное сообщество живет в ситуации кризиса внимания, обусловленного неактуальностью социальных наук, а переживает “парадигмальный кризис”, связываемый с множественностью теоретико-методологических позиций и подходов, воспринимаемой как угроза научному статусу дисциплины. Но многочисленные попытки разрешить этот “кризис” и тем улучшить положение дисциплины лишь усугубляют ситуацию, и социология превращается в *генератор вечных проблем* (курсив автора цитаты. — Р.М.): “структуры или действия”, “макросоциология или микросоциология”, “количественные методы или качественные методы”, “фундаментальное знание или прикладное знание”. На этом фоне глэм-наука (наука, адаптированная к капиталистическому обществу. — Р.М.) выступает как *поставщик актуальных решений* (курсив автора цитаты. — Р.М.)» [5, с. 145];
- *рассмотрение социальных фактов только посредством «сухой» констатации фактов* без упора на морально-нравственные идеалы, важность которых из века в век педалируется множеством философов. «Классические гуманитарные науки стремились отказаться от ряда оценок “блага и совершенства” на том основании, что видимые различия в этих оценках отражали лишь неразвитость чувства вкуса у их авторов» [1, с. 254];
- *отсутствие более полной иерархической структуры строения общества*, базирующейся не на 3–5 стратах, а на большем количестве страт, информацию о которых позволяют собирать и детализировать, в частности, современные информационные технологии (ИТ). «Можно исходить также из понимания того, что многообразие моделей человеческого поведения собственно и является полем нашего (социологического. — Р.М.) исследования, и потому к оценке возможного можно подойти, лишь отбросив наши представления об универсальном» [там же, с. 256];
- *низкая интеграция социологии с психологией* и как следствие отсутствие систем тестирования, ориентированных на определение объективного уровня развития индивида и его объективной, а не субъективной ценности для социума.

Сегментация индивидуальных предпочтений по критерию мотивации к научному творчеству

Наука в Российской Федерации не занимает первых строк в списке распределения государственного бюджета и финансируется преимущественно «по остаточному принципу», особенно в части фундаментальных исследований [3, с. 98].

Поскольку деятели наук, в частности гуманитарных, финансируются преимущественно в размере примерно от 1 до 2,5 размеров прожиточного минимума, то это создает условия низкой привлекательности науки в глазах студентов, будущего поколения ученых. Согласно пирамиде А.Г. Маслоу, чем выше в «пирамиде» уровень потребности индивида, тем больше для ее реализации требуется закрытие потребностей на всех предыдущих, ниже лежащих уровнях [12, с. 61]. В рамках рассматриваемого примера, это означает, что, чем ниже потенциальный размер оплаты ученого, тем ниже у молодого представителя науки есть желание и физическая возможность посвящать себя познанию и тем более героически ему требуется прожить жизнь, чтобы постигать науку, несмотря на высокую вероятность возможности оказаться за чертой бедности.

Поэтому и новаторские идеи, способствующие развитию конкретной области науки в России, более всего, будут представлять интерес преимущественно для тех, кто имеет естественную и неутолимую жажду знаний, мало зависимую от риска быть непонятым другими членами общества и коллегами по научной деятельности.

Примечательно, что имеется взаимосвязь между ученой степенью индивида и степенью участия в инновационных образовательных программах. Так, было установлено, что активное участие в инновационной образовательной деятельности принимают 18,5% индивидов без ученой степени, 44,2% кандидатов наук и 81% докторов наук [3, с. 68]. получается, что стремление к новаторству во многом зависит не только от желания индивида, но также и от имеющихся у него знаний в той предметной области, в которой он потенциально может совершить открытие.

Стоит отметить, что данная статистика также коррелирует с наблюдениями Ф. У. Тейлора, одного из отцов-основателей современного менеджмента, исходя из которых лучшие работники в коллективах, как правило, составляют собой меньшинство (соотношение докторов наук ко всем индивидам, имеющим ученую степень, составляет 25,24% на

2017 г. [19]. — *Р.М.*), но при этом их уровень квалификации предоставляет большой потенциал для того, чтобы поспособствовать значительному движению организации вперед.

Рассуждая о генезисе свойства новаторства, присущем профессионалам в своей области деятельности, Ф. У. Тейлор писал: «Высококвалифицированный механик, делающий каждый день нового рода работу, нуждается для того, чтобы выполнять ее каждый раз в наикратчайший срок, кроме основательного усвоения искусства резать металлы, еще и в обширных знаниях и опыте в отношении наиболее быстрого способа производства ручной работы каждого данного рода» [17, с. 77]. Автор говорит о появлении «огромных возможностей в области изобретения новых более быстрых методов производства всякого рода ручной работы, которые открываются перед всяким рабочим-профессионалом, поскольку он пользуется помощью администрации, основанной на научном изучении времени и рабочих движений в области его специальности» [там же, с. 77].

Уровень детализации и степени искаженности знаний об объекте

В современной отечественной социологии наблюдается следующая тенденция, которая наблюдалась и во всех предыдущие столетия: чем ниже уровень научной работы, тем больше в ней наблюдается поверхностный анализ объекта. Тогда как, наоборот, чем выше уровень научной работы, тем более она изобилует деталями и нюансами об объекте, часть которых в научной среде достигает заслуженного уровня «научной новизны» [15]. Чтобы проиллюстрировать данное утверждение, достаточно сравнить курсовую работу социолога-первокурсника, пришедшего обучаться на факультет лишь вследствие достаточного количества баллов для поступления, и монографию доктора социологических наук, каждое слово в содержании которой прошло проверку временем, стажем работы, и суровым, пристально-педантичным взглядом рецензентов.

Причем стоит отметить, что степень детализации проявляется не только в объеме знаний об объекте, позволяющем рассуждать о нем более-менее точно, но также в используемых методах обработки первичных данных. В частности, даже работы докторов социологических наук не всегда базируются на сложных методах статистической обработки информации. Тогда как, на наш взгляд, более точное знание об объекте способны дать не только

частотные распределения данных, представляющие начальный уровень владения аналитическим инструментарием, но и их синтез с другими методами обработки информации, такими как поиск корреляции [6], построение регрессионных моделей и т. д.

Овладение информационными технологиями, использование их в науке

Ученым-социологам до начала XXI в. при поиске информации приходилось опираться преимущественно на качественные методы (контент-анализ, глубинное интервью и др.) или количественный метод (массовый опрос) сбора данных. Тогда как начало XXI в. значительно расширило количество имеющихся первичных данных, чему, исходя из наблюдений, значительно способствовали следующие факторы:

- *массовая информатизация общества*, позволявшая накапливать первичные данные о поведении пользователей прямо в режиме онлайн через Интернет, поскольку многие из индивидов начали использовать информационные технологии для повседневной коммуникации в семье или на работе;
- *расширение культурных границ и стандартизация языка*, которые поспособствовали тому, что результаты научных исследований стали открыто публиковаться в Интернете, доступ до которых теперь возможен из любой точки мира при наличии знания международного языка — английского.

Вышеупомянутые факторы позволили начать говорить о необходимости изменения исследовательской стратегии поведения. В условиях российских реалий становится важно не столько умение собирать первичные данные, сколько уметь анализировать большие массивы уже готовых первичных данных, ежедневно собираемых тысячами ученых по всему миру, и грамотно интерпретировать их.

Информационные технологии, на наш взгляд, также должны способствовать автоматизации рутинных, ручных процессов и внедрению в исследовательскую практику принципа Ф. У. Тейлора [9]. Речь идет о принципе рационального расходования ресурсов посредством ведения хронометража действий исследователя на компьютере и экономии времени на оптимизации слишком продолжительных операций. Информационные технологии позволяют реализовать этот принцип.

Также в преподавательской среде, причем не только в сообществе социологов, имеется проблема бюрократического характера, связанная с документооборотом и заполнением форм отчетности. Помимо того, что данная деятельность отнимает большое количество исследовательского времени, которое могло быть направлено на занятия фундаментальной наукой, она также не учитывается при ежемесячной оплате труда специалистов. Это ставит вопрос о создании готовых компьютерных шаблонов, которые будут минимизировать время, требующееся на отчетность, а также вести хронометраж того, сколько времени преподаватель потратил на заполнение документации (как правило, социологи занимаются не только прикладными исследованиями в «поле», но и преподавательской деятельностью в институте).

Изучение и всесторонний анализ новых форм коммуникации между индивидами

С появлением Интернета начали появляться не только новые аналитические инструменты, но и новые формы коммуникации между индивидами:

- электронная переписка;
- отправка голосовых сообщений;
- общение по видеосвязи;
- использование искусственного языка общения, т. н. «эמודзи» [8].

Однако стоит сказать, что с появлением новых форм коммуникации индивидов практически не изменились сами принципы общения индивидов друг с другом. Например, индивиды по-прежнему предпочитают общаться с себе подобными. Единицей анализа при углублении в анализ Интернет-среды должно стать письменное слово, которое индивиды используют в любом допускающем это месте, начиная с социальных сетей, продолжая комментариями к постам (как способ публичного выражения своего отношения к тому или иному социальному явлению), заканчивая различными тематическими Интернет-форумами. При этом становится крайне актуален и необходим контент-анализ.

Помимо анализа текста, требуется анализировать личные фотографии пользователей, стремясь тем самым ответить на вопрос, почему индивид выбирает именно эту стратегию самопрезентации в Интернете, выраженную совокупностью определенного количества, качества и характера фотографий, а не какую-либо еще. Требуется изучение голосовых сообщений индивидов, фиксация продолжительности времени между их отправками,

уместность их чередования с текстовыми сообщениями, определение роли интонации голоса на протяжении всего сообщения и степень ее воздействия на слушателя по другую сторону электронного устройства.

Адаптация социологии к глобализации российского общества

Одной из наиболее острых проблем развития социологии в России является то, что наука имеет мало точек соприкосновения с решением актуальных, прикладных общества. Вследствие этого престиж социологии в глазах молодых ученых падает, и они стремятся переходить либо в коммерческую сферу, либо заниматься чем-либо еще, более необходимым для общества (с позиции их видения).

Здесь речь идет о том, что представителей социологического склада ума воспринимают как «гуманитариев», ценность которых не совсем ясна, а если ясна, то имеет более низкий приоритет относительно всех других направлений деятельности в условиях капиталистической модели общества.

Поскольку одним из факторов продолжительного существования элементов в обществе является конкурентоспособность [4] социальных элементов (отдельных индивидов, профессиональных групп и др.), то имеется потребность адаптировать методы, используемые в социологии, к решению задач внутри малых коллективов, чаще всего, представленных в российском обществе в виде малых предприятий. Имеется необходимость в том, чтобы сделать социологические исследования более «конкурентоспособными», то есть выстраивать их реализацию так, чтобы результат был оправдан. На наш взгляд, достижение этой цели возможно благодаря фиксации результатов в формате «до-после», когда социологические коллективы или отдельные исследователи стремятся количественно фиксировать все то, что происходило внутри коллективов до их прихода в него и после (качественные и количественные показатели улучшений).

Возможно, стоит перенять в этом отношении часть идей от упомянутого ранее Ф. У. Тейлора, который стремился повсеместно вести хронометраж действий сотрудников, собирая любые доступные сведения и систематизируя их, впоследствии выделяя главное и усиливая его, благодаря чему ему удавалось повышать эффективность компаний в 2–4 раза. Приведем пример из его работы, иллюстрирующий данную мысль: «В результате дальнейшего изучения вопроса (вопроса, как

повысить эффективность кладки кирпича. — Р.М.) было установлено, что немедленно после выгрузки кирпича из телег и перед тем, как доставить его каменщикам, должна производиться тщательная сортировка его специальным рабочим. После этого, кирпичи кладутся своей наиболее гладкой поверхностью на простую деревянную доску, устроенную так, чтобы позволить каменщику брать каждый отдельный кирпич с наибольшей скоростью и наиболее удобным для себя образом. Таким образом, каменщик избавляется от необходимости поворачивать кирпич перед глазами каждой стороной и каждым концом для того, чтобы рассмотреть его перед тем, как уложить. Он сберегает тем самым время, затрачиваемое им на то, чтобы решить, каким краем и каким концом лучше всего положить кирпич так, чтобы он приходился с внешней стороны стены. В большинстве случаев, он сберегает также и время, затрачиваемое на то, чтобы доставать отдельные кирпичи из беспорядочной кучи, лежащей на лесах. Упорядоченные стопки кирпичей (так м-р Джильбрет называет свои нагруженные кирпичами деревянные доски) устанавливаются подручным рабочим в надлежащем положении на передвижной платформе в непосредственной близости к шайке с раствором цемента» [17, с. 53].

Почему специалисты отдела кадров, тоже «гуманитарии», нужны практически в любой организации, в том числе в небольшой, а социологи, которые способны подходить к любой решаемой задаче с использованием научного, а, значит, более высокотехнологичного подхода, воспринимаются, в основном, как представители статьи «лишних расходов»?

В связи с приведенными аргументами, на наш взгляд, социология должна доказать, начиная с освоения небольших «полей» и переходя к более крупным, что именно внедрение научного подхода ведения дел позволит повысить международную конкурентоспособность России и человеческий капитал жителей страны, а также реализовать идею, зафиксированную в серии национальных проектов [14] президентом России, В. В. Путиным, от 7 января 2018 г.

Постановка морально-нравственного диагноза обществу

На научных, социологических конференциях, впрочем как и на студенческих, университетских докладах, чаще всего, результаты социологических исследований озвучиваются, как есть, без дополнительных комментариев и выражения точек зрения самих исследователей.

Безусловно, мы ценим научную традицию безличностного изложения материалов. Однако крайне важно не путать безличностный подход с подходом безответственным. Социолог, подобно философу, должен не просто публично оглашать результаты, «сухие факты». Он должен иметь ориентиры того, каким общество должно быть на основе ретроспективного анализа опыта развития множества стран; должен досконально знать, что ведет общество к эволюции, а что к деградации; и должен на основе знаний выносить объективное заключение об морально-нравственном уровне развития общества.

Примером иллюстрации настоящей идеи служит статистика Росстата, согласно которой более 50% браков не только в России, но и в мире распадаются [18]. Озвучивать подобное на публичных конференциях, не добавляя при этом, что данный факт свидетельствует о деградации граждан, о падении их ответственности за других, прикрывая данное явление всевозможными политкорректными терминами о мнимой «свободе жизни», поскольку как социологи мы знаем, что индивид ограничен законами, уровнем дохода, уровнем социального статуса членов семьи и множеством других факторов, равносильно тому, как если спасатель МЧС, наблюдая за потоплением судна, будет сухо констатировать, что сегодня на одно судно в стране становится меньше.

Мышление носителей социологического знания должно базироваться не только на высоком профессионализме, но и на высоких морально-нравственных законах, например, которые были описаны немецким философом И. Кантом: «Еще больше чем все предыдущее (написанное философом до начала главы, из которой взята цитата. — *Р.М.*) говорит нам тот факт, что некоторые познания покидают поприще всякого возможного опыта и с помощью понятий, для которых в опыте нигде не может быть дан соответствующий объект, по-видимому, расширяют сферу наших суждений за пределы всякого опыта.

Именно к области этих последних знаний, которые выходят за границы чувственного мира и не могут пользоваться руководством и проверкой опыта, относятся исследования нашего разума, считаемые нами по их важности более значительными и по их конечной цели более возвышенными, чем все, чему рассудок может научиться в области явлений. Мы готовы пойти на что угодно, даже с риском заблудиться, чем оставить такие важные исследования вследствие какого-либо сомнения или из пренебрежения и равнодушия к ним. Эти неизбежные

проблемы самого чистого разума суть Бог, свобода и бессмертие. Наука, стремящаяся с помощью всех своих построений добиться в [конечном итоге] исключительно лишь разрешения этих задач, называется метафизикой; ее метод вначале имеет догматический характер в том смысле, что она уверенно берется [за эту задачу] без предварительного испытания способности или неспособности разума выполнить такое великое предприятие» [7, с. 56].

К морально-нравственному подходу в интерпретации социальных фактов следует прибавлять уже внутри одного из основных базовых социальных институтов, формирующих «ячейки общества», — института образования. С.В. Чернов, рассматривая важность развития не только интеллекта, но и морально-нравственных качеств у индивидов, приходит к следующему выводу: «Вспомним ещё раз, что философы-просветители придавали огромное значение развитию человеческого разума и этической составляющей человека. Они считали, что всеобщее просвещение сделает человека не только более разумным, но и более добродетельным. Но так ли это на самом деле? Разве не приходилось вам встречаться с высокообразованными мерзавцами, равно как с малообразованными порядочными людьми? Может быть роль и значение всеобщего образования преувеличены?» [20].

Сбор и систематизация данных об иерархических уровнях развития индивидов

Социология до момента появления 6-томного труда, в составе которого «Дух позитивной философии» О. Конта (1844 г.) [10], родоначальника социологии как самостоятельной науки, накопила некоторый объем как количественных (например, результаты опросов), так и качественных данных (например, транскрипты интервью, результаты контент-анализа и др.), систематизация которых могла бы позволить подробно описать каждый уровень развития индивидов, поскольку в основе всякого общества лежит иерархическая структура, где каждый элемент данной иерархии способен стать описанным с помощью элементов, окружающих его жизненных обстоятельств, систематически оказывающих влияние на последнего.

Стоит подчеркнуть, что речь здесь идет не о 3–5 уровнях (стратах), которыми, чаще всего, ограничиваются теоретические труды множества ученых, а об описании значительно большего количества уровней, что становится возможным благодаря накоплению больших баз социальных данных

и использованию IT-технологий для их статистической обработки. То есть социологии с ее богатством, примерно 190-летним массивом данных как о внешней, так и о внутренней сторонах жизни индивидов по силам решить задачу, предполагающей разработку более комплексной классификации разделения индивидов в обществе на уровни, в которой, скорее всего, примет участие не одно поколение ученых — столь масштабна и велика задача детализации уровней развития индивидов.

В связи с этим, социология также способна разработать новый инструментарий для одной из своих «гуманитарных коллег», психологии, поскольку на пересечении знаний двух данных наук предстоит появиться качественно новому методу тестирования: *«тестирование на определение социально-иерархической значимости индивида для общества, на определение уровня развития»*. Если большинство психологических тестов прошлого были ориентированы на выявление субъективных характеристик индивида, мало сопоставляемых со внешней средой, способствующих, с одной стороны, его самопознанию, с другой стороны, его самовосхвалению, то тестирование, разработанное на стыке пересечения социологии и психологии должно определять истинную полезность индивида для общества и половину вопросов базировать не на субъективных мнениях индивида о самом себе, а на анализе объективных обстоятельств его жизни, в которых тот обитает как в справедливом, зеркальном отражении того, на что он действительно способен, и которые отражают истинный уровень полезности последнего для общества и заслуженность занимаемого социального положения.

Социум как система факторов для формирования субъективных свойств индивида

В классической, российской социологии нет ни одной фундаментальной теории, в которой общество рассматривалось бы как совокупность жизненных условий, при участии в которых на индивида регулярно оказывается тот или иной вид воспитательного воздействия (получаемого от родителей, социальных институтов, директоров, рабочих коллективов и т. д.).

В органицизме Г. Спенсера индивид есть часть социального организма: «Мы переходим теперь к последней из тех трех видов Эволюции, которые были указаны в “Основных Началах”: Неорганическая, Органическая и Над-Органическая. Над-Органическая Эволюция может подходящим

образом быть отделена от органической включением в нее всех тех процессов и продуктов, которые предполагают координированную деятельность многих индивидов. <...> Влияния, оказываемые обществом на природу своих единиц, и влияния единиц на природу общества постоянно кооперируют друг с другом в производстве новых элементов. По мере того как общества увеличиваются в объеме и строении, они производят глубокие изменения друг у друга, то путем военных столкновений, то путем промышленных отношений» [16, с. 252–253].

В структурном функционализме Р. Мертона индивид — носитель функций, необходимых для жизнеобеспечения социальной системы: «Возникнув отчасти на основе сугубо математического смысла этого термина (речь идет о термине “функция”. — Р.М.), данное словоупотребление чаще всего явно заимствуется из биологических наук, где термин “функция” относится к “жизненно важным или органическим процессам, рассматриваемым в том отношении, в котором они способствуют поддержанию жизнедеятельности организма”. С поправкой на изучение человеческого общества это довольно близко к ключевому понятию функции, принятому антропологами-функционалистами, теми, кто исключительно или отчасти занимается функциональным анализом» [13, с. 108].

Таким образом, нет ни одной теории, где социум воспринимался бы подобно военному полигону, где апробируется и создается посредством обращения к силе воли все то лучшее, на что способен индивид. На наш взгляд, это большое упущение, которое ведет к тому, что внимание социологов чрезмерно обращается на социально-демографические характеристики (пол, возраст, национальность, уровень дохода индивида и т. п.), но только не на личностные, субъективные свойства (качества характера) индивида, которые и составляют его истинный, жизненный актив.

В «понимающей социологии» М. Вебера утверждается, что индивид есть единица, наделяющая социальные факты определенным социальным смыслом и что социолог должен исследовать причины, по которым один и тот же социальный факт разными индивидами наделяется разным смыслом.

«В поведении (Verhalten) людей (“внешнем” и “внутреннем”) обнаруживаются, как и в любом процессе, связи и регулярность. Только человеческому поведению присущи, во всяком случае полностью, такие связи и регулярность, которые могут быть понятно истолкованы. Полученное посредством истолкования “понимание” поведения

людей содержит специфическую, весьма различную по своей степени качественную “очевидность”. Тот факт, что толкование обладает такой “очевидностью” в особенно высокой степени, сам по себе отнюдь не свидетельствует об его эмпирической значимости. Ибо одинаковое по своим внешним свойствам и по своему результату поведение может основываться на самых различных конstellациях мотивов, наиболее понятная и очевидная из которых отнюдь не всегда является определяющей. “Понимание” связи всегда надлежит — насколько это возможно — подвергать контролю с помощью обычных методов каузального сведения. прежде чем принять пусть даже самое очевидное толкование в качестве значимого “понятного объяснения”» [2, с. 495].

Требуется дополнить данную теорию, задавшись вопросом — как меняется отношение индивидов к социальному факту, в зависимости от их

уровней развития — поскольку то, что положительно и актуально для одного, для другого будет малополезно и не нужно. Хотя «понимающая социология» считается теоретическим фундаментом качественных методов исследования субъективного восприятия реальности индивидом, но даже она не предлагает изучать личностные качества индивида, а не только внешние атрибуты его жизни. Почему социологам интересно то, какой, в среднем, доход получают граждане населения, а не то, каким образом это влияет на само население, с эволюционной точки зрения, и какие личностные качества изо дня в день формируются у его представителей под влиянием данного фактора жизни? В социологии будущего становится насущным вопрос смещения акцентов внимания с анализ внешней среды к анализу характера ее воздействия на индивида и анализу данного воздействия с позиции, в том числе, морально-нравственных законов.

Список литературы

1. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. — М.: Логос, 2003. — 368 с.
2. *Вебер М.* Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с. — (Серия «Социологич. мысль Запада»).
3. *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* и др. Модернизация российского образования: проблемы и перспективы. Монография. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2010. — 352 с.
4. *Драгунова И.В.* Оценка конкурентоспособности в сфере услуг // Экономический журнал. №19. 2010.
5. *Иванов Д.В.* Актуальная социология и глэм-наука // Социология науки и технологий. 2014. №2. С. 137–150.
6. *Искаков Б.И.* Статистика на стыке наук. Основы социоэкономической физики // Транспортное дело России. №10. 2011. С. 66–70.
7. *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. — М.: Наука, 1999. — 655 с. — (Серия «Памятники философской мысли»).
8. *Китова Е.Б.* Общение в интернет-среде и «Универсальный язык» эмодзи // Вопросы теории и практики журналистики. №4. 2016. С. 654–664.
9. *Козлов В.О.* История возникновения американских концепций научного менеджмента // Вестник Поволжского института управления. №6 (39). 2013. С. 97–103.
10. *Конт О.* Дух позитивной философии / Пер. с фр. И.А. Шапиро. — Ростов н/Д: Феникс, 2003. — 251 с. — (Серия «Выдающиеся мыслители»).
11. *Мальцева Д.В.* Сетевой подход в социологии: генезис идей, современное состояние и возможности применения: дис. ... магистра социологии. Российский гос. гуманитарный университет, Москва, 2014.
12. *Маслоу А.Г.* Мотивация и личность. 3-е изд. / Пер. с англ. — СПб.: Питер, 2008. — 352 с. — (Серия «Мастера психологии»).
13. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. — М.: АСТ, 2006. — 873 с.
14. Официальный сайт правительства Российской Федерации. Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты [Электронный ресурс] // URL: <http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ98OOwAt2dzCIAietQih.pdf> (дата обращения: 23.04.2019).
15. *Пономарев С.В., Мищенко Е.С.* Методические рекомендации по формулированию научной новизны в автореферате диссертационной работы // Вестник Тамбовского государственного технического университета. №3. 2011. С. 853–860.
16. *Спенсер Г.* Синтетическая философия: Пер. с англ. — К.: Ника-Центр, 1997. — 512 с. — (Серия «ПОЗНАНИЕ»; Вып. 2).
17. *Тейлор Ф.У.* Принципы научного менеджмента: Пер. с англ. А.И. Зак. — М.: Контроллинг, 1991. — 104 с. — (Б-ка журн. «Контроллинг». Сер. «Классики менеджмента»; Вып. 1).
18. Федеральная служба государственной статистики. Разводы [Электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo32.xls (дата обращения: 23.04.2019).
19. Федеральная служба государственной статистики. Численность исследователей (по областям науки; по возрастным группам; по ученым степеням; по субъектам Российской Федерации) [Электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/nauka/t_3.xls (дата обращения: 27.04.2019).
20. *Чернов С.В.* Наука и образование в ракурсе XXI века // Научные труды Института Непрерывного Профессионального Образования. №3. 2014.
21. *Чернов С.В.* Человек и образование в эпоху глобальных перемен // Научные труды Института Непрерывного Профессионального Образования. № 6. 2016. С. 9–20.

ПОЭТИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА

А. Григорьев

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАНТАЗИИ АРКАДИЯ ГРИГОРЬЕВА

Аннотация. Я много раз слышал, что история не имеет сослагательного наклонения. А мне кажется, что их бесконечное множество, и мы живём в одном из них. Существуют, возможно, параллельные миры, где жизнь проложила себе совсем другой путь. Например, битву при Ватерлоо выиграл Наполеон. Что, если Россия ограничилась Февральской революцией? Ну, да ладно, — это, конечно, домыслы. Просто, в какой-то период моей жизни мне захотелось побывать на пиратском корабле, совершить с Магелланом кругосветное плавание, пообедать с Иваном Грозным, встретиться лицом к лицу с Нострадамусом... Вот я и попытался. А что из этого получилось судить не мне.

Ключевые слова: история, флибустьер, гусары, Грозный, Страдивари, вызов, Магеллан, видения, пусть время рассудит.

A. Grigoriev

HISTORICAL FANTASY OF ARKADY GRIGORIEV

Summary. I have heard many times that a history has no subjunctive mood. And it seems to me that there are an infinite number of them, and we live in one of them. There may be parallel worlds where life has made a completely different path for itself. For example, the battle of Waterloo was won by Napoleon. What if Russia was limited to the February revolution? Well, oh well — this, of course, conjecture. It's just that at some time in my life I wanted to go to the pirate ship, make a round-the-world voyage with Magellan, have dinner with Ivan the Terrible, and meet Nostradamus face to face ... So I tried. And what came out of it was not for me to judge.

Key words: history, filibuster, hussars, Ivan the Terrible, Stradivari, challenge, Magellan, visions, let time judge.

Флибустьер

Собрались пираты на сходку свою.
Погиб капитан в абордажном бою.
Два старых корсара — почетный эскорт —
Подняли и бросили тело за борт.
Качаясь, светил корабельный фонарь...
Был выбран пиратами новый главарь —
Храбрец, навигатор, английский барон,
Всегда соблюдавший пиратский закон.

С остатками бывших хороших манер,
Добычу делил молодой флибустьер.
«Вчера, когда шли мы на абордаж,
Сказал капитан, поднимая палаш,
Я чую погибель и если убьют,
Отдай мою долю в сиротский приют.
Поверь мне, товарищ, прошу неспроста.
Я вырос в приюте, я сам сирота».

— Добычу дели — зашумела толпа.
Что думать о мертвых, фортуна слепа.
«Он был ближе брата» — сказал флибустьер —
«Мы вместе бежали с испанских галер».
Молчали пираты, качался фонарь...
Тут вышел на круг невысокий пушкарь.
Суровый на вид пожилой канонир.
— Зачем нарушаешь закон, командир.

Коль кто-то на сходку живым не пришел,
То доля заносится в общий котел.
Заносится доля и делу конец;
Будь то капитан или просто боец.
Кричала команда, качался фонарь,
Низложен пиратами прежний главарь.
Храбрец, навигатор, английский барон,
Всегда соблюдавший пиратский закон.

— Пять лет как мы вместе. Пять лет — это срок...
И наш приговор будет добр, но строг.
Вон остров в дали — канонир показал —
Получишь две доли, мушкет и кинжал.
Немного еды и настойку из трав.
Пусть время рассудит кто прав, кто не прав.
Смотри на две кучи дукатов и крон,
И думай, зачем ты нарушил закон.

Оставлен на острове падший кумир.
Корабль повел пожилой канонир.
Старался по звездам дорогу найти.
Пушкарь был хороший, но сбился с пути.
На утро подкрался военный корвет.
И грохнул из пушек последний привет.
Затихли пираты на илистом дне.
Добыча досталась испанской казне.

Гусарская история

— Проснись, полковник, дело плохо.
Пока валялся пьяный в дым
Твоя красавица, дуреха,
Ушла с поручиком штабным.

«Чего ты мелешь?! Что за бредни?!
Какой поручик?! Где рассол?!»
— Крутился тут один намедни,
Тебе депешу клал на стол.

«Ай, негодяй! Сейчас по коням!
Догнать немедля наглеца!»
Несет гусарская погоня,
Не зная края и конца.

А тут обоз французский с грузом
Вдруг показался! Как назло.
Полковник закричал: «Французы!
Гусары! Сабли наголо!»

Атака кончилась мгновенно.
Враги оружие сдают.
В четыре раза больше пленных
Сто пятьдесят гусар ведут.

Да! Это многих дел почище.
Без жертв, без крови так успеть.
Сам полководец, Голенищев,
Пришел на чудо поглазеть.

— Хвалю за храбрость и уменье.
Считай «Владимира» своим.

Тотчас отправлю представленья
Я самым борзым верховым.

— Умно, умно, я это вижу,
Своим командуешь полком.
— А ну-ка, подойди поближе —
Шепну вопросик на ушко.

Скажи-ка... Правда, что без спроса
Штабной поручик, лиходей,
Увел красотку из под носа,
А ты прошляпил, ротозей?!

За кем так рьяно нынче гнался?
За похитителем невест?!
А на пути француз попался?!
Пойдешь, голубчик, под арест!

«За что же мне такая доля?
Чем заслужил плохую весть?»
— А тем, что ты, гусар, позволил
Штабному девушку увести.

Магеллан

— Что тревожит вас, идальго,
Рыцарь шпаги и креста?
Не почтил король медалью?
Так ведь это суета.

Или, вспомнив канонаду,
Ноет рана за плечом?
Нет — ответственвал Фернандо —
Рана вовсе ни причем.

Я понюхал в жизни порох,
Долг исполнил как сумел.
И не стар- всего под сорок,
А остался не у дел.

Кроме чести не имею
Никаких других богатств.
Но несу в себе идею
Выше золота и графств.

Если выслушать не трудно,
То поведаю легко.
Нужно лишь большое судно,
Да полсотни моряков.

За штурвалом днем и ночью
Я, Фернандо Магеллан,

Проплыву — я знаю точно —
С океана в океан.

Смеясь, покинул слободу
Царь Иоанн Василич Грозный.

Целковый

С востока хворый ветер дул.
Январским вечером морозным
Нежданно прибыл в слободу
Царь Иоанн Василич. Грозный.

Засуетилась слобода...
Великий страх застыл на лицах.
Опять приехала беда —
Не дай-то бог чем провиниться.

Что не по нем — на острый кол!
Иль узелок тугой за ухо...
Скорее трапезу на стол,
Да в погреба за медовухой.

Царь отобедал в тишине;
Назад откинулся со вздохом.
— Ну а теперь угодно мне
Послушать Тимку — скомороха.

Царю перечить- дело плохо...
Где Тимофей?! Да чтоб он сдох!
Упился с полудня Тимоха —
Лежит в бесчувстве скоморох.

Повсюду пьяного искали,
Но так и не могли сыскать.
Бледнеет слобода щеками,
Не зная, что царю сказать.

— Ну?! Где же Тимка наконец?!
Куда девался бестолковый?!
Кто мне укажет, где стервец,
Тому расщедрюсь на целковый.

Такое будет моё слово!
А не найдете — всем плетей...
Но тут из под стола царёва
Тихонько выполз Тимофей.

Царь в гневе — Смерда запороть!
По снегу проволочь в оковах!
Но молвил скоморох — «Погодь,
Гони-ка, царь, сперва целковый».

С востока хворый ветер дул.
Январским вечером морозным,

Вызов

Не разойтись сегодня миром...
Дадите мне за все ответ.
На чем хотите? На рапирах?
Иль предпочтете пистолет?
Да, сударь, я Вас вызываю!
Моя перчатка Вам в лицо!
Причина? Даже и не знаю...
Мне наплевать в конце концов!

А! Вы уже хотите драться?!
Нет-нет! Сейчас подите прочь.
Советую утра дожждаться —
Дарю на память эту ночь!
Да Вы, как видно, недотрога.
Что побледнели так лицом!
Поручик, храбрости немного —
Ведь жизнь скучна в конце концов.

Вы не поручик?! Погодите...
Корнет Башкиров? Не пойму...
Похожи в штатском, извините,
Перчатку сам я подниму.
Что Вы сказали?! Не мараться?!
И обозвали подлецом?!
Какая разница с кем драться;
Мне наплевать в конце концов.

На зорьке буду ждать у рощи.
Корнет, поручик, кто другой...
Оденьте что-нибудь попроще —
Туда не ходят в дорогом.
Куда туда? Ах, боже правый,
Негоже быть таким глупцом!
Туда, куда я вас отправлю,
Где будем все в конце концов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНТИПОВ Сергей Сергеевич — кандидат философских наук (МВАК), академик Европейской академии естественных наук, первый проректор Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте, сопредседатель попечительского совета Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте, секретарь Правления Московской областной организации Союза писателей России, шеф-редактор журнала «Философская школа» (Москва, Россия).

ГРИГОРЬЕВ Аркадий — писатель, критик, поэт, переводчик (Бостон, США)

ГУРЕВИЧ Павел Семёнович (1933–2018) — известный российский философ, внесший значительный вклад в развитие отечественной философской антропологии, социальную философию, практику психоанализа, систему философского и психологического образования Российской Федерации, доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, основатель и вплоть до кончины главный редактор многих академических журналов по философии, психологии и филологии (Москва, Россия).

ДЖОХАДЗЕ Игорь Давидович — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором современной западной философии Института философии Российской академии наук (Москва, Россия).

ЛОГУНОВА Лариса Юрьевна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия).

МОСОЛОВ Роман Валерьевич — студент 4 курса Казанского (Приволжского) федерального университета, Института социально-философских наук, факультета общей и этнической социологии (Казань, Россия).

НАУМОВА Татьяна Владимировна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии Российской академии наук (Москва, Россия).

ПАГИНА Инна Сергеевна — магистрант кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия).

ПЕКЕЛИС Михаил Абрамович (Михаил Пластов) — доктор философских наук (МВАК), доктор богословия (МВАК), кандидат физико-математических наук, профессор, ректор Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте, член Президиума Российской академии естественных наук, член Союза писателей СССР, председатель редакционного совета журнала «Философская школа» (Москва, Россия).

РАХМАНОВСКАЯ Екатерина Александровна — кандидат философских наук, младший научный сотрудник Института философии Российской академии наук (Москва, Россия).

СТАРОВОЙТОВ Владимир Васильевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Института философии Российской академии наук (Москва, Россия).

ЧЕРНОВ Сергей Васильевич — доктор философских наук (МВАК), кандидат педагогических наук, профессор, ректор Института Непрерывного Профессионального Образования, заведующий кафедрой психологии и педагогической антропологии, научный руководитель Европейского Центра исследования гениальности (Берлин, Германия), главный редактор журнала «Философская школа» (Москва, Россия).

ABOUT THE AUTHORS

ANTIPOV Sergey — PhD in Philosophical sciences, academician of European Academy of Natural Sciences, first vice-rector in Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität, co-chairman of the board of trustees in Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität, secretary of the Board of the Moscow regional branch of the Russian Writers' Union (Moscow, Russia).

GRIGORIEV Arkady — writer, critic, poet, translator (Boston, USA)

GUREVICH Pavel (1933–2018) — famous Russian philosopher who made a significant contribution to the development of Russian philosophical anthropology, social philosophy, psychoanalysis practice, system of philosophical and psychological education of the Russian Federation, Grand PhD in Philosophical sciences, Grand PhD in Philological sciences, Professor, founder and editor-in-chief of many academic journals in philosophy, psychology and philology (Moscow, Russia).

JOHADZE Igor — PhD in Philosophical sciences, Leading Researcher, Head of the Modern Western Philosophy Sector in the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

LOGUNOVA Larisa — Grand PhD in Philosophical sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Sociological Sciences in Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

NAUMOVA Tatyana — PhD in Philosophical sciences, Senior Researcher in the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

MOSOLOV Roman — Student of 4 Course in Kazan Federal University, Institute of Social and Philosophy Sciences, Faculty of General and Ethical Sociology (Kazan, Russia).

PAGINA Inna — graduate student of the Department of Sociological Sciences in Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

PEKELIS Michael (Michael Plastov) — Grand PhD in Philosophical sciences, Grand PhD in Divinity, PhD in Physical-mathematical sciences, Professor, rector of Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität, a member of the Presidium in Russian Academy of Natural Sciences (Moscow, Russia).

RAKHMANOVSKAYA Ekaterina — PhD in Philosophical sciences, Junior Researcher in the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

STAROVOYTOV Vladimir — PhD in Philosophical sciences, Senior Researcher in the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

CHERNOV Sergey — Grand PhD in Philosophical sciences, PhD in Pedagogic sciences, Professor, rector of Institute of Continuous Professional Education, head of Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, scientific director of the European Center for Genius Research (Berlin, Germany), editor-in-chief in journal "Philosophical school" (Moscow, Russia).

КОНЦЕПЦИЯ ЖУРНАЛА «ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА»

Журнал является полидисциплинарным и полиаспектным научно-практическим изданием, синтезирующим на своих страницах широкий спектр направлений и форм оригинальной творческой мысли, а по тематике он философский, культурологический, психологический и педагогический.

Миссия журнала «Философская школа»: объединение авторов, имеющих темы для содержательно-го дискурса, оригинальные исследовательские разработки и проблемы для всестороннего обсуждения, а также задел для философского вопрошания и всеобъемлющей рефлексии человеческого и общественного бытия, с целью духовно-нравственного совершенствования человека посредством созидательного творческого труда в деле сохранения и утверждения ценностей духовной культуры.

Журнал не преследует иных целей, кроме указанных выше, в том числе и коммерческих, поскольку коммерциализация философии, науки, образования, культуры и религии не несёт под собой ничего, кроме уничтожения названных форм духовной жизни человека.

В журнале публикуются статьи на русском языке по направлениям: философия истории, философия культуры, философия науки, философия образования, философия веры, прикладная философия, история философии, в том числе, история русской религиозной философии, философия искусства, психология и педагогика, этика и эстетика, культура и искусствоведение, философская поэзия и философская проза, а также научно-методологические работы по фундаментальным проблемам человека, природы и общества.

Приветствуются работы авторов, выполненные на стыке философии и науки; фундаментальные исследования, интегрирующие различные научные направления и подходы; статьи, раскрывающие ключевые проблемы современности; актуальные психолого-педагогические исследования, кроме тех, которые носят узкоспециализированный характер.

Для публикации в журнале принимаются научные статьи российских и зарубежных философов, учёных, педагогов, религиозных и культурных деятелей, а также статьи представителей творческих профессий: писателей, поэтов, критиков, публицистов, художников, выполненные в жанре эссе.

К изданию принимаются персонологические исследования творческой деятельности и творческого наследия выдающихся исторических деятелей, внесших значительный вклад в развитие философии и религии, науки и образования, культуры и искусства.

При этом, главной доминантой издания является тема человека во всём многообразии его проявлений, его настоящего и будущего в нашем быстро меняющемся мире, в котором каждая личность за предельно короткий исторический период, меньший продолжительности одной человеческой жизни, проживает множество мировоззренческих эпох, таких эпох, которые в прежней истории человеческого рода принципиально не изменялись столетиями.

Журнал призван быть настоящей трибуной не только для маститых, но и для ещё совсем молодых авторов, творческая деятельность которых направлена на такие формы человеческого познания, как философия и религия, наука и искусство, культура и образование, а также на вопросы духовного, нравственного, творческого развития и совершенствования человека.

Журнал выходит в свет в печатном издании, а также размещается в полнотекстовом формате на следующих сайтах Интернета:

- Официальный сайт Института Непрерывного Профессионального Образования: <http://www.institutnpo.ru/component/tags/tag/19-filosofskaya-shkola>
- НЭБ (РИНЦ): <https://elibrary.ru/contents.asp?id=37315282>
- ЭНБ «КиберЛенинка»: <https://cyberleninka.ru/journal/n/filosofskaya-shkola>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Всем опубликованным в журнале статьям присваивается международный индекс DOI (Digital object identifier). Присвоение научному изданию (статье, монографии, диссертации) индекса DOI позволяет оперативно провести идентификацию научных публикаций автора, делает его публикации открытыми и доступными на популярных научных сайтах Интернет, способствует повышению цитируемости работ автора и, соответственно, повышает публикационный рейтинг учёного.

Объём журнала «Философская школа» и структура рубрик диктуют наиболее приемлемый объём статей, принимаемых к публикации. Он должен составлять от 32 до 48 тысяч знаков. По согласованию с главным редактором принимаются статьи либо меньшего, либо большего объёма. В одном номере журнала возможна публикация одновременно нескольких статей от одного автора.

Не принимаются к публикации материалы, напоминающие автореферат. Автор должен продемонстрировать в статье не только хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ учёных, исследовавших его прежде, но привнести своей публикацией определённую научную новизну. Все статьи проходят проверку на плагиат.

К публикации принимаются статьи в формате Microsoft Word любой версии. Шрифт — Times New Roman. Параметры страницы: размер А4, книжной ориентации; поля по 2 см (сверху, снизу, справа, слева).

Красная строка — 1,25 см выставляется автоматически.

Параметры шрифта: шрифт Times New Roman, кегль 12; начертание обычное; междустрочный интервал — одинарный; пробелы между абзацами не допускаются; перенос — не допускается.

Инициалы и фамилия автора: форматирование по центру, пишутся с пробелом, жирным шрифтом, кегль 14, после фамилии точка не ставится.

Наименование статьи: форматирование по центру, кегль 14, жирный, основной. Например: После пробела — учёная степень и учёное звание (при наличии), наименование организации, которую представляет автор статьи, занимаемая автором должность: курсив, кегль 14.

Дефис и тире: в статье используется обычный короткий дефис: “ — ” и длинное тире: “ — “. Длинное тире устанавливается следующим образом: нажмите и удерживайте “Ctrl” и нажмите “-” (минус) на калькуляторе клавиатуры.

Все иллюстрации, в том числе диаграммы, прилагаются отдельными файлами с разрешением не менее 300 dpi; имена файлов должны быть только в виде цифр, соответствующим порядковому номеру иллюстрации (001.png, 002.jpg, 003.eps, ...); соответствующему файлу в тексте должна быть проставлена ссылка (Рис. 1, Рис. 2, Рис. 3, ...).

Таблицы размещаются в самом тексте рукописи.

Сноски на литературу указываются в квадратных скобках: либо без указания страницы — [12], либо с указанием страницы — [15, с. 271], где первое число — это номер источника по списку литературы, а второе число — указание на номер цитируемой страницы.

Оформление списка литературы: **Список литературы** — шрифт жирный, кегль 14, форматирование по центру, далее после пробела список использованной литературы (по алфавиту), оформленный по ГОСТ 7.1–2003, кегль 12.

Список литературы к статье должен содержать не менее 15 источников (книги, сборники, статьи). Желательно, чтобы автор включал в список литературы ссылки на статьи из предыдущих номеров «Философской школы».

Авторские тексты должны быть тщательно отредактированы. Оргкомитет оставляет за собой право не публиковать неотредактированные статьи, статьи не соответствующие указанным требованиям.

Аннотация и ключевые слова. К статье необходимо приложить аннотацию на русском языке, содержащую от 100 до 200 слов и список ключевых слов (строго 10 ключевых слов). Причём одно ключевое слово может быть составлено из одного, двух или трёх (но не больше) слов. Например, словосочетание *творческая жизнь гения* — это одно ключевое слово. Аннотация обязательно должна содержать актуальность работы, описание её главной идеи и формулировку научной новизны.

Сведения об авторе публикуются в отдельной рубрике журнала. Здесь необходимо указать: фамилию, имя и отчество автора (полностью), учёную степень и учёное звание (при наличии), место работы (полное наименование без аббревиатурных сокращений) и должность, занимаемую автором, e-mail автора, почтовый адрес по которому автор хотел бы получить авторские экземпляры (два) журнала, дополнительные сведения, определяющие научные или иные достижения автора (при желании), а также научные интересы автора (при желании).

Статьи в электронном виде и направляются на электронную почту главного редактора журнала: sv.chernov@institutnpo.ru

www.institutNPO.ru

Уважаемые авторы!

Соблюдая указанные правила оформления материалов, Вы в разы сокращаете сроки выхода вашей статьи из печати. Редакция заранее благодарит Вас!

ОТ РЕДАКЦИИ: дополнительно к выпуску № 7, 2019

В предыдущем выпуске журнала Философская школа № 7, 2019 была опубликована статья:

К.В. Ворожихина. Лев Шестов о Ф.М. Достоевском: pro et contra. — С.65-70. — Исследование проведено при поддержке РФФИ (грант № 18-012-90027).

Однако ссылка на грант РФФИ была опущена по вине Редакции.
За что Редакция приносит свои извинения автору: Ксении Владимировне Ворожихиной.

Научное издание

ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА

№ 8 2019

Научно-практический журнал

Автономная некоммерческая организация науки
и дополнительного профессионального образования
Институт Непрерывного Профессионального Образования

Шеф-редактор: *С.С. Антипов*
Главный редактор: *С.В. Чернов*
Председатель редакционного совета: *М.А. Пекелис*
Ответственный секретарь: *Э.М. Спирина*
Заместитель главного редактора: *В.А. Шейкин*

**Издательство Института Непрерывного
Профессионального Образования**
115093, Россия, Москва, 1-й Щипковский переулок, д. 20
Тел. +7 (499) 130-12-27; +7 (909) 640-91-17;
e-mail: sv.chernov@institutnpo.ru
www.institutNPO.ru

ISSN 2541-7673

